

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК
ВОЛОГОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в январе 2016 г.

№ 3 (26) / 2022

Серия: Исторические и филологические науки

ВОЛОГДА
2022

Научный журнал «Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2016 г.

«Вестник ВоГУ» является рецензируемым периодическим научным изданием Вологодского государственного университета, выпускаемым не менее четырех раз в год, и предназначен для ознакомления российской и зарубежной научной общественности, аспирантов и студентов с новыми научными результатами, имеющими значение в области фундаментальной и прикладной науки.

Журнал «Вестник ВоГУ. Серия: Исторические и филологические науки» с 21.02.2022 включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Серия: Исторические и филологические науки

Группы специальностей:

5.6.1. Отечественная история (исторические науки),

5.6.2. Всеобщая история (исторические науки),

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки),

5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки),

5.9.3. Теория литературы (филологические науки),

5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки),

5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки),

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Полнотекстовые версии выпусков научного журнала размещены в свободном доступе на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru)

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет»

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-75973 от 13 июня 2019 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Главный редактор

В.А. Саблин, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории и мировой политики ВоГУ

Заместитель главного редактора

Л.В. Егорова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ВоГУ,

Секретарь

С.Х. Головкина, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики, теории коммуникации ВоГУ

Члены редколлегии:

С.Ю. Баранов, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы ВоГУ,

О.А. Бурсина, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка ВоГУ,

Л.О. Володина, доктор педагогических наук, доцент, директор Вологодского научного центра Российской академии образования, профессор кафедры психологии и педагогики ВоГУ,

Л.В. Изюмова, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ,

В.А. Квашинин, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и мировой политики ВоГУ,

И.Е. Колесова, кандидат филологических наук, ученый секретарь ВОУНБ им. И.В. Бабушкина,

Г.Н. Кочешков, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского,

Р.Л. Красильников, доктор филологических наук, преподаватель автономной некоммерческой организации «Общественная школа Центра педагогического мастерства»,

С.А. Мызников, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Центра ареальной лингвистики ФГБУН «Институт славяноведения Российской академии наук»,

О.В. Никитин, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Историко-филологического института Московского государственного областного университета,

Ж.И. Подоляк, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка ВоГУ,

Я.В. Сарычев, доктор филологических наук, доцент, заместитель директора Института филологии по научной работе, профессор кафедры русского языка и литературы Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,

Г.В. Судаков, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики, теории коммуникации ВоГУ,

В.А. Черкасов, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства Белгородского государственного национального исследовательского университета

Переводчик – О.А. Бурсина

Редакторы – О.М. Ванчугова, Н.Н. Постникова

Оригинал-макет – С.В. Кудрявцев

Адрес редакции: 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15, каб. 212; тел.: 8 (8172) 72-52-00; e-mail: vestnik@vogu35.ru; <http://vestnik.vogu35.ru>

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«VOLOGDA STATE UNIVERSITY»

BULLETIN OF VOLOGDA STATE UNIVERSITY

SCIENCE JOURNAL

First published in 2016

No. 3 (26) / 2022

Series: History and Philology

VOLOGDA
2022

No. 3 (26) / 2022 / November. 4 issues a year

Science Journal «Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology» has been fully indexed by Russian Science Citation Index since 2016.

‘Bulletin of Vologda State University’ is a peer-reviewed scholarly journal published by Vologda State University. It is issued four times a year and is aimed at Russian and international researchers, post-graduate and undergraduate students who wish to familiarize themselves with new fundamental and applied research.

‘Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology’ is included in the List of peer-reviewed scientific journals approved for publication of the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science since February 21, 2022.

Series: History and Philology

Academic areas:

5.6.1. National History (Historical Sciences)

5.6.2. Global History (Historical Sciences)

5.9.1. Russian Literature and Literature of the Peoples of the Russian Federation (Philological Sciences)

5.9.2. World Literature (Philological Sciences)

5.9.3. Literature Theory (Philological Sciences)

5.9.5. Russian. Languages of the Peoples of the Russian Federation (Philological Sciences)

5.9.6. Foreign Languages (Germanic Languages), (Philological Sciences)

5.9.8. Theoretical, Applied and Comparative Linguistics (Philological Sciences)

Full-size versions of the issues can be found in free access at Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru).

Founder and Publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Vologda State University»

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor). Registration Certificate ПИ № ФС77-75973 of June 13, 2019

Editor-in-Chief

Vasily A. Sablin, Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of World History and International Politics, Vologda State University

Deputy Chief Editor

Ludmila V. Egorova, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English, Vologda State University

Executive Secretary

Svetlana Kh. Golovkina, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University

Editorial Board

Sergey Yu. Baranov, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Literature, Vologda State University

Olga A. Bursina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English, Vologda State University

Larisa O. Volodina, Doctor of Pedagogy, Head of the Vologda Research Center of the Russian Academy of Education, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Vologda State University

Larisa V. Izyumova, Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History, Vologda State University

Vladimir A. Kvashnin, Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of World History and International Politics, Vologda State University

Irina Ye. Kolesova, Candidate of Philology, Academic Secretary of Vologda Regional Research Academic Library

Gennady N. Kocheshkov, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

Roman L. Krasilnikov, Doctor of Philology, Lecturer, Autonomous Non-Profit Organization «Comprehensive School at the Center for Pedagogical Excellence»

Sergey A. Myznikov, Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow of the Centre of Areal Linguistics, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

Oleg V. Nikitin, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of History of Russian and General Linguistics, History and Philology Institute, Moscow State Regional University

Zhanna I. Podolyak, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of English, Vologda State University

Yaroslav V. Sarychev, Doctor of Philology, Assistant Professor, Deputy Director for Research at the Philological Institute, Professor of the Department of Russian Language and Literature, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semyonov-Tyan-Shanskiy,

Gury V. Sudakov, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University

Valery A. Cherkasov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory, Pedagogy and Methods of Primary Education and Fine Arts, Belgorod State National Research University

Editor of English Texts – O.A. Bursina

Editors, proofreaders – O.M. Vanchugova, N.N. Postnikova

Making up and technical editing – S.V. Kudryavtsev

Address of Editorial Office: Office 212, Lenin Street, 15, Vologda, 160000; tel.: 8 (8172) 72-52-00; e-mail: vestnik@vogu35.ru

Bulletin website: <http://vestnik.vogu35.ru>

ISSN 2658-7254

© Vologda State University, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Саблин В.А.</i> СТОЛЕТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ СССР. НАЧАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ.....	7
---	---

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Гехт А.Б.</i> ПЕТЕР ВАЛЛЕНБЕРГ: КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ ШВЕДСКОГО ПРОМЫШЛЕННИКА.....	10
<i>Котов П.П., Носова Т.А.</i> СОСТАВ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ В ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	17
<i>Кривуть В.И.</i> ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОЛЬСКОГО ПРОМЕТЕИЗМА (XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.).....	25
<i>Наумов А.Н.</i> ВОЕННОПЛЕННЫЕ НЕМЦЫ В КЕМСКОЙ ВОЛОСТИ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ НИКОЛЬСКОГО УЕЗДА 1915–1918 ГГ.	29
<i>Немчинов А.Ю.</i> СИБИРСКОЕ ЧИНОВНИЧЕСТВО В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА НА ПРИМЕРЕ БЮРОКРАТИЧЕСКОГО АППАРАТА ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ.....	34
<i>Столетова А.С.</i> «НЕПРАВИЛЬНЫЕ» НАСТРОЕНИЯ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ЭПОХИ 1950-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ОТДЕЛА КУЛЬТУРЫ ЦК КПСС).....	38
<i>Телепень С.В.</i> ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ КОМАНДОВАНИЕ РАННЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И DOMUS AUGUSTA	43

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Гриднева Н.А.</i> К ПРОБЛЕМЕ ЛИРИЗМА В РОМАНЕ М. ШИШКИНА «ПИСЬМОВНИК».....	47
<i>Зелезинская Н.С.</i> ГЕНЕЗИС ПРОБЛЕМНОГО ПОДРОСТКОВО-МОЛОДЕЖНОГО РОМАНА	51
<i>Иванова В.Я.</i> «СУДЬБА МОЯ». СВЕЛАНА И ВАЛЕНТИН РАСПУТИНЫ.....	57
<i>Марков А.В.</i> СПЕЦИФИКА СЛОЖНЫХ ЭКФРАЗИСОВ В ПОЭЗИИ ПЕТРА БРАНДТА.....	64
<i>Черкасов В.А.</i> ПОЛЕМИКА ТЫНЯНОВА С ВЕРЕСАЕВЫМ О ПОЭТЕ И ПОЭЗИИ.....	70

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Волкова Т.Ф.</i> НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ СЮЖЕТОВ ПЕЧОРСКИМ КРЕСТЬЯНИНОМ XIX ВЕКА (ЛИТЕРАТУРНЫЕ РЕДАКЦИИ И.С. МЯДИНА).....	76
<i>Голиков Л.М.</i> ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ НОРМА В ДИСКУРСЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО АНТИСЕМИТИЗМА СССР (НА МАТЕРИАЛЕ ДОКУМЕНТОВ 1946–1953 гг.)	83
<i>Громько С.А.</i> БИБЛЕЙСКИЙ ИНТЕРТЕКСТ В РУССКОМ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ НАЧАЛА XX ВЕКА	87
<i>Румянцева А.С.</i> ПОНЯТИЕ О МЕТАФОРЕ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ПРОТОТИПА	92
<i>Третьякова И.А.</i> СИСТЕМА ТЕРМИНОВ ЖУРНАЛИСТИКИ В ЦИКЛЕ ОЧЕРКОВ В.А. ГИЛЯРОВСКОГО «МОСКВА ГАЗЕТНАЯ»	99

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Егорова Л.В.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: РЕЙФИЛД ДОНАЛЬД. ЖИЗНЬ АНТОНА ЧЕХОВА / ПЕР. С АНГЛ. О. МАКАРОВОЙ; ИСПР. И ДОП. ИЗД. М.: КОЛИБРИ, АЗБУКА-АТТИКУС, 2020. 896 С.	104
<i>Черкасова М.С.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: СТЕПАНОВА Л.Г. ПРИРОДА И БЛАГОСОСТОЯНИЕ. ОСВОЕНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ РУССКИМ КРЕСТЬЯНИНОМ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ: МОНОГРАФИЯ. СПБ.: АЛЕТЕЙЯ, 2021. 637 С.	107
<i>Петров А.В.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «ПРИВЫЧНОГО ДЕЛА» В.И. БЕЛОВА: МОНОГРАФИЯ / РЕДАКТОР И АВТОР ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬИ С.Ю. БАРАНОВ. ВОЛОГДА: ПОЛИГРАФ-ПЕРИОДИКА, 2021. 655 С.	111
<i>Дозморов В.А.</i> О НОВЫХ ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: УСТНАЯ ИСТОРИЯ: ИЗУЧЕНИЕ ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ 1940–1990-Х ГГ. ПО СВИДЕТЕЛЬСТВАМ ОЧЕВИДЦЕВ: УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ / СОСТ.: Т.Н. ИВАНОВА, Н.Н. АГЕЕВА. ЧЕБОКСАРЫ: СРЕДА, 2022. 196 С.	114
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	116

CONTENTS

<i>Sablin V.A.</i> CENTENARY OF THE FORMATION OF THE USSR. INITIAL PAGES OF HISTORY	7
---	---

HISTORY

<i>Gekht A.B.</i> PETER WALLENBERG: A BRIEF BIOGRAPHY OF A SWEDISH INDUSTRIALIST	10
<i>Kotov P.P., Nosova T.A.</i> COMPOSITION OF ORTHODOX BROTHERHOODS IN VOLOGDA PROVINCE IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURY	17
<i>Krivut V.I.</i> ORIGIN AND DEVELOPMENT OF POLISH PROMETHEISM (18th – EARLY 20th CENTURIES).....	25
<i>Naumov A.N.</i> GERMAN PRISONERS OF WAR IN KEM VOLOST OF NIKOLSK DISTRICT, VOLOGDA PROVINCE, 1915–1918.....	29
<i>Nemchinov A.Yu.</i> SIBERIAN BUREAUCRACY IN THE MIDDLE OF THE 19th CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE BUREAUCRATIC APPARATUS IN TOBOLSK GOVERNORATE).....	34
<i>Stoletova A.S.</i> «WRONG» MOODS OF SOVIET WRITERS IN THE 1950s (ON THE MATERIALS FROM THE CULTURE DEPARTMENT OF THE CENTRAL COMMITTEE OF THE CPSU).....	38
<i>Telepen S.V.</i> PROVINCIAL COMMAND IN THE EARLY ROMAN EMPIRE AND DOMUS AUGUSTA	43

LITERATURE STUDY

<i>Gridneva N.A.</i> ON THE ISSUE OF LYRICISM IN MIKHAIL SHISHKIN'S NOVEL «THE LIGHT AND THE DARK»	47
<i>Zelezinskaya N.S.</i> GENESIS OF THE YOUNG ADULT PROBLEM NOVEL	51
<i>Ivanova V.Ya.</i> «MY FATE». SVETLANA AND VALENTIN RASPUTINS	57
<i>Markov A.V.</i> SPECIFICS OF COMPLEX EKPHRASIS IN PETR BRANDT'S POETRY	64
<i>Cherkasov V.A.</i> POLEMICS BETWEEN YU. TYNANOV AND V. VERESAEV ABOUT THE POET AND POETRY.....	70

LINGUISTICS

<i>Volkova T.F.</i> A NEW READING OF ANCIENT RUSSIAN PLOTS BY THE PECHORA PEASANT OF THE 19TH CENTURY (LITERARY EDITING BY I. S. MYANDIN).....	76
<i>Golikov L.M.</i> IDEOLOGICAL NORM IN THE STATE ANTI-SEMITISM DISCOURSE IN THE USSR (ON THE MATERIAL OF DOCUMENTS OF 1946–1953).....	83
<i>Gromyko S.A.</i> BIBLICAL INTERTEXT IN THE RUSSIAN NATIONALIST DISCOURSE OF THE EARLY 20th CENTURY	87
<i>Rumyantseva A.S.</i> METAPHOR NOTION IN THE LIGHT OF LEXICAL PROTOTYPE THEORY	92
<i>Tretyakova I.A.</i> THE SYSTEM OF JOURNALISM TERMS IN THE CYCLE OF V.A. GILYAROVSKY'S ESSAYS «MOSCOW GAZETNAYA».....	99

SCIENTIFIC SURVEYS, RESEARCH REPORTS, COMMENTS AND REVIEWS

<i>Egorova L.V.</i> BOOK REVIEW: RAYFIELD DONALD. ANTON CHEKHOV: A LIFE. TRANS. BY O. MAKAROVA. M., 2020. 896 P.	104
<i>Cherkasova M.S.</i> REVIEW OF THE MONOGRAPH: STEPANOVA L.G. NATURE AND WELFARE. THE DEVELOPMENT OF THE ENVIRONMENT BY A RUSSIAN PEASANT IN THE MIDDLE AGES AND EARLY MODERN TIMES. SPB.: ALETEIYA, 2021. 637 P.	107
<i>Petrov A.V.</i> BOOK REVIEW: ENCYCLOPEDIA OF «AN ORDINARY AFFAIR» BY V.I. BELOV: MONOGRAPH / EDITOR AND AUTHOR OF THE INTRODUCTORY ARTICLE S.Y. BARANOV. VOLOGDA, 2021. 655 P.	111
<i>Dozmorov V.A.</i> ABOUT NEW APPROACHES TO THE STUDY OF MODERN RUSSIAN HISTORY. REVIEW OF THE TEXTBOOK: ORAL HISTORY: THE STUDY OF THE MOST IMPORTANT EVENTS OF THE NATIONAL HISTORY OF THE 1940S–1990S ACCORDING TO EYEWITNESS ACCOUNTS / COMP. T. N. IVANOVA, N. N. AGEEVA, 2022. 196 P.	116

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	118
-------------------------------------	-----

В.А. Саблин

*главный редактор научного журнала
«Вестник Вологодского государственного университета.
Серия: Исторические и филологические науки»,
доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики
Вологодского государственного университета*

СТОЛЕТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ СССР. НАЧАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

«Союз Советских Республик» – под таким заголовком была опубликована передовица в первом номере газеты «Красный Север» за 1923 год. В статье шла речь о прошедшем 30 декабря 1922 года в Москве «союзном съезде Советских Социалистических республик». В частности, отмечалось, что на съезде присутствовало «1217 делегатов от РСФСР, 354 от Украины, 73 от Закавказья и 23 от Белоруссии». Надо полагать, все региональные газеты России откликнулись на это событие. Посмотрим в этой связи на историю вопроса.

Для большевиков – поборников идеи мировой пролетарской революции вопрос о самоопределении наций занимал подчиненное место по отношению к коренному вопросу революции о самоопределении пролетариата. Лозунг «Пролетарии всех стран соединитесь!», который освящал усилия большевиков по раздуванию пожара мировой революции, явно вступал в противоречие с самой идеей глобальной революции. Растаскивание пролетариата по «национальным квартирам» ослабило бы революционное движение рабочих и нанесло урон самой идее. Выступая за чистоту самой идеи пролетарской революции, большевизм усматривал в требовании самоопределения наций и построения национальных государств не что иное, как стремление буржуазии разъединить рабочих.

Однако под воздействием конъюнктуры Второй российской революции большевики должны были прислушиваться к общественным настроениям в стране, проанализировать содержание национальных требований и пойти на смену ориентиров в этом важном для России вопросе. Так, уже на VII конференции РСДРП(б) в апреле 1917 г. В.И. Ленин заявил, что «мы к сепаратистскому движению равнодушны, нейтральны. Если Финляндия, Польша, Украина отделятся от России, в этом ничего худого нет».

Согласившись поддерживать национальное движение и право народов на самоопределение, большевики всегда связывали воедино это право и целесообразность отделения. На той же VII конференции РСДРП(б) И.В. Сталин, выступавший с докладом по национальному вопросу и поддержавший саму идею, сделал оговорку о том, что «вопрос о признании права на отделение не следует смешивать с вопросом о целесообразности отделения при тех или иных условиях». «Я лично, – отметил он, – высказался бы, например, против отделения Закавказья».

В «Декларации прав народов России», принятой новой властью 2 (15) ноября 1917 г. за подписью Ленина и Сталина, юридически закреплялось «право народов России на свободное самоопределение,

вплоть до отделения и образования самостоятельного государства».

Выступая со своего рода комментарием к вновь принятому документу, В.И. Ленин подчеркивал: «Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем. Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранялся союз между трудящимися каких угодно наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций».

В январе 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, на котором Россия была провозглашена советской федеративной социалистической республикой, в выступлении И.В. Сталина по вопросу о самоопределении наций появился еще один тезис: «Мы признаем самоопределение, но не как самоцель, а как средство для перехода к социализму... Если какой-нибудь народ хочет войти в федерацию, он должен установить у себя власть Советов».

В марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б), который обсуждал и принял новую (вторую) программу партии, вопрос о самоопределении наций вызвал оживленную дискуссию. Н.И. Бухарин выступил резко против: «Мы не можем выставлять лозунг права наций на самоопределение». По его мнению, признание данного права за нацией означало на практике признание фиктивной «воли нации», так как сама по себе нация – это сложное социальное образование, включающее в себя и буржуазию, борьба с которой является основной задачей партии большевиков.

По мнению Г.Л. Пятакова, в данном вопросе пролетариат обязан действовать «с учетом строгой пролетарской централизации и пролетарского объединения».

В.И. Ленин, исходя из тактических соображений, высказывался в пользу тезиса о самоопределении трудящихся. В итоговом документе съезда положение о праве на национальное самоопределение, вплоть до государственного отделения, было сохранено.

По окончании Гражданской войны, когда перед властью встали конкретные задачи по реализации провозглашенных принципов федерализма, в феврале 1921 г. И.В. Сталин, выступая с тезисами о задачах партии в национальном вопросе, поддержал «право наций на государственное отделение». Однако основной акцент его тезисов сводился к вопросу о целесообразности отделения. По его мнению, вне формализованного объединения изолированное существование советских республик было невозможно.

По мере советизации постимперского пространства и образования самостоятельных социалистиче-

ских республик руководство РСФСР старалось взаимодействовать с ними.

На первом этапе сотрудничества, охватывающем 1917–1920 гг., который в советской историографии получил название «военно-политического союза» социалистических республик, межгосударственные отношения выливались в координацию усилий РСФСР, Украинской советской социалистической республики (УССР), Белорусской советской социалистической республики (БССР) и Азербайджанской советской социалистической республики (АзССР) по борьбе с общим врагом – белыми армиями.

Важнейшим фактором, содействовавшим укреплению такого союза, являлась Российская коммунистическая партия большевиков, сохранявшая жесткую централизованную структуру. В национальных районах были созданы бюро ЦК РКП(б) (Средняя Азия, Киргизия, Казахстан, Кавказ, Юго-Восток). Посредством бюро можно было влиять на политическую ситуацию в советских государствах.

1 июля 1919 г. ВЦИК РСФСР принял Декрет об объединении советских республик «для борьбы с мировым капиталом».

Результатом его претворения в жизнь стало объединение управления железных дорог, финансов, а самое главное – военного командования в лице Революционного военного совета республики (РВСР) Российской рабоче-крестьянской красной армии (РККА). При этом функции союзных органов возлагались на наркоматы РСФСР.

На завершающем этапе Гражданской войны в 1920 – середине 1922 г. «военно-политический союз» республик был подкреплён «военно-экономическим» и «внешне-экономическим союзом». В сентябре – декабре 1920 г. была подписана серия союзных экономических договоров РСФСР с Азербайджанской ССР, УССР, БССР и чуть позже с Грузинской ССР. Это привело к фактическому объединению под началом РСФСР почтово-телеграфной связи и внешней торговли всех республик. В 1922 г. Российская делегация представляла интересы советских республик на международной экономической конференции в Генуе.

Когда в 1922 г. встал вопрос об оформлении «более тесного» государственного союза республик, казалось, альтернатив устоявшейся тенденции «автономизации» (т.е. вхождению республик в состав РСФСР на правах автономий) не существует. 24 сентября 1922 г. комиссия Оргбюро ЦК РКП(б) по подготовке вопроса «О взаимоотношениях РСФСР и независимых республик», которую возглавлял И.В. Сталин, выработала проект объединения, основанный на принципах «автономизации». На заседание комиссии были приглашены представители всех советских республик, которые после некоторых дополнений в интересах республик согласились (кроме представителя Грузии, главы компартии Грузии Б. Мдивани) с предложенным проектом.

Однако противоположную точку зрения неожиданно высказал В.И. Ленин, предложивший 26 сентября 1922 г. проект создания новой федерации – Союза Советских Республик Европы и Азии (вскоре название было изменено на СССР). Авторитет вождя сыграл свою роль, и план Ленина был принят.

Механизм взаимодействия федеральных структур было решено отработать на практике. Так появилась Закавказская советская федеративная социалистическая республика (ЗСФСР), в которую вошли Азербайджан, Армения и Грузия.

Дальнейшее оформление союзного государства не обошлось без трений и конфликтов. Поборниками имперской унитарности выступали Сталин, Держинский, Орджоникидзе, Мануильский, Элиава, интернационалистскую позицию Ленина поддерживали Троцкий, Бухарин, Крестинский. Компромиссной точки зрения придерживались Зиновьев и Каменев.

В роли откровенных оппонентов Сталина на местах выступали: на Украине – Фрунзе и Раковский (последний отстаивал идею конфедеративного объединения); в Грузии – Махарадзе, Сванидзе, Цинцадзе, Буду Мдивани.

30 декабря 1922 г. состоялся I Всесоюзный съезд Советов. К тому времени все разногласия формально были преодолены. Съезд принял Декларацию и Договор об образовании СССР. В январе 1924 г. провозглашенное государство было юридически закреплено принятием на II Всесоюзном съезде Советов Конституции СССР.

Высшим органом государственной власти по Конституции СССР являлся Всесоюзный съезд Советов, который работал под руководством председателя Центрального исполнительного комитета (ЦИК). В перерывах между съездами его функции исполнял ЦИК, который собирался на три сессии в год. ЦИК был двухпалатным органом и состоял из Союзного Совета и Совета национальностей. При ЦИК функционировал Верховный суд СССР. Постоянно работающим органом был Президиум ЦИК, который формировался из состава президиумов обеих палат.

Высшим органом исполнительной власти (правительством СССР) являлся Совет народных комиссаров (СНК). Помимо наркоматов при СНК постоянно функционировал целый ряд комиссий: законодательных предположений, финансовая, Совет труда и обороны (СТО), Центральное статистическое управление (ЦСУ), Главный концессионный комитет. На правах подкомиссий при СТО действовали Госплан, комиссия внутренней торговли и др.

Особую роль в стране играло Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР, созданное в 1923 г. на базе Главного политического управления (ГПУ) в составе Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) РСФСР.

Система ОГПУ включала в себя: ГПУ союзных республик, ГПУ автономных республик, Политические отделы при исполкомах Советов, Особые отделы в армии и на флоте.

Конституция СССР послужила основой для разработки основных законов советских республик. В 1925 г. были приняты Конституции РСФСР, УССР и ЗСФСР, в 1927 г. – Конституция БССР. В первой половине 1920-х годов была завершена деятельность по кодификации законов, тем самым сформировалось единое правовое пространство СССР. В 1924 г. были образованы Узбекская, Казахская и Туркменская советские социалистические республики, а в 1925 г. III съезд Советов СССР принял республики Средней

Азии в состав союзного государства. Автономными республиками стали Ингушетия, Нахичевань, Чувашия, Молдавия. Автономными стали Горно-Балхашская (Таджикистан) область и Коми-Пермяцкий и Ненецкий национальные округа в составе РСФСР. К концу 1925 г. в СССР входило 6 союзных и 15 автономных республик, 16 автономных областей. К 1941 году число союзных республик в составе СССР возрастает до 16.

Создание СССР означало в реальности возрождение имперского тела России. Территория страны стала пригодна для жизни, постепенно прекратились внутренние конфликты, общество приобретало некую стабильность. Однако дальнейшее развитие СССР как цивилизационно-неоднородного феномена покажет, что национальные противоречия, скрывающиеся за фасадом внешне могущественного государства, рано или поздно проявят себя.

А.Б. Гехт

*Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича*

ПЕТЕР ВАЛЛЕНБЕРГ: КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ ШВЕДСКОГО ПРОМЫШЛЕННИКА

В настоящей статье рассматривается длительный путь неоднозначной фигуры династии Валленбергов – Петера Валленберга. Деятельность второго сына Маркуса Валленберга-младшего рассматривается с момента его работы за границей, когда он был оторван от семейного центра принятия решений и, следовательно, не подготовлен к управлению финансово-промышленной группой семьи Валленберг, до активного роста и процветания большинства основных экспортных фирм страны под его руководством. Особое внимание уделяется укреплению промышленных холдингов финансово-промышленной группы империи Валленбергов и росту экспансии за границами Скандинавии, в особенности в период после завершения «холодной войны». В статье проведен анализ личности Петера Валленберга – человека, запомнившегося своей любовью к хорошей еде и изысканным красным винам, но оказавшегося достойной заменой своему отцу в деловых интересах семьи Валленбергов. Завершается рассмотрение личности П. Валленберга описанием расформирования в прошлом дочерней компании «Saab-Scania», совпавшего с кончиной патриарха одной из крупнейших в мире промышленных групп.

Семейство Валленбергов, Петер Валленберг, Швеция, финансово-промышленная группа, банковское дело, экономика.

После трагической смерти в ноябре 1971 года Марка Валленберга, старшего сына крупнейшего в Швеции финансиста Маркуса Валленберга-младшего, шведская и международная пресса достаточно активно спекулировали на том, что эра крупнейшей в королевстве финансово-промышленной группы Валленбергов приблизилась к своему завершению [20]. «Блистательная эпоха семьи Валленберг в качестве ведущих шведских финансистов подошла к концу» – к такому заключению пришла одна из крупнейших шведских вечерних газет, «Афтонбладет», в конце 1971 года [2]. Время показало, что этот своего рода некролог был преждевременным: полвека спустя сфера деловых интересов семьи Валленберг не только не утратила прежних позиций, но стала только масштабнее и, пожалуй, представительнее.

Многочисленные аллюзии с монархическими домами, возникающие при изучении истории дома Валленбергов [1], особенно ярко дают о себе знать при рассмотрении действий семейного патриарха Маркуса Валленберга-младшего. Лишившись на старости лет тщательно подготовленного и обзаведшегося немалым профессиональным опытом старшего сына, Маркус-младший, подобно средневековому королю, естественным образом обратил свое внимание на второго сына. Младший брат Марка, Петер, долгое время работал за границей и был фактически полностью удален от традиционного семейного центра принятия решений, расположенного в Стокгольме и имеющего влияние далеко за его пределами.

Казалось, что отношения банкира с сыном ничто лишены не только какого-либо взаимного тепла, но и, насколько можно судить исходя из анализа литературы, какого-либо доверия к сыну со стороны отца. Но после самоубийства старшего сына у властного и во многом бескомпромиссного Маркуса-младшего не оставалось иных путей, кроме как опереться на своего второго отпрыска. Петер был приглашен из Британии обратно в Швецию, где он без лишней огласки постепенно занял одну за другой руководящие должности в руководстве финансово-промышленной группы семьи Валленберг [13].

Мало кто в то время – возможно даже, что и его собственный отец – мог подумать, что Петер сможет стать во главе семейного бизнеса, поддерживать его и даже увеличивать власть семьи Валленбергов, однако ему это вполне удалось. «Горстка ведущих бизнесменов Швеции будет пытаться собрать вместе компании группы Валленберг до тех пор, пока внуки не станут достаточно взрослыми, чтобы вступить во владение группой», – писала ежедневная деловая газета «Дагенс индустрии» сразу после смерти Маркуса Валленберга-младшего [3]; отметим, что Петер даже не был упомянут на страницах издания.

Вместо него некоторыми из основных кандидатов на управление финансовой империей Валленбергов, согласно ежедневным газетам [5], были успешный менеджер Курт Николин, которому тогда было 50 лет, глава компании по производству электрооборудования ASEA, двоюродный брат покойного Марка Петер Бунде, которому тогда было 49 лет, глава отделения

«Стокгольмс Эншилда банкен» во втором по величине городе королевства, Гётеборге, и Педер Сагер – внебрачный сын Якоба Валленберга, старшего брата Маркуса-младшего [7, р. 201].

В отличие от своего энергичного отца Маркуса, который все еще играл в теннис в возрасте 70 лет, здоровье его 45-летнего сына Петера было далеко от идеального. Младший сын финансиста любил хорошую еду и изысканные красные вина, много курил, имел хронический избыточный вес, перенес сердечный приступ и страдал от приступов малярии, которой, возможно, заразился, находясь на работе в руководстве промышленными объектами финансово-промышленной группы своей семьи в Африке [15, р. 4–5].

Ко всему прочему, у его отца очевидно сохранялись серьезные сомнения относительно будущего его сына в качестве главы семейного бизнеса: «Петер хороший мальчик, но у него нет способностей», – рассказывал банкир своему коллеге о втором сыне [7, р. 201]. Отношения между отцом и сыном были описаны аналогичным образом и занимавшим пост председателя правления концерна «Volvo» предпринимателем Пером Гюлленхаммаром [15, р. 5].

Эти суждения стали частью своего рода мифа о Петере как об отверженном сыне и время от времени всплывают на страницах шведской прессы, рассуждающей о перипетиях внутрисемейных отношений Валленбергов. Но нельзя исключать что эта версия вполне может быть несколько преувеличена; в конце концов и оба сына, а также сотрудники высшего звена, занимавшие высокие посты в финансово-промышленной группе семьи Валленберг, также регулярно испытывали трудности с удовлетворением требовательного нрава М. Валленберга-младшего.

Более того – некоторые члены семьи и деловые партнеры оспаривают мнение о том, что у Маркуса-младшего якобы было какое-то предубеждение относительно его сына. «Додди (уменьшительно-ласкательное обращение к Маркусу Валленбергу, принятое в его близком окружении. – А. Г.) никогда не говорил негативно о Пирре (аналогичное обращение к Петеру. – А. Г.)», – сказала в своем анонимном интервью исследователю Д. Барталю одна женщина, на протяжении нескольких десятилетий входившая в близкий круг Маркуса-младшего и его жены [7, р. 202].

«Я провел тысячи часов в компании Маркуса, и я никогда не слышал, чтобы он говорил что-то негативное о Петере. Я немного удивлен, узнав, что некоторые позже сказали об их отношениях», – рассуждал Курт Милейковски, занимавший пост президента концерна «Saab-Skania» в период с 1969 по 1978 гг.

Так или иначе, окончательный выбор М. Валленбергом-младшим был сделан в пользу своего младшего сына. Трудно определить точную дату, когда эстафета власти, сохраняющая преемственность поколений внутри семьи Валленберг, перешла к Петеру. Можно сказать однозначно, что его жизнь и карьера резко изменились в 1972 году, когда отец попросил сына уйти из компании «Atlas Copco» и стать его советником по промышленным вопросам [28].

Как с дружелюбной иронией отмечает Д. Бартал, Петер Валленберг работал в «Atlas Copco» так долго –

почти два десятилетия – что мог на глаз определить большинство деталей, которые использовались в примерно 800 моделях оборудования и техники, произведенной компанией [7, р. 203], но, в отличие от своего покойного брата, у него не было большого опыта в банковском деле и сфере финансов.

П. Валленберг начал работать в «Atlas Copco» в 1953 году, когда ему было 27 лет. Ранее он по семейной традиции приобрел опыт военной службы, получил степень юриста в Стокгольмском университете, прошел однолетнюю стажировку в швейцарском банке и приобрел вкус к дорогой жизни, ранее не свойственный его строгим и экономным дедам: в частности, научился ценить быстрые машины и отдавать должное красивым женщинам. Однако составить более детальный портрет П. Валленберга не просто: согласно семейному девизу, он не стремился делать свою жизнь достоянием общественности и предпочитал избегать появления своей фамилии на страницах газет и журналов вне делового контекста.

Примечателен вывод, к которому пришел Д. Бартал: «...немногие люди, которые хорошо знают Петера Валленберга, готовы описать этого человека письменно или устно». Так, одна женщина, не являющаяся членом семьи Валленберг, но знавшая Петера много лет, в анонимном интервью сообщила, что «...Петер очень интересная, очень необычная личность. С ним может быть очень трудно иметь дело. Проблема может заключаться в том, чтобы заставить его быть серьезным. Он склонен быть легкомысленным». Трактовка понятия «легкомысленный», очевидно, допускает широкий простор для фантазии. Но исходя из следующих цитаты можно сузить круг возможных значений: «Я бы не сказал, что он был любителем женщин. Он до сих пор и есть любитель женщин», – сказал в беседе с Д. Барталом другой друг Петера, пожелавший остаться неизвестным, в ноябре 1994 года.

Как минимум до последней трети XX столетия патриархальный дом Валленбергов оставался носителем консервативных протестантских ценностей конца XIX века. Даже будучи взрослыми людьми, «наследные принцы» Валленберги всегда поступали согласно воле их отцов и дядьев, как правило, определявших будущее своих младших родственников согласно своим представлениям. «Я пришел в “Atlas Copco” буквально через 24 часа после того, как сдал экзамен на адвоката. Мой отец пообщался с людьми из разных компаний и пришел к выводу, что мне следует работать в “Atlas Copco”», – так много лет спустя Петер Валленберг вспоминал о своей молодости [15, р. 6].

Повиновение воле и желаниям своего отца или дяди до такой степени, что человек отказывается от личной независимости и свободы принятия решений, – характерная черта семьи Валленберг, в очередной раз приближающая их к классическим моделям поведения коронованных особ из прошлых столетий. Что примечательно, в отличие от многочисленных до сих пор сохранившихся в Европе монархий, эта старомодная традиция Валленбергов, все еще жива и сохраняется даже в современном мире. Так, сам М. Валленберг-младший и его брат Якоб в свое время не действовали вопреки пожеланиям и решениям своего

дяди Кнута Агатона или их отца Маркуса-старшего, пока старшее поколение было живо.

Аналогичным образом вели себя и сын Петера Валленберга, Якоб, и его племянник Маркус, возглавляющие финансово-промышленную группу в наши дни; нет оснований полагать, что и их дети восстанут против воли нынешних глав семьи, нарушив прочно устоявшийся порядок вещей.

Если вернуться к рассмотрению вопросов, связанных с развитием карьеры П. Валленберга, то становится ясно, что начиная с 1950-х годов его готовили к тому, чтобы он больше занимался промышленной стороной империи Валленберг, причем скорее ее отдельными аспектами, а не комплексно, как это делал его отец.

В молодости будущий неожиданный наследник попробовал свои силы в различных подразделениях, в том числе в буровом оборудовании с ограниченным сроком эксплуатации в 30 метрах под землей в шахте Гроберг и плотно изучил эту сферу, в особенности детали работы бурильных установок [7, р. 204]. Его следующим направлением работы стало продвижение промышленных компрессоров концерна «Atlas Sorco» в Соединенных Штатах, после чего он был назначен управляющим директором небольшой дочерней компании в Родезии и Малави [10, р. 366–369], бывших колониях, готовившихся к обретению независимости; затем местом работы скандинава стала Великобритания.

Изучая профессиональное развитие будущего главы семьи Валленберг, трудно избавиться от мысли, что к зрелым летам Петеру было суждено стать президентом концерна «Atlas Group» и, к примеру, завершить свою карьеру в качестве председателя его правления, если бы жизненные обстоятельства складывались без очевидных эксцессов и отец дальше участвовал в руководстве остальными промышленными предприятиями семейной империи.

Перестановка Петера на позицию, до этого специально предназначенную для старшего сына – Марка, было лишь одной из проблем пожилого М. Валленберга-младшего. Он также столкнулся с дилеммой, пытаясь сохранить положение своей семьи в банке, некогда основанном его дедом, Андре Оскаром. Отставка Маркуса Валленберга с поста председателя банка в возрасте 75 лет была оговорена в соглашении о слиянии 1971 года и одобрена советами «Стокгольмс Эншилльда банкен» и «Скандинависка банкен» [17, р. 373]. Сфера влияния Валленбергов в новом банке оказалась значительно слабее, чем в свое время задумывал инициатор слияния: в 1975 году старшего Валленберга на посту председателя сменил главный исполнительный директор, видный шведский финансист Ларс-Эрик Тунхольм, имевший длительный опыт работы в «Скандинависка банкен». Именно на эту должность Маркус-младший прочил своего старшего сына, надеясь обойти Л.Э. Тунхольма. Когда последний подал в отставку, М. Валленберг-младший, не желая продвигать заведомо уязвимый вариант с назначением не обладавшего большим опытом в финансовой сфере Петера, содействовал тому, чтобы в банке не было очевидного преемника, а «SEB» в итоге получил неприятное для многих заинтересованных

лиц, но компромиссное решение – коллегиальное управление в составе четырех руководителей [25, р. 112–113]. В то же время занимаемое положение и авторитет делали М. Валленберга-младшего ключевой фигурой как в новом банке, так и в целом в оставшейся под его управлением сфере семейных интересов. На протяжении еще целого десятилетия «почетный председатель», как его теперь часто именовали подчиненные, определял развитие своей деловой империи.

С уходом М. Валленберга-младшего из жизни в 1982 году бразды управления финансово-промышленной группой семьи Валленберг окончательно перешли в руки его 56-летнего сына Петера, к тому времени уже около 10 лет готовившегося возглавить семейную империю.

В 1987 году семья Валленберг усилила свое присутствие в сфере СМИ, когда стала партнером фирмы «Nordisk Television AB», управлявшей ТВ-4, крупнейшим телевизионным каналом в стране [23, р. 220]. Вовлечение этой финансово-промышленной группы в функционирование ТВ-4 было также в определенном смысле политически мотивировано: канал был призван способствовать конкуренции на шведском телевидении, где были сильны позиции государственных телеканалов [7, р. 220]. Таким образом, приняв решение включиться в деятельность рынка СМИ в Швеции, П. Валленберг руководствовался не только финансовыми соображениями. Позднее, в 1994 году, в эфире этого канала появилось часовое интервью с П. Валленбергом, рассуждавшим не только о шведской экономике, но также политике и прочих вопросах [12].

Можно заметить, что в контексте использования СМИ для продвижения своих позиций П. Валленберг в целом был куда более активен, чем его отец М. Валленберг-младший. Особо стоит отметить его активность перед парламентскими выборами 1994 года. Обширная статья, написанная П. Валленбергом и посвященная экономике королевства, была опубликована 8 сентября 1994 года в «Дагенс Нюхетер». Центральной идеей был призыв к политикам отложить свои разногласия и сотрудничать, чтобы привести в порядок государственные финансы [8, р. 12–16].

Примечательно, что П. Валленберг был также одним из первых представителей крупной промышленности в Швеции, кто в начале 1990-х годов открыто и решительно лоббировал возможное членство Швеции в Европейском Союзе [7, р. 223]. Сторонниками членства Швеции в ЕС стали и наследники коммерсанта. Также стоит добавить, что публичная активность главы семьи Валленберг носила несколько стихийный характер и не всегда могла отличаться предсказуемостью и даже политкорректностью: например, выступая на одной из церемоний награждения нобелевских лауреатов, П. Валленберг заметил, что он мало верит в компании, работающие в области научных исследований под эгидой ЕС; в другой раз в ходе своего телевизионного интервью в сентябре 1994 года он использовал уничижительное в шведском языке слово «svartingar» для описания чернокожего населения в Южной Африке [8].

В то же время семейный девиз оставался фактически непререкаемым правилом в отношении частной

жизни П. Валленберга, избегавшего любого внимания со стороны прессы и общественности к своей жизни. С одной стороны, в этом можно увидеть распространенное в политике и бизнесе представление о том, что чем меньше конкуренты знают о его личной жизни, психологии, образе мышления и так далее, тем лучше. И эта установка хорошо сочетается с давней семейной традицией. Иногда газетчикам все же удавалось обнаружить некоторые примечательные детали из жизни магната. К примеру, было известно, что П. Валленберг и Карл XVI Густав вместе ходили на охоту [5]; по инициативе предпринимателя в 1993 году, на 60-летний юбилей королевы Сильвии, компания «Investor» подарила ей бассейн, оборудованный в загородной резиденции шведских монархов, дворце Дротнингхольм [25, р. 112–113].

Закрытость личной жизни П. Валленберга объяснялась еще и его социальной ролью самого влиятельного предпринимателя в стране. Как и все международные предприниматели, Валленберги являются потенциальными жертвами похищений или нападений со стороны неуравновешенных людей. И соображения такого рода отнюдь не только теоретические.

В 1993 году тщательно подготовленный заговор с целью похищения П. Валленберга ради получения выкупа потерпел неудачу, в числе прочего и из-за активного присутствия полиции в окрестностях загородной резиденции предпринимателя в Бревике. Как отмечает Д. Баргал, повышенные меры предосторожности в резиденции П. Валленберга объяснялись запланированным визитом американского президента Дж. Буша-старшего в гости к шведскому миллионеру [7, р. 224–225]. Как позднее установило следствие, похитители планировали на лодке вывезти П. Валленберга на небольшой необитаемый остров в акватории Швеции, а затем, получив выкуп, хотели с помощью второго судна сбежать в Санкт-Петербург через территориальные воды Финляндии [8].

Закономерным образом отсутствие обширной информации об одном из самых влиятельных предпринимателей Европы создало достаточно односторонний общественный имидж главы семьи Валленберг, сочетавший в себе как стереотипы и мифы, так и реальность. С одной стороны, в нем присутствует негативная составляющая: например, в мае 1995 года, на фоне масштабного экономического кризиса, разразившегося в королевстве, в нескольких газетах П. Валленберг был объявлен «самым жадным человеком в Швеции», после того как он и его коллеги по работе с инвесторами увеличили свое совокупное годовое вознаграждение на 381 процент, с 2,9 млн шведских крон до 11 млн шведских крон [30].

Другая сторона имиджа этого предпринимателя – миф о П. Валленберге как о своего рода «гадком утенке», который, некогда оставленный без внимания и едва ли не изгнанный собственным отцом, вернулся, чтобы превратиться в эдакого «корпоративного лебедя». Именно в этом духе крупный английский деловой журнал «Форчун» в 1995 году отметил, что Петера Валленберга часто считают в его родной стране «новым Карлом XII, шведским королем-воином, который почти покорил Европу» [9], имея в виду активный интерес со стороны «Скандинавска Эншильда

банкен» и связанных с семьей Валленберг промышленных предприятий к странам «новой Европы» из числа бывшего социалистического лагеря, и в особенности к Балтийским государствам [32, р. 1–3].

Следует отметить, что в период руководства П. Валленбергом семейной финансово-промышленной группой большинство основных экспортных фирм страны процветали и росли под его руководством. Изучая результаты их деятельности, трудно сказать, насколько это достижение связано лично с Петером Валленбергом, а насколько – с подчиненными ему крупными менеджерами, такими как Клаэс Далбэк (шв. *Claes Dahlbäck*), работавший в компании «Investor», Ларс Рамквист (шв. *Lars Ramqvist*), направлявший работу фирмы «Ericsson» или Бу Берггрен (шв. *Bo Berggren*) из концерна «Stora» [30, s. 183], которые находились в центре управленческой команды П. Валленберга и несомненно оказывали большое влияние на развитие финансово-промышленной группы, особенно в период, пока ее следующее поколение только оформлялось профессионально и набиралось опыта.

В этой связи необходимо упомянуть характерный эпизод, связанный со взаимоотношениями П. Валленберга в качестве главы семейной финансовой и промышленной сферы и руководителя концерна «Volvo» П. Гюлленхаммара, опытного предпринимателя, который не только обладал деловой хваткой и харизмой, но также пользовался особым доверием М. Валленберга-младшего. За несколько месяцев до его смерти П. Гюлленхаммар получил разрешение на покупку крупного пакета акций «Atlas Copco», компании, которая некогда была рабочим местом П. Валленберга на протяжении почти двух десятилетий.

Возглавив в начале 1980-х гг. деятельность «Volvo» и заняв место в совете директоров «Atlas Copco», П. Гюлленхаммар, по мнению ряда аналитиков и журналистов, выглядел человеком, способным принять на себя ответственность за управление еще большими частями империи Валленбергов, функционируя как своего рода внешний администратор.

Отец Петера, М. Валленберг-младший, и многие другие видные представители шведского делового сообщества были активными противниками контролируемых государством фондов наемных работников, которые начинали становиться требовательными со владельцами шведских компаний. Они опасались, что средства, предназначенные для того, чтобы дать работникам больше прав в управлении компанией, в конечном итоге будут использованы для ограничения возможностей свободного предпринимательства [22]. Второй крупный частный владелец в фирмах, подконтрольных семье Валленберг, например представитель концерна «Volvo», помог бы предотвратить такое стечение обстоятельств. Его место и занял П. Гюлленхаммар.

Непростые отношения властного отца и волевого сына привели к тому, что последний, будучи в то время вице-председателем правления «Stora», по всей видимости, не был в курсе планов отца позволить «Volvo» купить 25 процентов активов «Stora», одной из крупнейших лесотехнических компаний Европы. Уместно предположить, что П. Валленберг увидел в

П. Гюлленхаммаре потенциального соперника своей власти. «Stora» много лет находилась под управлением семьи Валленберг. Стремясь отстоять свои позиции в семейном предприятии, П. Валленберг пошел в наступление: напрямую или через различные инвестиционные фирмы он приобрел около 20% от акций «Volvo», впоследствии используя их чтобы выдвинуть П. Гюлленхаммара из своей сферы интересов. Лишь в апреле 1984 года было заключено своего рода «перемирие», в результате которого П. Валленберг создал новую фирму под названием «Patricia», чтобы выкупить долю «Volvo» в «Atlas Copco» и «Stora» [30, s. 187].

Возвращаясь к характеристике руководства Петером Валленбергом промышленных холдингов финансово-промышленной группы, подконтрольной его семье, можно отметить не только укрепление положения семьи у себя на родине, в Швеции и Скандинавии в целом, но и рост экспансии за границу привычного региона – в числе прочего, в континентальную Европу. В первую очередь, это такие компании как «Stora», «Electrolux», «SKF», «ASEA», «Atlas Copco» и «Ericsson».

В 1988 году произошло слияние давнего детища Валленбергов, концерна «ASEA», в 1980 году вошедшего в десятку ведущих энергетических компаний в мире, со швейцарской компанией «Brown Boveri», на тот момент четвертым по величине игроком на европейском рынке электротехники и энергетического машиностроения [11]. Результатом объединения стало появление транснационального предприятия «Asea Brown Boveri», широко известного как «ABB», ставшего одним из мировых лидеров в области развития электронных технологий и энергетики. Уже в первый год своей деятельности компания «ABB» приобретает 40 компаний, включая бизнес по передаче и распределению энергии ведущей американской электротехнической корпорации «Westinghouse Electric Corporation» [22]. После распада социалистического лагеря руководство «ABB» начинает экспансию в Центральной и Восточной Европе, стремясь занять незанятые рынки, обладавшие к тому же квалифицированной рабочей силой, необходимой для успешного функционирования создаваемых новых филиалов корпорации.

Аналогичным образом в 1980-е годы началась активная международная экспансия «Atlas Copco». Из крупных приобретений надо упомянуть французскую компанию Mauguière, американскую «Worthington Compressors» (1980), «Chicago Pneumatic Tools» (1987), французскую «Ets. Georges Renault» (1988), английскую «Desoutter Brothers Plc.» (1990), немецкую «AEG Elektrowerkzeuge» (1992), американскую «Milwaukee Electric Tools» (1995) [10, s. 299–302]. В 1997 году была приобретена лизинговая компания «Prime Service Corporation», а в 2001 году «North American Rental Service Corporation», обе в США. Слияние с другими компаниями шло и по линиям оборудования для горной промышленности и строительства дорог.

Близкая картина сложилась и в сфере деятельности «Electrolux», с 1970 по 1979 г. купившей 59 различных компаний-конкурентов и зарекомендовавшей себя как мировая компания. В течение 1980-х годов [24, s. 168–169] фирма приобрела более 200 компаний

и стала одним из ведущих в мире производителей бытовой техники, успешно конкурирующим как с американскими, так и с азиатскими производителями [13].

Упрочив свои позиции в управлении концерном «Stora», П. Валленберг, опираясь на масштабные инвестиции, инициировал наступление этого предприятия на позиции конкурентов. В сентябре 1984 года была приобретена целлюлозно-бумажная компания «Billerud», в 1986 году производственные мощности целлюлозно-бумажного завода «AB Nymölla» слились с промышленной базой концерна «Papyrus», а весной 1990 года под управление «Stora» перешел крупный немецкий производитель бумажной продукции «Feldmühle», что сделало шведский концерн третьим в мире по величине предприятием в сфере переработки древесины и производства бумаги и сопутствующей продукции [4, p. 355–357]. Новый этап в истории этого предприятия наступил под руководством К. Далбэка в 1998 году, когда завершился процесс слияния с ведущей финской лесопромышленной компанией «Enso-Gutzeit Oy», в результате чего был образован концерн «Stora Enso», чьи производственные объекты разместились фактически во всех регионах мира, богатых лесными ресурсами. В скором времени он вошел в перечень десяти крупнейших предприятий, работающих в данной отрасли экономики [27].

Тенденция к слиянию с крупными предприятиями, работающими в смежной области, видна и в других направлениях промышленной группы семьи Валленберг: в 1997 году фармацевтический гигант «Astra», продолжавший разработку и производство лекарственных препаратов практически всех направлений применения, объединился с британской «Zeneca Group» (сформированной в результате отделения фармацевтического бизнеса от химического концерна «Imperial Chemical Industries» в 1993 году [6]), образовав известную компанию AstraZeneca [18].

Успешными оставались позиции «SKF» [26] и «Ericsson» [16], сохранявших и расширявших сферу своего присутствия на международном рынке. Несомненно, пространством особых успехов и этих компаний, как и других предприятий промышленной группы Валленбергов, стали страны бывшего социалистического лагеря и распавшегося СССР. Объединение Германии в 1990 году сыграло на руку развитию сферы влияния Валленбергов, позволив освоить новый перспективный рынок. Так, за 1995 год только концерн «Electrolux» за счет продаж в Германии получил выручку в размере 2.5 млрд немецких марок, что при пересчете эквивалентно 1.28 млрд евро. Широкой активностью «SEB» в странах бывшего социалистического блока, в первую очередь – Балтийских республиках, став не только крупным инвестором в их развивающиеся экономики, но и источником доступных кредитов [13].

В то же время нельзя сказать, что в период руководства П. Валленберга связанная с ним финансово-промышленная группа не сталкивалась с заметными трудностями. Наиболее слабым звеном стало предприятие «Saab-Scania», которое на протяжении длительного периода терпело убытки. Желая исправить

сложившуюся ситуацию, П. Валленберг, привлекая к делу старшего сына Якоба, начал искать источники крупных инвестиций, одновременно желая заручиться поддержкой со стороны какого-либо крупного международного автопроизводителя.

Не сумев договориться с представителями «Ford» и «Fiat», а также столкнувшись с попыткой перекупки контрольного пакета акций «Saab-Scania» конкурентами, Валленберги приняли предложение, поступившее в 1995 году со стороны концерна «General Motors»: разделить «Saab-Scania» на два отдельных предприятия по принципу приоритетного направления деятельности – Saab Aircraft (Saab AB), занимающийся производством авиатехники, и «Saab Automobile AB», в котором получившая дополнительный выход на европейский рынок американская сторона еще в 1989 году стала крупнейшим владельцем акций [28].

В 1997 году на Северо-Американском международном автосалоне в Детройте была представлена новая версия модели «Saab 9000» – «Saab 9-3». В том же году компания представила совершенно новый «Saab 9-5», работа над которым началась еще в 1993 году. Авторитетный журнал «Экономист» так отзывался о представленных автомобилях: «...современные автомобили “Saab” представляют собой образец “скандинавского дизайна” с его элегантною простотой. Аэродинамичность линий делает машины компании узнаваемыми в современной “толпе”. Другая отличительная черта этих “умных” машин – максимальное удобство и простота управления. Хотя каждый раз кажется, что больше удобств в массовом автомобиле придумать невозможно, дизайнеры фирмы каждый раз ошеломляют потребителя» [14].

Следует отметить, что этот успех стал последним в долгой истории «Saab». В начале XXI века компания несколько раз меняла владельцев, но ее финансовое положение лишь ухудшалось и в итоге в декабре 2011 года она была признана банкротом. Не спасло ситуацию и приобретение «Saab» китайско-шведско-японской компанией «National Electric Vehicle Sweden», попытавшей реанимировать производство [31].

Примечательно, что в последний путь Петер Валленберг, ушедший из жизни 19 января 2015 года [21], отправился на эксклюзивной модели «SAAB», что символизировало не только кончину патриарха одной из крупнейших в мире промышленных групп, но и смерть известной марки автомобилей. Как и в случае с его предками, помимо представителей высших кругов шведской деловой и политической элиты, на похоронах предпринимателя присутствовала и королевская семья [19]. По случаю кончины старшего Валленберга «Нью-Йорк Таймс» опубликовала отдельную статью, посвященную вехам его жизненного пути [20].

С кончиной Петера руководство финансово-промышленной группой семьи Валленбергов окончательно перешло в руки ее нынешних руководителей, двоюродных братьев Маркуса и Якоба, уже ряд лет, работавших под его началом.

Литература

1. Гехт, А. Б. Финансово-промышленная группа семьи Валленберг в экономической и политической жизни Шве-

ции второй половины XIX – начала XXI вв. : [монография] / А. Б. Гехт ; СПбГУТ. – Санкт-Петербург, 2021. – 286 с.

2. Архив Аftонбладет. – URL: <http://www.aftonbladet.se/arkiv/arkiv.html> (дата обращения: 10.05.2022). – Текст : электронный.

3. Fel – Dagens industry. – URL: <http://www.di.se/arkiv/arkiv.html> (дата обращения: 10.05.2021). – Текст : электронный.

4. Anderssen, S. The Evolution of Nordic Finance / Anderssen S. – Basingstoke : Palgrave Macmillan UK, 2011. – P. 355–357.

5. Arkiv // Aftonbladet. – URL: <http://www.aftonbladet.se/arkiv/arkiv.html> (дата обращения: 12.10.2021). – Text : Electronic.

6. Astra // Reference for business. – URL: <https://www.referenceforbusiness.com/history2/76/Astra-AB.html> (дата обращения: 23.04.2022). – Text : Electronic.

7. Bartal, D. The Empire / Bartal D. – Stockholm : Dagens Industry, 1996. – 262 p.

8. Dagens Nyheter historiska arkiv. – URL: <http://arkivet.dn.se/arkivet> (дата обращения: 21.04.2022). – Text : Electronic.

9. Fortune [Official Website] // Fortune Magazine URL: <http://fortune.com/section/magazine/1995-volume/> (дата обращения: 21.04.2022). – Text : Electronic.

10. Gårdlund, T. Atlas Copco 1873-1973: historien om ett världsföretag i tryckluft / Gårdlund T. – Nacka : Atlas Copco AB, 1973. – 408 s.

11. History [Official Website] // Asea brown boveri URL: <https://new.abb.com/about/history/heritage-brands/asea-brown-boveri> (дата обращения: 15.05.2022). – Text : Electronic.

12. Intervju med Peter Wallenberg, Stina Dabrowski, TV-4, 1994. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cyjAcKL900A> (дата обращения: 21.04.2022). – Text : Electronic.

13. Investor AB and Wallenberg family history // Funding universe. – URL: <http://www.fundinguniverse.com/company-histories/investor-ab-history/> (дата обращения: 11.05.2022). – Text : Electronic.

14. Is it a bird? Is it a manager? // The Economist. 1997.05.01. – URL: <https://www.economist.com/business/1997/05/01/is-it-a-bird-is-it-a-manager> (дата обращения: 28.04.2022). – Text : Electronic.

15. Lindgren, H. Succession Strategies in a Large Family Business Group: The Case of the Swedish Wallenberg Family, paper prepared for the 6th European Business History Association Annual Congress in Helsinki, August 22-24, 2002. – P. 4–12.

16. Modern age of Ericsson // Ericsson. – URL: <https://www.ericsson.com/en/about-us/history/shaping-history> (дата обращения: 12.05.2022). – Text : Electronic.

17. Ollson, O. Furthering a fortune. Marcus Wallenberg: Swedish banker and industrialist 1899–1982 / O. Ollson–Gothenburg : Ekerlids Förlag, 2001. – P. 373.

18. Our company // AstraZeneca. – URL: <https://www.astrazeneca.com/our-company.html> (дата обращения: 23.04.2022). – Text : Electronic.

19. Peter Wallenberg // SVD. – URL: <https://www.svd.se/om/peter-wallenberg> (дата обращения: 21.04.2022). – Text : Electronic.

20. Peter Wallenberg, Patriarch of a Swedish Dynasty, Dies at 88 [Official Website] // New York Times. – URL: <https://www.nytimes.com/2015/01/20/business/peter-wallenberg-patriarch-of-a-swedish-dynasty-dies-at-88.html> (дата обращения: 01.05.2022). – Text : Electronic.

21. Peter Wallenberg's obituary // The Telegraph. 2015.01.25. – URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/obituaries/11368245/Peter-Wallenberg-Swedish-industrialist-obituary.html> (дата обращения: 01.05.2022). – Text : Electronic.

22. Peter Wallenberg, Swedish industrialist, 1926-2015 [Official Website] // Financial times. – URL: <https://www.ft.com>

com/content/0fdf33c6-9fed-11e4- (дата обращения: 13.05.2022). – Text : Electronic.

23. Rolland, G. *Market Players: A Guide to the Institutions in Today's Financial Markets* / Rolland G. – Wiley, 2011. – 368 p.

24. Rosén, U. *Ett rent sekel: så erövrade Electrolux-Wascator AB världen: 1902–2002* / U. Rosén. – Ljungby : Electrolux-Wascator AB, 2002. – 156 s.

25. Sjögren, H. *Family Dynasties: The Evolution of Global Business in Scandinavia* / Sjögren H. – Routledge International Studies in Business History, 2018. – P. 112–113.

26. SKF in 1990-s // SKF. – URL: <https://www.skf.com/de/our-company/index.html> (дата обращения: 15.05.2022). – Text : Electronic.

27. Stora Enso International // Storaenso. – URL: <https://www.storaenso.com/en/about-stora-enso> (дата обращения: 23.04.2022). – Text : Electronic.

28. Strom S. In Sweden, a Shy Dynasty Steps Out [Official Website] // New York Times. – URL: <https://www.nytimes.com/1996/05/12/business/in-sweden-a-shy-dynasty-steps-out.html> (дата обращения: 26.04.2022). – Text : Electronic.

nytimes.com/1996/05/12/business/in-sweden-a-shy-dynasty-steps-out.html (дата обращения: 26.04.2022). – Text : Electronic.

29. The New York Times [Official Website] // NyTimes. – URL: <https://www.nytimes.com/1971/11/20/archives/marcwallenberg-swedish-banker-47.html> (дата обращения: 10.05.2022). – Text : Electronic.

30. Wetterberg, G. *Wallenberg – The Family that Shaped Sweden's Economy* / Wetterberg G. – Stockholm : Möklinta, 2014. – 283 s.

31. Zander, C. Saab Auto's Chinese-Backed Owner Goes Bust / Zander C. // The Wall Street Journal. – 2014.08.24. – URL: <https://www.wsj.com/articles/saab-autos-chinese-backed-owner-goes-bust-1409212885?tesla=y&mg=reno64-wsj&url=https://www.wsj.com/articles/SB10001424052970203937904580119102887304246> (дата обращения: 28.04.2022). – Text : Electronic.

32. 150 years of common values and goals // Portfolio. – 2006. – № 18. – P. 1–3.

A.B. Gekht

PETER WALLENBERG: A BRIEF BIOGRAPHY OF A SWEDISH INDUSTRIALIST

The long journey of an ambiguous figure of the Wallenberg dynasty, Peter Wallenberg, is considered through this paper. The activities of the second son of Marcus Wallenberg Jr. are considered from the moment of his work abroad when he was cut off from his hearth and home and totally unprepared to manage the financial and industrial group of the Wallenberg family to the period of active growth and prosperity of most of the country's major export firms under his leadership. Particular attention is paid to the strengthening of the industrial holdings of the Wallenberg Empire financial and industrial group and the expansion beyond Scandinavia. The article analyzes the personality of Peter Wallenberg, a man who was remembered for a long time for his love of good food and exquisite red wines, but who turned out to be a worthy replacement for his father in the Wallenberg family's business interests. The examination of P. Wallenberg's personality ends with the disbanding of the former subsidiary of Saab-Scania, which coincided with the death of the patriarch of one of the world's largest industrial groups.

Wallenberg family, Peter Wallenberg, Sweden, financial and industrial group, banking, economics.

П.П. Котов

*Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения РАН*

Т.А. Носова

*Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина*

СОСТАВ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ В ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН

В статье анализируется состав епархиальных, приходских и других православных братств на территории Вологодской губернии с конца XIX в. по начало Первой мировой войны. Выявлены четыре типа членства в братствах. Обращено внимание на половой и социальный состав организаций.

Вологодская губерния, православные братства, почетные и пожизненные члены, действительные и соревновательные члены, социальный состав

История православных братств в России привлекала внимание исследователей как до 1917 г., так и в советский период [7; 14; 29]. Интерес к проблемам прошлого Русской православной церкви, православных братств в том числе, активизировался с конца 1980-х гг. К настоящему времени история православных братств нашла отражение как в целом по стране [6], так и по ряду регионов [4; 15; 18]. В меньшей степени подобные исследования оказались характерны для Европейского Севера России. Так, по Вологодской губернии историки ограничивались или упоминанием о деятельности северных православных братств в контексте изучения других проблем [9], или при раскрытии отдельных сторон их деятельности [12; 19].

Первые братства стали появляться в средние века в западных землях России, на территориях противостояния православия и католичества христианства с целью сохранения православной веры. После отмены крепостного права и проведения других буржуазных реформ началось возрождение православных братств по всей России. Реагируя на инициативу церкви и общества 8 мая 1864 г. Александр II утвердил «Основные правила для учреждения православных церковных братств». Закон был призван лишь как-то узаконить их деятельность [13]. Правительство пыталось сохранить влияние и на эти новые процессы, сохраняя и регулируя деятельность братств в рамках бюрократического аппарата Синода, определявшего все сферы церковной жизни.

Тем самым при создании православных братств насаждалось противоречие: изначально братские организации были востребованы демократизировать церковную область, но для этого сокращались возможности, так как они оказывались под государственным контролем и могли действовать лишь в обозначенных границах. С другой стороны, подобные организации были призваны заменить общинные способы поддержки крестьян или сугубо административные меры со стороны государственных ведомств по содействию населению. Однако последние не возымели в период позднего феодализма предполагаемого и необходимого положительного эффекта. Яркий

пример явила проводимая в удельной и государственной деревне политика попечительства и связанные с ней мероприятия [10; 11].

Главными признаками древних православных братств выступали: наличие храма, алтаря или иной святыни, братского синодика, устава и традиций, четкого фиксированного членства, общность религиозных взглядов, взаимопомощь, стремление к религиозному образованию, активная роль мирян [6]. Братские организации конца XIX – начала XX вв. сохранили большинство отмеченных примет. Представлялось, что успехов в утверждении истинной веры можно достичь путем создания массовых миссионерских объединений из священнослужителей и мирян, которые в своей деятельности делали бы упор на проповеди, убеждения, просвещение. Православные братства стали воплощением данной идеи, так как в той или иной степени практически все они решали миссионерские задачи. Правда, большое значение стало придаваться не только собственно миссионерской работе, но и опосредованной деятельности: организации «помощи нуждающимся», основанию обществ по распространению книг и журналов, участию в начальном обучении, созданию благотворительных и «попечительских обществ» и т.д.

К концу 1892 г. в России действовало 159 церковных православных братств. За исключением столичных городов, западных и прибалтийских епархий, в остальных губерниях страны к этому времени было создано лишь по одному – два братства [29]. Вологодская губерния не являлась исключением, и на ее территории к указанному году функционировало только одно братство (см. карту-схему).

Постепенно ситуация изменялась и количество православных братств различных типов увеличивалось. В конечном итоге, как наглядно иллюстрируют данные карты-схемы, в Вологодской губернии стало действовать 10 братских организаций (в скобках указаны место и год основания): два епархиальных братства – Всемилоостивого Спаса (Вологда, 1885) и Стефаново-Прокопьевское (Великий Устюг, 1896); шесть приходских братств – Иоанно-Предтеченское (Волог-

да, 1894), Деревянское Христорожественское (Усть-Сысольский уезд, 1895), Благовещенское (Вологда, 1896), Богородице Рождественское (Тотемский уезд, 1906), Грязовецкое Христорожественское (Грязовецкий уезд, 1909) и Свято-Троицкое (Тотемский уезд, 1909). Кроме них, в 1904 г. были созданы Александро-Невское братство при Никольском духовном училище Никольский уезд) и Кокшенгское отделение братства во имя Всемилового Спаса (Тотемский уезд). Последнее почти сразу приобрело самостоятельность, хотя формально оставалось в качестве отделения указанного епархиального объединения (см. карту-схему).

Православные братства объединяли людей одной веры и поэтому главным требованием для вступления в них было православное исповедание. Пол, звание, материальное положение, место жительства не имели существенного значения. Поддержка от лиц других исповеданий принималась, но не поощрялась.

Братства состояли из почетных, пожизненных, действительных и членов-соревнователей. Почетными членами становились авторитетные светские и духовные лица, которые по своему служебному положению имели возможность оказывать содействие братствам в достижении целей. Так, в почетные члены избирались правящие архиереи, настоятели крупнейших монастырей, крупные чиновники. Улучшение материального положения было насущной потребностью, поэтому люди, одновременно пожертвовавшие не менее 100 руб., в Кокшенгское братство – 50 руб., в

обязательном порядке становились почетными членами. Но не только финансовый и должностной вопрос решал судьбу почетного членства. Наиболее активные представители, ревностно служившие на пользу братства или оказавшие особую услугу, так же удостоивались этого звания [2; 20; 34]. Заметим, что в Благовещенском приходском братстве почетных членов не выявлено.

В Иоанно-Предтеченском и Благовещенском братствах за вклад от 100 руб. и более присваивался статус пожизненного члена, число которых в них доходило до трети от общего состава братчиков. В епархиальных братствах звание пожизненного члена существовало для желающих заменить ежегодные взносы единовременным. В частности, при взносе 40 руб. действительного члена и 10 руб. члена-соревнователя в кассу Стефано-Прокопьевского братства они становились пожизненными членами [33]. Так, только за первый год существования Стефано-Прокопьевского братства возможностью стать пожизненными действительными членами воспользовались 17 человек. В основном это были представители купечества: Ноготковы, Чебаевские, Охлопковы и некоторые другие [17].

Почетными членами православных братств Вологодской епархии становились уважаемые и известные личности России. Например, первым почетным членом братства Всемилового Спаса был избран обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, Стефано-Прокопьевского – митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Палладий, «оказавший внимание присыл-

Карта-схема. Православные братства Вологодской губернии в конце XIX – начале XX века

кою святой иконы Христа Спасителя» и проявлявший «отеческую заботливость о пасомых» [16; 28]. Почетным членом Александро-Невского братства выступал ординарный профессор Санкт-Петербургской духовной академии Н.Н. Глубоковский, который в свое время закончил Никольское духовное училище и поддерживал братство в память о годах учебы [27].

Особо ревностные братчики нередко становились почетными членами нескольких братств епархии одновременно. Так, Иоанн Кронштадтский выступал почетным членом как минимум трех братств: двух епархиальных и приходского Иоанно-Предтеченского [19]. Вологодский нотариус дворянин А. Попов являлся активным благотворителем и участником Иоанно-Предтеченского братства и состоял в братстве Всемилошного Спаса. Историк и краевед И.Н. Суворов, редактор Вологодских епархиальных ведомостей, состоявший в Вологодском епархиальном братстве во имя Всемилошного Спаса, в 1904 г. избран почетным членом Иоанно-Предтеченского братства [3]. Полковник В. Мироносицкий получил звание почетного члена в Грязовецком и Иоанно-Предтеченском братствах и пожизненного члена в братстве Всемилошного Спаса. Безусловно, почетные члены были немногочисленны: наибольшее число, 20 человек, было в братстве Всемилошного Спаса в 1904 г., что составляло 19,6% от общего числа братчиков. Тем не менее, институт почетного членства был важен для повышения авторитета братств в обществе. Хотя в Александро-Невском братстве пожизненных членов не было зафиксировано.

В православных братствах наиболее универсальным являлся статус действительных членов, которые составляли, как правило, более 50% от общего числа членов братских сообществ, сокращаясь лишь в отдельные годы до трети. Они участвовали в голосовании на собраниях, избирали и имели право избираться в совет братства. Взнос действительных членов в большинстве братств Вологодской губернии составлял три руб., в Кокшенгском и Грязовецком братствах – два руб. [2; 21; 33; 34].

Еще одна группа, члены-соревнователи, как правило, ежегодно вносили один руб. в кассы своих братств, но в братстве Всемилошного Спаса они освобождались от ежегодного взноса [2; 20; 33; 34]. Однако статус членов-соревнователей не был строго узаконен. В уставах Иоанно-Предтеченского, Благовещенского и Деревянского братств даже не упоминался такой тип членства. С другой стороны, все отчеты этих братств свидетельствуют о наличии членов-соревнователей в составе организаций [23]. Исходя из источников, к данной категории братчиков в Иоанно-Предтеченском и Благовещенском братствах включались люди, перечислившие не менее трех руб.

Все братства принимали пожертвования не только деньгами, но и вещами, предметами, «знаниями и трудом». Если для епархиальных братств особую ценность представляли книги и письменные принадлежности, то для приходских братств дары продуктами, одеждой и обувью представляли не меньшую ценность. Во всех случаях пожертвования переводились в денежную сумму, сообразно которой давалось

звание братчику-дарителю. Так, в 1907 г. учительница церковно-приходской школы Долговицкого прихода Мария Сибирцева оказалась зачислена в члены-соревнователи Кокшенгского православного братства за помощь в проведении «внебогослужебных собраний». В 1908 г. в число членов-соревнователей были введены два крестьянина, как лица, «ознакомленные с расколом и способные утверждать в православии» [25].

По всем выявленным источникам в 1885–1916 гг. в среднем по губернии указанная категория братчиков составляла около 30%. Правда, в Стефано-Прокопьевском братстве в 1899–1915 гг. членов-соревнователей насчитывалось более половины (действительных членов от 28,4 до 41,9%) за счет крестьян, которых привлекала просветительская деятельность братской организации. Подобное наблюдалось и в Александро-Невском братстве, где соревнователей в 1904–1914 гг. фиксировалось стабильно больше, чем действительных членов. Напротив, в Иоанно-Предтеченском братстве в 1898–1913 гг. число соревнователей было самым низким в Вологодской губернии – примерно 10% от состава.

Грязовецкое Христорожественское братство вместо соревнователей в своем составе имело так называемых «попечителей». Они выступали в качестве помощников совета братства в каждом поселении прихода. Они избирались жителями сел и деревень, должность считалась почетной, от братства им выдавались свидетельства «с приложением соборной печати». Попечители информировали совет обо всех «религиозных изменениях» в своем окружении. В их домах, как правило, квартировали протоиерей и священники Грязовецкого собора, которые периодически приезжали для бесед с крестьянами. Попечители хранили кружки для сбора пожертвований в пользу братства, который проводился по домам прихожан в воскресные и праздничные дни [26]. К 1916 г. в составе Грязовецкого Христорожественского братства насчитывалось 18 попечителей [8].

В Иоанно-Предтеченском приходском братстве было решено избирать в совет «попечителя или попечительницу призреваемых» [31]. В их обязанности входило «посещение лиц», которым братство оказывало помощь. Так проявлялась забота «о ближнем», чтобы вовремя оказывать конкретную помощь нуждающимся. С другой стороны, попечитель информировал совет об использовании братской помощи, на основании чего решался вопрос о целесообразности дальнейшей поддержки призреваемого. Первой попечительницей Иоанно-Предтеченского приходского братства в 1901 г. стала врач М.П. Литова-Дроздова, которая принимала деятельное участие в работе братства со дня его организации (Там же). Она добросовестно исполняла свои обязанности в шесть лет – до 1907 года [32]. После нее попечительницей призреваемых была выбрана Нина Константиновна Попова. В 1912–1913 гг. эту должность занимала Вера Кирилловна Яблонская – супруга председателя Иоанно-Предтеченского братства, священника Владимира Смирнова [24].

По выявленным данным состав православных братств был достаточно стабильным. Исключение

составляло Вологодское епархиальное братство. В 1886 г. в нем насчитывалось 239 членов, в 1898 г. – 121 братчик и к 1906 г. их численность сократилась до 76 человек, т.е. на 37,2%. На следующий год произошло увеличение числа членов примерно в три раза – до 216 братчиков, затем вновь их сокращение в 1914 г. до 89 человек. Существенные колебания численности братства во втором десятилетии его существования отчасти объяснялись разочарованием некоторых его представителей, что вполне естественно для любой организации. Следует учитывать, что в конце 1904 г. для братства во имя Всемилостивого Спаса был приобретен новый дом. Поэтому был произведен неофициальный сбор средств между братчиками, на который не все смогли внести деньги и, соответственно, не были включены в состав членов организации.

Следует иметь в виду и создание других православных организаций в губернии. Так, в 1896 г. в Великом Устюге было создано второе епархиальное братство – Стефано-Прокопьевское. В него «перешли» бывшие члены братства во имя Всемилостивого Спаса, которые проживали на территории Великоустюгского викариатства. Другие бывшие члены Вологодского епархиального братства сосредоточились на участии в деятельности Кокшенгского Федосеевского братства Тотемского уезда (благочинный Н. Преображенский) [25] и братства при Никольском духовном училище (староста духовно-училищной церкви купец И. Смирнов и преподаватель училища А. Попов) [27].

Пытаясь придать положительную динамику численности своих членов, совет епархиального братства во имя Всемилостивого Спаса под руководством правящего архиерея провел ряд мероприятий. В их числе епископ Вологодский и Тотемский Никон в 1909 г. предложил духовенству юго-западных уездов губернии последовать примеру духовенства северо-восточных уездов, которые состояли членами Стефано-Прокопьевского братства «все без исключения». С этого времени членство в братстве Всемилостивого Спаса для священников стало почти обязательным, так как Никон требовал от своих секретарей «отмечать в справочных листах духовенства, кто состоит членом братства» [30]. Разумеется, идти на открытый конфликт с правящим архиереем никому не хотелось. Однако, даже такие экстраординарные меры не дали ожидаемого эффекта. Все-таки братство было по сути общественной организацией и участие в нем строилось на добровольной основе. Намечившаяся тенденция к сокращению числа членов братства была закономерной – после двадцатилетия существования интерес к братству Всемилостивого Спаса в Вологодской епархии заметно угас.

Тенденции, сходные с описанными, наблюдались и во втором епархиальном братстве Вологодской губернии – Великоустюгском Стефано-Прокопьевском. Однако на всем протяжении существования последнего число его членов всегда превышало состав братства Всемилостивого Спаса. Эта ситуация объяснялась, прежде всего, сосредоточением в совете Стефано-Прокопьевского братства функций по заведению церковно-приходскими школами. Поэтому практически все люди, профессионально связанные с церков-

но-приходскими школами, являлись членами братства.

При обобщении данных, выявленных из источников, получается, что максимальной численности Великоустюгское епархиальное братство достигло в 1897 г. – 554 человека. В 1898–1902 гг. данный показатель варьировался в пределах от 447 до 483 человек. Далее началось уменьшение состава братчиков – с 428 человек в 1903 г. до 268 человек в 1915 г. или на 37,4%. Отметим, что для Стефано-Прокопьевского братства было характерно наличие плавного, медленного и незначительного сокращения численности членов в отличие от братства Всемилостивого Спаса, численность которого в конце XIX – начале XX вв. сократилась почти в три раза.

Крупнейшим из приходских братств Вологодской губернии выступало Иоанно-Предтеченское братство. В 1898–1906 гг. оно насчитывало от 139 до 174 членов. Для сравнения – максимальная численность Благовещенского братства фиксировалась в 1915 г., когда в него входило 115 человек. При этом следует учитывать, что в Иоанно-Предтеченском и Благовещенском братствах в пожизненные члены включались все крупные жертвователи и они числились таковыми даже после своей смерти. Поэтому реально численность данных братств была меньше, чем указывалось в источниках.

В 1904–1914 гг. в Кокшенгском Федосеевском братстве Тотемского уезда (формально считалось отделением епархиального братства Всемилостивого Спаса) произошло незначительное сокращение членов с 72 до 64 чел., всего на 11,2%. Состав Александроневского братства Никольского уезда так же заметно колебался. С 1904 по 1908 г. число членов этого братства сократилось на 42,2% – с 64 до 37 человек. Затем этот показатель возвысился в 2,2 раза – к 1914 г. в организации числились 81 братчик. Грязовецкое Христорождественское братство в первый год существования (1910) состояло из 55 членов, к 1916 г. его состав увеличился до 65 человек или на 18,2%.

Вероятно, Деревянское Христорождественское братство оказалось самым малочисленным по составу среди всех приходских православных братств Вологодской губернии. Известно, что в 1903 г. в нем состояло одиннадцать человек [2]. Сумма членских взносов в Деревянское братство в 1898 г. составила всего 36 руб., в 1903 г. – 6 руб. и в 1910 г. – 10 руб. [5]. Напомним, что минимальный взнос уставом определялся в три руб. Предположим, что по примеру других православных братств был установлен взнос от членов-соревнователей в один руб. Но даже в этом случае, небольшая сумма членских взносов (6–36 руб.) и пожертвований в целом (16–33 руб.) позволяет сделать вывод о малом численном составе Деревянского Христорождественского братства.

В целом состав приходских братств Вологодской губернии оказался более стабильным, чем епархиальных братств. Данные явления можно объяснить активизацией благотворительной деятельности в приходских братствах, что подкреплялось призывами священников о необходимости помощи нуждающимся и привлекало прихожан в приходские организации прежде всего в трудные военные годы.

Подчеркнем – выяснить буквальное число членов православных братств по Вологодской губернии представляется затруднительным в силу того, что некоторые люди состояли в нескольких братствах одновременно. Однако совокупность источников позволяют определить некоторое сокращение числа членов братств в начале XX в. Произошло это во многом из-за уменьшения численности епархиальных братств. В то же время благодаря появлению в начале 1900-х гг. новых православных братств в губернии получилось сгладить сокращение общей численности указанных организаций. Так, в 1899 г. в Вологодской епархии насчитывалось 828 братчиков, в 1913 г. – 780. Следовательно, к началу Первой мировой войны численность членов православных братств в Вологодской епархии сократилась только на 5,8% по сравнению с концом XIX в.

Среди всех православных братств Вологодской губернии наиболее полно сохранились данные по составу по Стефано-Прокопьевскому епархиальному братству за 1896–1901 гг. Поэтому на примере данной организации и проанализируем половой и социальный состав братчиков.

Среди членов православных братств подавляющее большинство составляли мужчины. Материалы диаграммы 1 свидетельствуют, что в 1896–1900 гг. в составе Стефано-Прокопьевского братства насчитывалось от 14 до 21 женщины и их число не превышало 4,2% относительно общей численности братчиков. Среди почетных членов не было ни одной женщины, а звания «действительного пожизненного члена» оказались удостоены только двое – Маргарита Васильевна Ноготкова в 1896 г. и Александра Алексеевна Ноготкова в 1897 г. Маргарита Васильевна, дочь известного купца М.И. Охлопкова, славилась своей благотворительной деятельностью. Благодаря М.В. Ноготковой и ее отцу в

бедном районе г. Великого Устюга были основаны два учебных заведения: Красногорская Свято-Стефановская мужская школа и Красногорская женская школа. Отец и дочь являлись и попечителями учебных заведений и снабжали бедных учеников одеждой и обувью. Кроме того, М.В. Ноготкова поставляла в школу материалы для рукоделия, неоднократно устраивала праздники для девочек [22].

Для анализа социального состава Стефано-Прокопьевского епархиального братства обратимся к данной таблице 1. Предварительно считаем важным отметить, что в конце XIX в. происходила трансформация сословной структуры. Поэтому, на наш взгляд, корректнее употреблять понятие «социальная группа». Название и устав братства подчеркивали, что организация ставила религиозные цели, поэтому большая часть братчиков (60,8–68,1%) относилась к лицам духовного звания (к духовному сословию (духовенству) в статье отнесены только лица, имевшие священнический сан). Среди них встречались представители не только белого, но и черного духовенства. Наряду с епископами, которые становились почетными членами-покровителями братства, в общество вступали настоятели и иеромонахи монастырей г. Великого Устюга, Троице-Стефано-Ульяновского монастыря и других обителей.

В группу чиновников в таблице 1 включены лица, которые находились на государственной гражданской службе. В основном это были действительные члены братства. Однако Семена Герасимовича Калинина, начальника Судходной дистанции, пожертвовавшего в 1898 г. в пользу братства 200 руб., избрали почетным членом. За пять лет, с 1896 до 1900 г., число чиновников в составе братства уменьшилось с 48 до 24 человек, или в два раза, а их доля – на 45% (см. табл. 1).

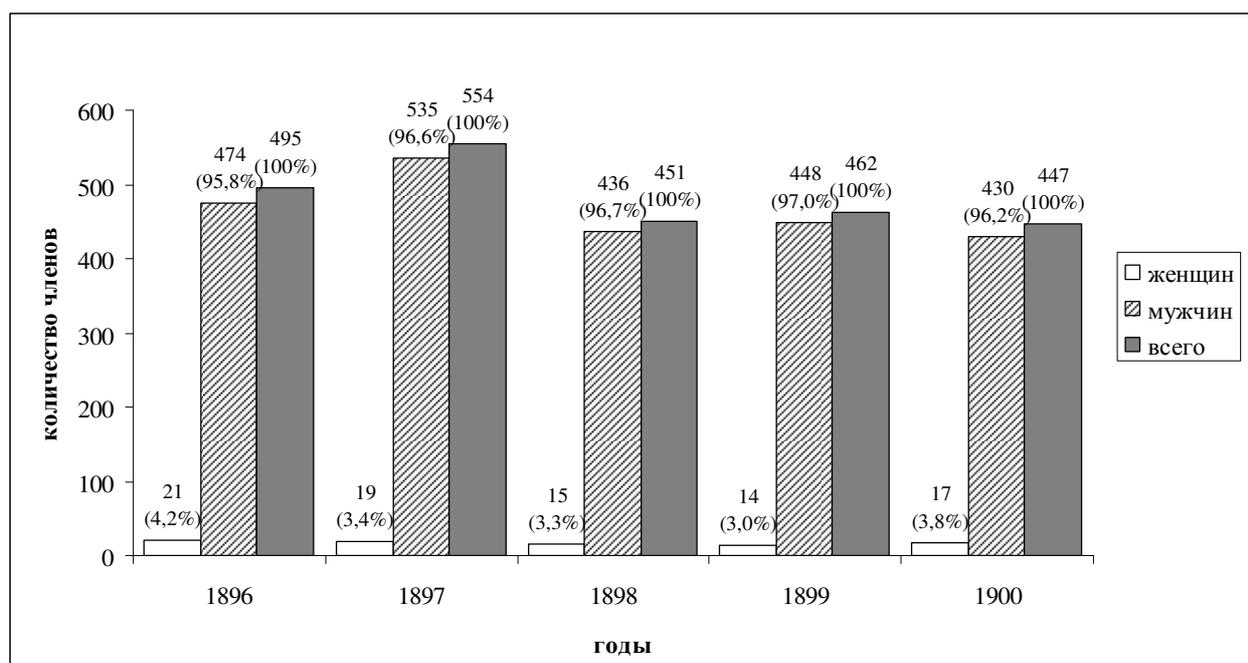

Диаграмма 1. ПОЛОВОЙ СОСТАВ СТЕФАНО-ПРОКОПЬЕВСКОГО БРАТСТВА В 1896–1900 ГОДАХ

Источники: Отчет Великоустюгского Стефано-Прокопьевского братства за 1900–1901 гг. // ВЕВ. 1902. № 10,11. Прибавления; МКАУ ВУЦА. Ф. 265. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–96.

СОСТАВ СТЕФАНО-ПРОКОПЬЕВСКОГО БРАТСТВА В 1896–1900 ГОДАХ

Социальная группа	1896		1897		1898		1899		1900	
	абс.	%								
Дворянство	4	0,8	0	0,0	0	0,0	1	0,2	0	0,0
Духовенство	301	60,8	337	60,8	307	68,1	304	65,8	297	66,4
Крестьянство	29	5,9	59	10,6	37	8,2	40	8,7	45	10,1
Купечество	55	11,1	35	6,3	34	7,5	34	7,4	26	5,8
Мещанство	11	2,2	15	2,7	15	3,3	6	1,3	4	0,9
Почетные граждане	2	0,4	2	0,4	1	0,2	1	0,2	1	0,2
Разночинцы	17	3,4	21	3,8	10	2,2	18	3,9	20	4,5
Чиновничество	48	9,7	44	7,9	27	6,0	33	7,1	24	5,4
Не указана	28	5,7	41	7,4	20	4,4	25	5,4	30	6,7
Всего	495	100,0	554	100,0	451	100,0	462	100,0	447	100,0

Источники: Отчет Великоустюгского Стефано-Проккопьевского братства за 1900–1901 гг. // ВЕВ. 1902. № 10, 11. Прибавления; МКАУ ВУЦА. Ф. 265. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–96.

Следующую после чиновничества значительную группу братчиков составляло купечество. Повторим, что нередко представители купеческой среды становились действительными пожизненными членами и делали неоднократные пожертвования в пользу Великоустюгского Стефано-Проккопьевского братства. Представительницы купечества среди женщин, вступивших в братство, составляли не менее четверти. В 1896–1900 гг. численность купечества в составе Стефано-Проккопьевского братства сократилась с 55 до 26 человек, т.е. на 52,7% (примерно в два раза).

В отличие от многих других групп, доля крестьянства в составе Великоустюгского братства за пять лет увеличилась с 5,9 до 10,1% за счет общего умножения их числа с 29 до 45 человек (см. табл. 1). Прирост крестьянских представителей в составе братства объяснялся распространением информации о его создании и пользе, которое оно приносило людям. Нередко крестьяне покидали общество через один-два года, что отчасти было связано с необходимостью денежных взносов. В большинстве случаев данная группа избирала тип соревновательного членства, но были среди крестьян и действительные члены.

В указанные годы ненамного возросло число разночинцев – с 17 до 20 человек, хотя их доля в составе братства была невелика и заключалась в пределах 2,2–4,5% (см. табл. 1). Разночинцы были представлены, как правило, уездными врачами и учителями церковных школ.

Численность мещан в Стефано-Проккопьевском братстве была незначительной и, в отличие от разночинцев, она еще и сократилась с 11 человек в 1896 г. до четырех человек в 1900 г., а их доля в составе и вовсе стала менее одного процента (см. табл. 1).

В связи с отсутствием помещичьих владений в северо-восточной оконечности Вологодской губернии дворянство, по сути, было представлено в Стефано-Проккопьевском братстве только при создании (см. табл. 1). Это несомненно способствовало укоренению епархиального братства в «медвежьем углу». Подчеркнем, что при открытии братства в него вступили в статусе почетных членов и двое довольно известных в стране человека – Георгий Сергеевич Прянишников и Иван Петрович Петровский.

В отличие от епархиальных братств, в приходских братствах г. Вологды было значительно больше пред-

ставителей «благородных сословий». Так, во второй год существования Иоанно-Предтеченского братства (1895–1896) более половины его членов (70 человек) принадлежали к дворянству. Следующей значительной группой в братстве оказались купцы и мещане, которые составляли 24% (39 чел.) братчиков, тогда как на духовенство и крестьянство приходилось всего по семь человек, что не превышало 6% состава организации [1].

Таким образом, появление в культурной и религиозной жизни страны в 60-х годах XIX века православных братств явилось закономерным явлением. В Вологодской губернии было создано два епархиальных и шесть приходских братств, братство при Никольском духовном училище и Кокшенгское отделение епархиального братства Всемилоостивого Спаса. Более позднее относительно других регионов возникновение братств в губернии не повлияло на их состав.

Православные братства Вологодской епархии являлись всесословными организациями. В них принимались взрослые люди обоего пола, исповедующие православную веру. Сумма денежного взноса, а в некоторых случаях заслуги человека, определяли «звание» в братстве, каковых обычно было четыре: почетное, пожизненное, действительное и соревновательное. Религиозный характер организаций отразился на социальном составе. В конце XIX – начале XX вв. более половины всех членов епархиальных братств Вологодской губернии составляли лица духовного сословия. Подавляющее большинство в Кокшенгском и Александро-Невском братствах представляли мужчины духовного звания. Гораздо меньше представителей духовенства встречалось в составе приходских братств Вологды. В целом можно отметить, что в составе практически всех православных братств епархии состояли лица разных социальных групп и материального достатка. Проживали братчики преимущественно в пределах Вологодской губернии, но были среди них жители Москвы, Санкт-Петербурга, Глазова, Тобольска, Перми и других городов России.

Принятые сокращения

ПСЗРИ-2 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. Т. I–LV. Санкт-Петербург, 1825–1881.
ВЕВ – Вологодские епархиальные ведомости.

МКАУ ВУЦА – Муниципальное казенное архивное учреждение Великоустюгского муниципального района «Великоустюгский центральный архив».

ГАВО – Государственный архив Вологодской области.

Литература

1. Вторая годовщина Иоанно-Предтеченского приходского братства и годичный отчет за 1895–1896 гг. // ВЕВ. – 1896. – № 13. – Прибавления. – С. 224.
2. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 3861. Л. 146, 187.
3. Десятилетие братства при Иоанно-Предтеченской церкви // ВЕВ. – 1904. – № 11. – С. 274.
4. Дзюбан, В. В. Православная духовная миссия в Орловской губернии (1870–1905 гг.): основные направления деятельности / В. В. Дзюбан, О. А. Матюхина // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 146–154.
5. Доклады Усть-Сысольской уездной земской управы и приложения к журналам за 1898 г.: в 2 частях. – [Б. м.: б. и.], [1899]. – Ч. 2. – С. 314; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания очередной сессии 1903 г. и доклады управы с приложениями. Вологда: Тип. губ. правления, 1904. – С. 604; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания 42 очередной сессии 1911 г. Усть-Сысольск: Тип. «З.Д. Следников и К», 1912. – С. 201.
6. Дорофеев, Ф. А. Православные братства: генезис, эволюция, современное состояние / Ф. А. Дорофеев. – Нижний Новгород: Издательство ННГУ, 2006. – 251 с.
7. Жудро, Ф. История Могилевского православного братства / Ф. Жудро. – [Б. м.; б. и.], 1890.
8. Из Грязовца // ВЕВ. – 1916. – № 14. – С. 265.
9. Камкин, А. В. Православная церковь на севере России / А. В. Камкин. – Вологда: ВГПИ, 1992. – 162 с.
10. Котов, П. П. Общественная запашка в удельной деревне России в 1828–1861 годах: по материалам Европейского Севера / П. П. Котов // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2018. – Т. 28, № 1. – С. 13–22.
11. Котов, П. П. Политика попечительства удела и ее результаты: на примере Европейского Севера России / П. П. Котов // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2012. – № 3. – С. 103–107.
12. Котов, П. П. Возникновение и основные направления деятельности Стефано-Прокопьевского православного братства / П. П. Котов, Т. А. Носова // Двинская земля. Материалы вторых межрегиональных общественно-научных историко-краеведческих Стефановских чтений / ответственный редактор Н. В. Шептяков. – Котлас, 2003. – С. 151–159.
13. Мая 8 [1864 года]. Высочайше утвержденное положение Кабинета Министров, опубликованное 10 июня. – О правилах для учреждения Православных церковных братств // ПСЗРИ-2. – Т. XXXIX, собрание 1. – № 40863. – С. 409–410.
14. Медынский, Е. Н. Братские школы Украины и Белоруссии в XVI–XVII вв. и их роль в воссоединении Украины с Россией / Е. Н. Медынский. – Москва, 1954. – 174 с.
15. Михайлова, Е. Д. Религиозно-просветительская деятельность православных братств в Курской епархии до 1917 года / Е. Д. Михайлова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2014. – № 4. – С. 173–179.
16. МКАУ ВУЦА. Ф. 265. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.
17. МКАУ ВУЦА. Ф. 265. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.
18. Никитина, Е. Н. Влияние Обдорского миссионерского братства во имя святителя Гурия, архиепископа Казанского и Свяязского чудотворца на церковную и культурную жизнь Березовского уезда Тобольской губернии (1904–1914 гг.) / Е. Н. Никитина // Сретенские чтения. Материалы XXVI научно-богословской конференции студентов, аспирантов и молодых специалистов. – 2020. – С. 141–146.
19. Носова, Т. А. Из опыта благотворительной деятельности православных братств Вологодской епархии в конце XIX – начале XX века / Т. А. Носова // Отечественный журнал социальной работы. – 2014. – № 3 (58). – С. 126–133.
20. Открытие Кокшенгского Федосеевского православного миссионерского братства (27 сентября 1904 г.) // ВЕВ. – 1904. – № 22. – С. 592.
21. Открытие Кокшенгского Федосеевского православного миссионерского братства (27 сентября 1904 г.) // ВЕВ. – 1904. – № 22. – С. 592; Отчет о деятельности братства прихожан с 12 апреля 1909 по 1 апреля 1910 года // ВЕВ. – 1910. – № 7. – С. 113.
22. Отчет Великоустюгского Стефано-Прокопьевского братства за 1900–1901 гг. // ВЕВ. Прибавления. – 1902. – № 23. – С. 691.
23. Отчет Вологодского Иоанно-Предтеченского приходского братства с 1 мая 1895 по май 1896 г. // ВЕВ. – 1896. – № 13. – С. 224; Отчет приходского братства при Благовещенской церкви (за 1897–1898 год) // ВЕВ. – 1898. – № 20. – Прибавления. – С. 496.
24. Отчет Иоанно-Предтеченского приходского братства с 1 января 1912 по 1 января 1913 года // ВЕВ. – 1913. – № 14. – С. 392.
25. Отчет Кокшенгского Федосеевского православного миссионерского братства за 4-ый год существования (1907–1908) // ВЕВ. – 1909. – № 22. – С. 543.
26. Отчет о деятельности братства прихожан за 1913 г. // ВЕВ. – 1914. – № 5. – С. 112.
27. Отчет о суммах и деятельности Александроневского братства за 1908 г. // ВЕВ. – 1909. – № 9. – С. 184.
28. Памяти высокопреосвященного митрополита Палладия // ВЕВ. – 1899. – № 3. – С. 54.
29. Папков, А. А. Церковные братства. Краткий статистический очерк о положении церковных братств к началу 1893 г. / А. А. Папков. – Санкт-Петербург: Синодальная тип., 1893. – 147 с.
30. Резолюция Никона на журнал общего собрания членов братства во имя Всемилового Спаса // ВЕВ. – 1909. – № 16. – С. 299.
31. Семилетие братства при Иоанно-Предтеченской церкви 29.04.1901 // ВЕВ. – 1901. – № 13. – С. 343–344.
32. Тринадцатое общее собрание братства при Иоанно-Предтеченской церкви // ВЕВ. – № 15. – С. 337.
33. Устав Великоустюгского Стефано-Прокопьевского православного братства при Прокопьевском соборе. – Великий Устюг, 1896. – 15 с.
34. Устав Вологодского православного церковного братства во имя Всемилового Спаса // ВЕВ. – 1896. – № 7–8. – С. 104; Устав приходского Вологодского Иоанно-Предтеченского братства при Рощенской церкви // ВЕВ. – 1893. – № 13. – С. 163; Устав православного приходского братства при Благовещенской церкви г. Вологды // ВЕВ. – 1896. – № 21. – С. 367; Устав Деревянского Христорождественского приходского братства // ВЕВ. – 1896. – № 2. – С. 26.

P.P. Kotov, T.A. Nosova

**COMPOSITION OF ORTHODOX BROTHERHOODS
IN VOLOGDA PROVINCE IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURY**

*The study was carried out within the framework of the state task
of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS*

The composition of diocesan, parish and other Orthodox brotherhoods in the Vologda province from the late 19th century till the beginning of the First World War is analyzed. Four types of membership in the brotherhoods have been identified. Gender and social status of the organizations' members are considered.

Vologda province, Orthodox brotherhoods, honorary and lifelong members, active and competitive members, social composition.

В.И. Кривуть
Барановичский государственный университет
(Республика Беларусь)

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОЛЬСКОГО ПРОМЕТЕИЗМА (XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.)

В статье прослеживается эволюция идеологии и практики прометеизма в период XVIII – начала XX вв. Показана роль в его оформлении и практической реализации «мазепинской» эмиграции, Великой эмиграции и польских социалистов.

Польша, прометеизм, Речь Посполитая, Российская империя, Филипп Орлик, Адам Чарторыйский, Юзеф Пилсудский.

Обычно прометеизмом называют направление в польской восточной политике межвоенного периода. Главной целью данного направления было разделение Советской России, а позднее СССР, по национальным швам. В результате планировалось свести территорию России до территории XVI в. и расширить сферу политического и экономического влияния Польши на востоке путем создания федерации в составе Финляндии, стран Прибалтики, Беларуси, Украины, Крымского и казачьего государств, Союза кавказских государств. В ходе осуществления этих планов предполагалось использовать как националистическую антисоветскую эмиграцию, так и сепаратистов внутри СССР. Самой Польше отводилась роль координатора в будущей федерации государств-лимитрофов [2, с. 43]. Чаще всего прометеизм связывают с маршалом Юзефом Пилсудским (1867–1935) и лагерем его сторонников, пытавшимися реализовывать эту идею в 1920–1930-х гг. Иногда Ю. Пилсудского даже называют и разработчиком доктрины прометеизма [4, с. 60]. Но идеология прометеизма возникла и развивалась еще ранее. В современной российской и польской историографии роль провозвестника прометеизма отводят князю Адаму Ежи Чарторыйскому (1770–1861), российскому и польскому государственному деятелю, духовному лидеру польской политической эмиграции [3, с. 74; 12, с. 231].

Однако истоки идеи и практики данной геополитической доктрины можно проследить в еще более раннем периоде. На это обращали внимание польские исследования межвоенного периода, когда прометеизм являлся в Польше частью общественно-политического дискурса и активно пропагандировался. Отмечалось, что «проблема прометеизма, то есть целенаправленной политики связывания польских интересов с интересом свободы народов и наций, притесняемых или угнетаемых или же находящихся под угрозой московского империализма, должна была возникнуть тогда, когда возникли те условия, которые такую политику мотивировали, это значит распад империализма турецкого и возникновение нового империализма, империализма московского» [7, с. 1]. Таким переломным моментом

стало начало XVIII в., эпоха становления Российской империи и одновременно период все более заметного упадка Речи Посполитой. Последняя не была в состоянии в одиночку противостоять своей восточной соседке и, как следствие, возникали планы разного рода антироссийских альянсов, которые можно считать прообразом будущей концепции прометеизма.

Некоторые историки называют «пионерами» этой концепции польского короля Станислава Лещинского (1677–1766) и гетмана Левобережной Украины Ивана Мазепу (1639–1709). Известно, что польский король и украинский гетман рассматривали вариант создания союзного государства в случае победы Швеции в Северной войне. Гетман И. Мазепа обязывался привлечь к антироссийской коалиции запорожцев, белгородских (слободских) и донских казаков. К этому союзу должна была присоединиться и орда калмыцкого хана Аюка. Однако победа войск Петра I над шведами под Полтавой сорвала дальнейшее формирование этой коалиции [1, с. 59–60]. И. Мазепа и его сторонники вынуждены были бежать за границу.

Именно в эмиграции развернул свою деятельность еще один «пионер» прометеизма, преемник И. Мазепы на посту гетмана Филипп Орлик (1672–1742). В польской межвоенной историографии отмечалось, что Ф. Орлик одним из первых понял, «что борьба с империалистической Россией должна происходить из свободолобивых устремлений покоренных народов, объединенных единым фронтом, и всю жизнь работал над его созданием». В связи с этим пониманием «роли, которую в борьбе с Россией должны сыграть все нации, завоеванные или только оказавшиеся под угрозой завоевания...» есть основание назвать Ф. Орлика «предтечей идеи прометеизма» [11, с. 245–246].

Гетман-эмигрант пытался проводить активную дипломатическую деятельность в европейских столицах, направленную на осуществление концепции союза и взаимодействия противников России – Швеции, Речи Посполитой, Турции, Крыма и украинского казачества [10, с. 6]. Но все его усилия оказались

напрасными, и он не смог найти реальной поддержки в даже в Речи Посполитой, элита которой оказалась глуха к его призывам. Как отмечает один из польских исследователей, «Польша еще не осознала грозящей ей опасности, она смотрела на шведов через призму шведских войн середины XVII в., на турок и татар как на язычников, на Мазепу и Орлика – как на неверных и предательских казаков, а часть нации видела в России союзника против захватчика с севера и сражалась на стороне Августа II» [7, с. 2].

Кроме того, Ф. Орлик столкнулся и с противодействием российской дипломатии, которая, в отличие от польской элиты, более серьезно относилась к его деятельности. Так, в 1719 г. один из эмиссаров гетмана-эмигранта, Г. Герцик, прибыл для установления контактов в Варшаву, где тогдашний российский посол Г.Ф. Долгоруков имел разветвленную разведывательную сеть, которая быстро узнала о его присутствии. Г. Герцика заманили в засаду, схватили и вывезли в Россию. Кстати, серьезной реакции на эти события со стороны властей Речи Посполитой не последовало [10, с. 5].

Дело Ф. Орлика продолжил его сын, Григорий (1702–1759), политический и военный деятель, лидер «мазепинской» эмиграции, граф и генерал-лейтенант французской армии. В течение всей своей политической деятельности Г. Орлик стремился организовать антироссийскую коалицию. В ее состав должны были войти Турция, Швеция, Речь Посполитая, крымские татары, украинские казаки. Предусматривалось проведение ими спланированной, единой акции против Российской империи. Помимо вышеназванных государств, Г. Орлик в мемориале французскому первому министру А. де Флери в 1734 г. указывал на необходимость использования и сближения с ногайцами, народами Дагестана и калмыками [13, с. 2]. Во многом эти идеи уже напрямую перекликались с концепцией польского прометеизма XX в., но в XVIII в. замыслы Г. Орлика остались не реализованными. Впрочем, кое-что из идейного наследия этого провозвестника прометеизма нашло применение и ранее. В одном из мемориалов, представленных французскому правительству, Г. Орлик заявлял, что Россия постоянно стремилась и будет стремиться к уничтожению Польши и Турции и к овладению Балтийским, Черным и Каспийскими морями. Такой взгляд на политику России распространился после публикации в 1812 г. фальсифицированного «Завещания Петра Великого». Учитывая явную схожесть фальшивки с высказанными задолго до ее публикации идеями Г. Орлика, существует предположение, что автор «Завещания» опирался на хранившийся в архиве французского министерства иностранных дел мемориал Г. Орлика (Там же).

Что же касается идеи взаимодействия с Турцией, татарами или иными народами в борьбе против России, то с середины XVIII в. она постепенно начинает прививаться в Речи Посполитой, в первую очередь в среде антироссийской партии «республиканцев». В ходе Барской конфедерации (1768–1772) противники России в 1768 г. заключили с Крымским ханством договор, в котором постановлялось, что «Мы будем объединять все наши силы, чтобы действовать сов-

местно с Оттоманской державой и благородным татарской нацией и сражаться против москалей, угнетающих наше отечество, нарушающих законы и трактаты, с общим нашим неприятелем» [8, с. 37]. Но данное соглашение никогда не было реализовано. Барская конфедерация потерпела поражение, после которого последовал первый раздел Речи Посполитой.

Начиная с этого момента идея взаимодействия антироссийских сил и сотрудничества с находящимися под властью Российской империи народами присутствует в политике польских элит. Так, в 1793 г. на Дон были направлены польские эмиссары с целью проверить известия о симпатиях донских казаков к Речи Посполитой. В польском восстании 1794 г. под руководством Тадеуша Костюшки на стороне восставших сражался казачий отряд во главе с Л. Серпиньским. Проявлением прометеевских идей можно считать и распространение среди населения воззваний, изданных на литовском и белорусском языках повстанческими властями в Вильно. Эхо всей этой политики обнаруживается в мемориале, представленном деятелями польских подпольных организаций французскому послу в Константинополе. Авторы мемориала указывали на необходимость привлечения на свою сторону казачьего движения и концентрации усилий всех народов, сражающихся против России [7, с. 4].

В 1800 г. в Париже вышла брошюра одного из идеологов восстания 1794 г. и личного секретаря Т. Костюшки Юзефа Павликовского (1767–1829) «Могут ли поляки добиться независимости?» (существуют версия, что брошюра написана им в соавторстве с Т. Костюшкой). Помимо всего прочего, в ней утверждалось, что одним из путей возрождения независимой Польши было бы пробуждение центробежных тенденций среди народов царской России, в первую очередь среди украинского казачества [1, с. 61].

В первые десятилетия XIX в. идеи прометеизма не получили серьезного распространения. Значительная часть польских элит в тот момент связывала свои надежды на возрождение независимости Польши с Российской империей. Например, князь А.Е. Чарторыйский в 1804 г., будучи министром иностранных дел империи, предлагал вернуть полякам их государство, во главе которого должен был стать российский монарх. Тем самым Наполеон был бы «опережен» в своих намерениях. России же после этого не пришлось бы следить за тем, чтобы поляки снова не выступили против нее. Польша превратилась бы в своеобразный авангард российского государства в этой части континента. Заботясь об интересах Российской империи, А.Е. Чарторыйский стремился получить как можно больше уступок от России по отношению к полякам. При этом он понимал, что только в союзе с одной из великих держав Польша имеет шанс получить хотя бы только видимость независимости [14, с. 30–32].

И эта видимость независимости была получена в 1815 г. после создания по итогам Наполеоновских войн Царства Польского. В связи с этим в 1815–1830 гг. приобрели популярность идеи польско-российской общности и польского панславизма. При

этом показательно, что использование панславистской идеологии для создания геополитических концепций в Польше проявилось даже раньше, чем в самой России [6, с. 63].

Ситуация кардинально изменилась в связи с польским Ноябрьским восстанием 1830 г. После его подавления возникла Великая эмиграция (1831–1864), деятели которой внесли значительную роль в окончательное оформление польского прометеизма и принимали попытки его практической реализации. А.Е. Чарторыйский, ставший лидером консервативного крыла Великой эмиграции, начал разработку концепции, согласно которой Польша должна была возглавить борьбу нерусских народов Российской империи. Он обратил свое внимание на территории от Финляндии и до Кавказа, которые отделяли этнические русские земли от Западной Европы. Именно на сопротивление народов, проживавших там, должна была опираться программа демонтажа Российской империи [1, с. 62].

Вклад в развитие идеи прометеизма внесли многие польские интеллектуалы того времени. Так, польский поэт и философ Зигмунд Красинский (1812–1859) сравнивал Польшу со старшей сестрой, которая помогает народам в их борьбе за независимость (Там же, с. 64). Отношение же З. Красинского к России носило откровенно русофобский характер. Он считал ее наследницей Византийской империи эпохи упадка и «собранием элементов, наиболее зловредных, наиболее разрушительных, каковые только есть в истории; слабым государством, зависимым от ситуации в Киеве, Вильно и Варшаве. Спаси западную цивилизацию можно лишь полностью «обессилив» Российскую империю. Польша, как истинное «творение Божие», имеет особую историческую миссию. Расположенная «между турками, москалями и германцами», она предназначена для того, чтобы сдерживать угрозы, исходящие от них христианству, западной цивилизации и славянам [3, с. 75].

Идеи прометеизма и польского мессианства с особой силой прозвучали в произведениях великого польского поэта Адама Мицкевича (1798–1855). В своей «Книге польского пилигримства» он завещал полякам бороться за свободу против тирании, которая является главным врагом западной цивилизации. Но не только за свою свободу, но и против тирании во всем мире. Творчество А. Мицкевича оказало глубокое влияние на национальное самосознание поляков, на понимание своей роли в мире как богоизбранного народа, идейного борца за свободу всех людей [1, с. 65].

Что касается практической реализации идей прометеизма, то тут Великая эмиграция развернула деятельность по нескольким направлениям. Одним из них была пропагандистская кампания в прессе, своеобразная «информационная война». В. Замойский и А.Е. Чарторыйский инициировали издание журнала «Портфолио», ставившего своей целью информирование Европы об устремлениях российской политики на Востоке. Журнал начал выходить в 1835 г. на английском и французском языках, а его редактором стал Д. Уркварт, бывший секретарь английского посольства в Константинополе. Показательно, что на страницах «Портфолио» много места посвящалось

кавказским народам. Уже в первом номере была размещена декларация независимости черкесов; в последующих номерах также было достаточно упоминаний или статей о Кавказе [7, с. 5–6; 8, с. 38].

Велась и активная дипломатическая деятельность. Эмиссары Великой эмиграции действовали не только при западноевропейских правительствах, но и в Турции, Египте, Сербии, Румынии. Польские агенты неоднократно направлялись на Кавказ к воевавшим против России горцам [7, с. 7–8; 9, с. 66–72].

Частью практики прометеизма стало и непосредственное участие поляков в вооруженной борьбе против России. Например, во время Крымской войны эмиссар А.Е. Чарторыйского в Константинополе Михаил Чайковский (1804–1886) организовал два казачьих полка из славян-добровольцев, воевавших на стороне Османской империи. В 1857 г. эти бывшие «султанские казаки» под командованием полковника Т. Лапиньского отправились на Кавказ, где около трех лет сражались с российскими войсками [1, с. 63; 15, с. 176–190].

Необходимо сказать, что Великая эмиграция, проводя свою «восточную политику», действовала в тесном взаимодействии с Великобританией. При этом польский вопрос в XIX в. стал элементом «Большой игры», то есть соперничества между Россией и Великобританией за господство над Центральной Азией. Каждый раз, когда русские создавали угрозу для власти британцев в этой части мира, польский вопрос становился для Великобритании картой, «которой она могла играть с целью ослабления влияния русских в Центральной Европе» [5, с. 7]. Именно такой утилитарный подход западных держав к судьбе Польши привел к тому, что деятельность Великой эмиграции не привела к значительным практическим результатам.

Несмотря на поражение очередного польского восстания 1863–1864 гг., польский прометеизм не исчез. Он стал частью идеологии и практики польских социалистов. Программа Польской социалистической партии (ППС), принятая в ноябре 1892 г., предусматривала полное равноправие на принципах федерации для всех народов, которые входили в состав бывшей Речи Посполитой. Ю. Пилсудский, один из лидеров польских социалистов, считал, что союзниками поляков в борьбе за независимость станут другие, угнетенные царизмом народы. Известно, что в начале XX в. польские социалисты провели ряд конференций и заключили соглашения с социалистами Финляндии, Грузии, Украины. Большую роль в налаживании этого сотрудничества сыграл один из ближайших соратников Ю. Пилсудского Леон Василевский (1870–1936) [1, с. 68–69; 7, с. 13].

Важным этапом в развитии польского прометеизма стала миссия Ю. Пилсудского в Японию в 1904 г. и предоставление там японскому правительству «Меморандума», посвященного дезинтеграции России силами польского народа. Автор данного документа видел в расколе России реализацию «культурных устремлений» поляков к самостоятельному существованию и гарантию их независимости. От Японии же требовались дотации для боевой организации ППС, оружие и поддержка на международной арене. Хотя предложение о создании польских легионов на терри-

тории Японии было отклонено, в 1905 г. боевики ППС получили определенную японскую помощь. Также японцы помогли в создании польской военной школы в Швейцарии [3, с. 75–76].

Именно из этой школы вышли офицерские кадры Польских легионов Ю. Пилсудского, сыгравшие серьезную роль в возрождении польского государства, которое предприняло очередную попытку реализации концепции прометеизма уже на новом историческом этапе.

Таким образом, идеологи и практика польского прометеизма прошла достаточно долгую и сложную эволюцию. Она возникла еще на заре XVIII в. в среде мазепинской эмиграции и лишь с течением времени была принята на вооружение польскими политическими элитами. Окончательное ее оформление произошло в среде Великой эмиграции в 1831–1864 гг. К началу XX в. прометеизм стал неотъемлемой частью идеологии и практики польского национального движения социалистического толка.

Литература

1. Комар, В. Л. Концепція прометеїзму в політиці Польщі (1921–1939 рр.) / В. Л. Комар. – Івано-Франківськ : Місто НВ, 2011. – 360 с.
2. Симонова, Т. М. «Прометеїзм» во внешней политике Польши. 1919–1924 / Т. М. Симонова // Новая и новейшая история. – 2002. – № 4. – С. 43–67.
3. Симонова, Т. М. «Прометеїзм» в польском сознании: теория и практика / Т. М. Симонова // Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020 / под общей редакцией В. Ю. Крашенинниковой. – Москва : Кучково поле, 2020. – С. 74–106.
4. Сеницын, Ф. Л. Доктрина «прометеизма» в политике Второй Речи Посполитой и Третьего рейха / Ф. Л. Сеницын // Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020 / под общей редакцией В. Ю. Крашенинниковой. – Москва : Кучково поле, 2020. – С. 59–73.
5. Bartosiak, J. Relacje polsko-brytyjskie. Zarys z elementami geopolityki / J. Bartosiak. – Toruń: Regionalny Ośrodek Debaty Międzynarodowej, 2015. – 20 s.
6. Eberhardt, P. Polski panslawizm jako idea geopolityczna / P. Eberhardt // Przegląd Geopolityczny. – 2014. – Т. 7. – С. 61–84.
7. J. R. Z dziejów prometeizmu polskiego / J. R. // Wschód-Orient. – 1937. – № 1–4. – С. 1–15.
8. J. R. Polityka wolności / J. R. // Biuletyn Polsko-Ukraiński. – 1937. – № 4. – С. 37–39.
9. J. R. Polityka wschodnia ks. A. Czartoryskiego w świetle najnowszych badań naukowych / J. R. // Wschód-Orient. – 1938. – № 3. – С. 65–76.
10. Janowicz, J. Z ideologii politycznej pierwszej ukraińskiej emigracji / J. Janowicz // Biuletyn Polsko-Ukraiński. – 1934. – № 3. – С. 4–6.
11. Łobodowski, J. Książka o hetmanie Orliku / J. Łobodowski // Biuletyn Polsko-Ukraiński. – 1938. – № 23. – С. 245–246.
12. Łysek, W. Prometeizm / W. Łysek // Mały leksykon geopolityki / Red. L. Sykulski. – Częstochowa : Grzegia sp. z o.o., 2016. – С. 231–235.
13. Reychman, J. Pierwsza polityczna emigracja w Europie / J. Reychman // Biuletyn Polsko-Ukraiński. – 1934. – № 8. – С. 1–3.
14. Tokarz, G. Rosja w rozważaniach Adama Czartoryskiego (okres napoleoński) / G. Tokarz // Geostrategia. – 2020. – № 1. – С. 24–32.
15. Widerszal, L. Sprawy kaukaskie w polityce europejskiej w latach 1831–1864 / L. Widerszal. – Warszawa: Nakładem Towarzystwa Naukowego Warszawskiego, 1934. – 268 s.

V.I. Krivut

ORIGIN AND DEVELOPMENT OF POLISH PROMETHEISM (18th – EARLY 20th CENTURIES)

The article traces the evolution of the ideology and practice of Prometheism in the 18th – early 20th centuries. The author highlights the role of the «Mazepa» emigration, the Great Emigration and the Polish socialists in its formation and practical implementation.

Poland, Prometheism, Rzeczpospolita, Russian Empire, Philip Orlik, Adam Czartoryski, Jozef Pilsudski.

*А.Н. Наумов
Петрозаводск*

ВОЕННОПЛЕННЫЕ НЕМЦЫ В КЕМСКОЙ ВОЛОСТИ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ НИКОЛЬСКОГО УЕЗДА 1915–1918 ГГ.

В статье исследуется уникальный случай периода I мировой войны – поселение и жительство 53 военнопленных иностранных граждан воюющих с Россией государств – Германии и Австро-Венгрии в Кемской волости Вологодской губернии Никольского уезда с 10 октября 1915 г. и по 5 мая 1918 г. Показаны 2 различные мира с собственными традициями, жизненным укладом, философией и этикой: заласканные благами цивилизации западные европейцы и кемляки, живущие по незыблемым законам крестьянской общины. Впоследствии, столкнувшись с гитлеровским беспределом, проведенное в Кемской волости время бывшие военнопленные вспоминали как лучший период своей жизни.

Первая мировая война, военнопленные в России, крестьянство на севере России.

К началу XX века в Европейской части Российской империи существовало 3 волости, носящих наименование «Кемская». Северная, в Архангельской губернии, вокруг приморского города Кемь. Сейчас это Кемский район Республики Карелия. Западная, в Новгородской губернии, около Белого озера. Теперь это Вашкинский район Вологодской области. И восточная, росчерком пера по указу Российской императрицы Екатерины II оторванная в 1780 г. от материнских земель Галичской провинции и на живую нитку наскоро «пришпиленная» ко вновь образованному Никольскому уезду. Она осталась в составе Никольского района современной Вологодской области [1].

Карл Маркс при работе над «Капиталом», тщательно изучая экономику различных государств, в т.ч. и Российской империи, в своих записях дважды упомянул и Кемскую волость Никольского уезда, отмечая ее особенности [2].

На необъятных просторах Российской империи существовало множество глухих кондовых местностей, одной из которых являлась и северная Вологодская губерния. С точки зрения Вологодских губернских властей, одним из самых глухих мест во всей губернии как раз и был Никольский уезд. А уездные власти подлинной глухоманью считали две юго-западные волости Никольского уезда – Кемскую и Березниковскую, в свое время ограничивающие Галичские пределы на границе с Устюжскими владениями князя Московского.

Подобного мнения вышестоящие власти придерживались небезосновательно. Хотя бы той причине, что дважды в год, в период весенней и осенней распутицы и сама связь с Кемой прерывалась на месяц-полтора. Не только сама Кемская волость была в это время надежно изолирована от внешнего мира, но практически полностью прерывалось и сообщение кемских селений друг с другом. Или же сводилось только лишь к самому необходимому минимуму.

Самым надежным и безотказным способом передвижения местных жителей в сезонную распутицу

был пеший. Или же верхом на лошади. На телеге проехать было уже довольно затруднительно: в сезон распутицы колеса увязали в грязи по самые ступицы. Это в лучшем случае. А часто и так бывало, что груженная телега со всей своей поклажей в грязи увязала надежно и надолго. И вытащить увязшую телегу возможно было только одним способом. Лишь сняв всю находящуюся на ней поклажу.

Поэтому власти Российской империи именно Кемскую волость и использовали регулярно в качестве административной ссылки неугодных лиц, в т.ч. и граждан иностранных государств.

Согласно записи в Метрической книге Нижне-Кемской Николаевской церкви, 24 декабря 1879 г. в возрасте 42 лет в с. Никольском скончался врач 28-й артиллерийской бригады армии Российской, Надворный советник Алоизий Иванович Шехтель. Как указано, «от разрыва сердца и сумасшествия». Судя по отчету, Алоизий Шехтель был обрусевшим немцем [3].

Неизвестно, по каким причинам кадрового военного врача Российской армии объявили сумасшедшим. Был ли он ранен и контужен? Или же высказал нечаянно что-то такое, что властям не понравилось? И причина высылки Алоизия Ивановича именно в с. Никольское Кемской волости также пока неизвестна. По записям в метрических книгах данного периода выясняется, что жил А.И. Шехтель не один, а вместе со своей супругой, Викторией Станиславовной. Оба исповедовали непонятную и чуждую для местных жителей римско-католическую веру. На службу в действующую Нижне-Кемскую церковь и на исповедь к настоятелю храма оба они приходили регулярно. Очевидно, по той простой причине, что никаких католических пастырей в окрестностях Кемы просто не было. И похоронили А.И. Шехтеля по существующему православному каноническому обряду.

В 1908 г. кемский купец, лесопромышленник, землевладелец и меценат Иван Прокопьевич Сергеев решил проложить железнодорожную ветку поблизости от своей усадьбы – резиденции, через с. Николь-

ское. Ветку планировалось провести от станции Галич Костромской губернии через городок Чухлому на север, на г. Великий Устюг и с ответвлением на восток, на г. Никольск. С этого времени среди кемляков и бытуют разговоры еще об одной группе «немцев», в окружении Ивана Прокопьевича.

Сейчас невозможно утверждать, были ли задействованы у И.П. Сергеева действительно подлинны немцы. Это могли быть и просто иностранные специалисты железнодорожного дела. Которых кемляки всех без исключения по устоявшейся привычке называли «немцами». С началом войны все «немцы» из окружения Ивана Прокопьевича куда-то исчезли. Куда конкретно они подевались – к сожалению, ни у кого из кемляков так и не удалось выяснить. А документы по этому поводу если и имеются в архивах, то пока еще не выявлены.

В Интернете, в разделе «Участники и герои I мировой войны, Кемская волость Никольского уезда Вологодской губернии» обнаружена запись об одном из немцев данного периода, воевавшем на стороне России: «ДРЕЙФ Август Карлович, с. Кемское (Никольское). Рядовой. Ранен. Данные из лазарета». Возможно, что он собирался жениться и, заведя семью, в дальнейшем остаться на постоянное жительство в Кемской волости. Потому и указал адресом с. Никольское. Но в кемских метрических книгах о нем и его друзьях-сотоварищах никаких сведений нет [4].

В конце 1915 г. перед местными полицией и жандармерией во всей остроте встал животрепещущий вопрос о расквартировании в отдаленных местностях Никольского уезда скопившегося довольно значительного количества военнопленных граждан воюющих с Россией государств – Германской и Австро-Венгерской империй. В числе одного из наиболее удобных и перспективных мест для выполнения ответственной задачи изоляции иностранцев на весь оставшийся период военных действий сразу же автоматически попала и Кемская волость.

10 октября 1915 г. полицейские власти Российской империи направили первый отряд военнопленных для расквартирования в Кему. Постоянным поселением иностранцев было назначено вполне достойно зарекомендовавшее себя ранее место ссылки – с. Никольское. В нем расквартированные военнопленные и находились вплоть до заключения Советской Россией «похабного» Брестского мира и ратификации договора правительствами обоих государств 2 февраля 1918 г.

В документах поселенные военнопленные именуются как «германские и австрийские подданные», или просто – «германцы». Местное население называло их предельно ясно и коротко – «немцы». Хотя среди чужеземных поселенцев в значительном количестве были представлены не только немцы и австрийцы, но и евреи, и представители славянских народов. К последним относились поляки и русины (жители Западной и Закарпатской Украины, в этот период являющиеся подданными Австро-Венгерской империи).

В силу сложившихся неизбежных обстоятельств, некоторое время вынуждены были соседствовать между собой два самостоятельных мира. Каждый из них с собственными тысячелетними непреложными

традициями моральных, культурных, философских и этических установок. Оба мира внимательно присматривались друг к другу за время вынужденного совместного существования. Нередко то, что было вполне естественно и обычно для представителей одного народа, вызывало не только повышенное внимание, недоумение, изумление, но и явную неприязнь другого.

Немецкие и австрийские военнопленные размещались не в казематах или бараках, а находились практически на вольном поселении в добротных крестьянских домах местных домовладельцев. Они занимали или отдельную половину пятистенного дома, или же целиком весь отдельный дом. Вся известная нам т.н. «экзотика» лагерно-тюремного мира последующих времен: бараки, казематы, колючая проволока, лагерный режим, вооруженная полицейская охрана с натасканными собаками и постоянное физическое и моральное издевательство над военнопленными иностранцами – в Российской империи в описываемый период отсутствовала совершенно.

Иностранные граждане не были брошены на произвол судьбы и не были предоставлены самим себе в отдаленных местностях Российской империи. Они постоянно находились в центре внимания соответствующих полицейских служб. Военнопленному разрешалось обращаться к местному полицейскому уряднику по любому назревшему вопросу. А урядник обязан был незамедлительно поставить в известность об обращении свое начальство. В результате возникшие и возникающие вопросы обычно решались сравнительно быстро, без всякой канители.

От Российского государства иностранные военнопленные получали щедрое ежемесячное денежное содержание в размере 20 рублей в месяц. Квалифицированному рабочему на прокладке, строительстве и оборудовании дорог местного значения в летний период это же государство гарантировало заработок в размере 75 копеек в сутки. При шестидневной рабочей неделе набиралась общая сумма 18 руб. в месяц [5].

Подобное содержание (зарплата) в это время была назначена только эконому (завхозу) в сане диакона единственного на весь уезд местного среднего учебного заведения – Никольского духовного училища [6].

Но ведь невозможно даже и сравнивать повседневные и разнообразные обязанности завхоза учебного заведения и «отдых» военнопленных иностранцев. На военнопленных не было возложено никаких обязанностей, никакой работой они не занимались. Ежемесячная изоляция военнопленного иностранца играла немаловажную политическую роль в международных отношениях. Соответственно, в денежном отношении изоляция иностранца оценивалась государством выше труда своего же рабочего.

Цены на скот и продукты питания в Кемской волости к этому времени сложились следующие. Дойная стельная корова – основная кормилица крестьянского хозяйства – оценивалась в 15, рабочая лошадь с комплектом упряжи – в 18 рублей. Один пуд говядины стоил 5 руб. 70 коп., пуд свинины – 3 руб. 50 коп. Пуд – русская мера веса, равная 16 кг. Обязательно обговоренное двухразовое питание наемного работника в сутки (на сенокосе, на весеннем севе и на осенней

уборке урожая) обходилось нанимателю в 20 копеек. Из-за отдаленности территории и совершенного отсутствия рынков сбыта цены на основную продукцию крестьянского подворья в период военного времени практически упали значительно ниже даже и указанных.

На ежемесячное государственное содержание иностранец мог прожить безбедно 100 дней. Или купить рабочую лошадь с полным комплектом сбруи, или дойную корову вместе с теленком, или 50 кг отборной говядины. Иностранцы обязаны были оплачивать местным домовладельцам питание и жилище из платы, назначенной государством. Но больше половины получаемого скапливалась у них на руках.

Перенесемся на десятилетие назад. После вооруженного разгрома царскими сатрапами революции 1905 г. город Никольск также был по завязку забит сосланными сюда под гласный полицейский надзор «врагами царя и Отечества». Но вот назначенное ссыльным от «казны» денежное содержание было просто смехотворным: 25 копеек в сутки лицам привилегированных сословий (дворянству и духовенству) и 8 (восемь!) копеек всем остальным. И эти-то незначительные средства задерживались в губернском городе Вологде и не всегда своевременно выдавались. Что вызывало явное недовольство.

Государство Российское предоставляло возможность иностранцам на период вынужденного нахождения вне родных мест без ограничения заниматься известными им промыслами и ремеслами. Государство гарантировало иностранцам всевозможное и всестороннее содействие, в т.ч. помощь в получении кредитов, предоставлении им необходимых и подходящих помещений, в открытии мастерских, в обеспечении материалами, инструментом, оборудованием и подсобной рабочей силой, а также в сбыте готовой продукции. Однако в Кемской волости были поселены довольно обеспеченные иностранцы, которые ни в каком заработке не нуждались.

Избалованные достижениями западной цивилизации, привередливые иностранцы требовали проводить влажную уборку занимаемых ими помещений дважды в сутки, а в зимнее, холодное и в ненастное время дважды в сутки и печи топить. Хлеб же для них требовалось испекать ежедневно. И все это – без всякой дополнительной оплаты.

На средства, регулярно скапливающиеся в личном пользовании, иностранцы покупали для себя в уездном г. Никольске предметы быта и роскоши – металлические кровати, ватные стеганые матрасы заводского изготовления, цельнометаллические утюги, настенные зеркала, яркие керосиновые десятилинейные лампы, предметы туалета и гигиены. А также спиртное, которое можно было приобрести в военное время – коньяки, наливки, настойки, крепленые и марочные вина. Все эти разнообразнейшие товары привозил немцам по их заказам местный купец Иван Прокопьевич Сергеев. Будучи избранным депутатом уездной думы, проживал он постоянно на своем Сергеевском хуторе вблизи с. Никольского.

Административные и полицейские власти Российской империи не препятствовали военнопленным в их регулярном общении с родственниками и с

остальным внешним миром посредством почты. Через невоюющую окраину государства Российского – Великое княжество Финляндское и государства Скандинавии в обе стороны шли и письма, и посылки, и денежные переводы. Часть своих скапливающихся на руках денежных средств военнопленные почтовыми переводами отправляли своим семьям. Разумеется, при пересылке требовалось оплачивать услуги почты. Еще часть средств удерживалась при конвертации валюты из российских рублей в иностранные средства платежа. Но установленные тарифы на подобные услуги также были невелики.

Помимо обязательного пособия от государства Российского, военнопленные иностранцы регулярно и беспрепятственно получали помощь и от самых различных благотворительных организаций, как российских, так и международных, в т.ч. и по линии Красного Креста.

Российское государство чрезмерно заботилось и о состоянии здоровья своих военнопленных. При каждом даже самом незначительном недомогании их доставляли за 60 верст в уездную больницу, к врачам на обследование. Результаты были налицо. В выявленных и изученных документах нет ни одной записи о смерти кого-либо из иностранцев. И даже о продолжительной болезни.

Применяемые к иностранцам запрещения диктовались необходимостью военного времени. Они отличались незначительностью и никак не ущемляли чести и достоинства поселенцев как граждан иностранных государств. Военнопленные обязаны были в ночное время – с 21.00 до 6.00 часов утра – находиться в местах своего расквартирования. Дважды в сутки, в эти же указанные часы, отмечаться у полицейского урядника. А также не разговаривать в публичных местах на иностранных языках, не заводить разговоры с местными жителями о ходе военных действий. Местное население относилось к иностранцам дружелюбно, как к обыкновенным людям. Никто, никогда и ничем не выделял поселенных из общей массы рода человеческого.

Местных жителей неизмеримо удивляли такие черты иностранцев, как их педантизм и скаредность. Теперь представьте изумление поселенцев, впервые столкнувшихся с сохранившимися стародавними русскими обычаями париться в печах, купаться зимой в прорубях и проводить беседы и посиделки. А в канонические праздники – еще и игрища. Иностранцев особенно изумляло отсутствие замков и запоров в жилых помещениях и хозяйственных пристройках местного населения, а также их гостеприимство и хлебосольность.

Со своей стороны и местное население постепенно перенимало у военнопленных и внедряло у себя элементы «европейского» быта – металлические кровати (вначале вручную вытесывали деревянные), устройство уборных, предметы туалета и гигиены. Общение и взаимовлияние шло на пользу обоим народам и каждого из них обогащало культурно и духовно.

В I мировую войну в германском и австрийском плену находилось немало граждан России, в т.ч. и наших земляков. Но условия их содержания не идут с теми, в которых находились военнопленные иностранцы в государстве Российском. В это же самое

время на «цивилизованном» Западе сознательно создавали условия для военнопленных, при которых иностранцы ждали собственной смерти, как долгожданного избавления от постоянных издевательств. Именно такую цель и преследовала специально созданная новая мощная государственная силовая структура – лагерная охрана. В моральном истязании заключенных иностранные службы «передовых» европейских стран достигли не менее впечатляющих «успехов», чем в истязаниях физических.

В противовес этому, никто из иностранцев даже и не пытался бежать из Кемской волости. Условия проживания были для них терпимы и легко выполнимы. Военнопленным ограничили свободу передвижения лишь на период военного времени. Пыткам и издевательствам иностранных подданных не подвергали. Не было в их адрес даже и самых обычных шуток и насмешек, столь распространенных среди местных жителей по отношению друг к другу.

За время своего вынужденного пребывания в Кемской волости не умер ни один из военнопленных. Наоборот, по рассказам местных жителей, было сыграно несколько свадеб. Иностранцы военнопленные высватали местных девиц. Из-за этого им пришлось поступиться самой малостью. Поменять свою «латинскую» веру на каноническую православную.

По окончании войны все военнопленные благополучно возвратились в родные места. В соответствии с полученным распоряжением, власти Кемской волости обязаны были снабдить возвращающихся домой военнопленных деньгами и продуктами питания на дорогу до г. Никольска. Уездные власти в г. Никольске таким же образом снабжали их всем необходимым в предстоящем пути до губернского г. Вологды. 15 января 1918 г. в уездной газете «Плуг и Молот» появилось сообщение, что прежде чем найти учреждение, занимающееся содействием возвращения военнопленных на родину, им поневоле приходится исколесить из конца в конец весь г. Никольск [7].

Помимо сухопутного Кемского торгового тракта («Большой дороги»), существовал и водный путь, по рекам Кеме и Унже. Этот неспешный плавучий путь и избрала последняя группа военнопленных иностранцев, покинувших пределы Кемской волости на лодке 5 мая 2018 г. [8].

Число военнопленных не было постоянным – кого-то отзывали в уездный город Никольск, а на его место присылали следующего поселенца. Документально, на

основе архивных данных, подтверждается факт расквартирования в Кемской волости 53 человек [9]. Список военнопленных с указанием возраста публикуется в приложении к статье.

Через полтора десятка лет, столкнувшись с беспределом «нового порядка», установленного фашистами, бывшие военнопленные пересмотрели итоги своего жизненного пути. Некоторые из немцев, в свое время находившиеся на поселении в Кемской волости, оставили свои завещания в пользу местных жителей. Данный факт безусловно свидетельствует о благодарности и признательности бывших военнопленных по отношению к жителям Кемской волости. Годы своего вынужденного «пленения» впоследствии иностранцы вспоминали, как лучшее время в своей жизни...

Литература

1. Об учреждении Вологодской губернии и о переименовании некоторых селений городами : Указ Императрицы Екатерины II от 25 января 1780 г. № 14. 973 // Полное собрание законов Российской империи. – Санкт-Петербург : В типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1780. – Т. XX. – С. 911.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Архив. – Москва : Госполитиздат, 1955. – С. 100–101.
3. Метрическая книга Нижне-Кемской Николаевской церкви за 1879 г. // В/Устюжский центральный архив (ВУЦА). Ф. 585. Оп. 22. Д. 5. С. 343об.–344.
4. Поиск героев войны // Памяти героев великой войны 1914-1918. – URL: https://gwar.mil.ru/heroes/?birth_place_gubernia=Вологодская&birth_place_uezd=Никольский&birth_place_volost=Кемская&groups=ptr:awd:frc:cmd:prs&types=awd_nagrady:potery_doneseniya_o_poteryah:potery_gospitali:potery_voennoplen:frc_list:cmd_commander:prs_person&page=30 (дата обращения: 20.06.2022).
5. Переписка о принудительном привлечении военнопленных к общественным работам 10/08-1914 – 10/08-1915 // ВУЦА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 5036.
6. От правления Никольского духовного училища // Вологодские епархиальные ведомости. – 1906. – № 7–8. – С. 162.
7. Плуг и Молот (газета Никольского уезда Вологодской губернии). – 1919. – № 3 (51).
8. Приказы Беломорского окружного военкомата 2/06-25/12-1918 // ВУЦА. Ф. Р-552. Оп. 1. Д. 1. С. 234–234об.
9. Предписания Никольского уездного исправника полицейскому уряднику Кемской волости о поселении военнообязанных германских и австрийских подданных в с. Никольском 1/10–1915 – 7/07–1916 г. // ВУЦА. Ф. 278. Оп. 1. Д. 155.

A.N. Naumov

GERMAN PRISONERS OF WAR IN KEM VOLOST OF NIKOLSK DISTRICT, VOLOGDA PROVINCE, 1915–1918

The article examines a unique case of the period of World War I when 53 prisoners of war, the foreign citizens from Germany and Austria-Hungary resided in Kem Volost of Nikolsk District, Vologda Province from October 10, 1915 till May 5, 1918. Two different worlds with their own traditions, lifestyle, philosophy and ethics have collided: the Western Europeans who had enjoyed the benefits of civilization and the Kemlyaks who lived according to the strict laws of the peasant community. Subsequently, when the former prisoners of war faced Hitler's lawlessness they started to remember the time spent in Kem Volost as the best period of their lives.

World War I, prisoners of war in Russia, peasantry in the north of Russia.

**Список военнопленных с указанием возраста,
поданных Австрийской и Германской империй, расквартированных в с. Никольском Кемской
волости Никольского уезда Вологодской губернии 10/10-1915 – 5/05-1918**

1. АЛЬБЕРТИН Теодор Фердинандович 34.
2. АЛЬШЕР Франц Карлович 26.
3. АЛЬШЕР Эмиль Карлович 24.
4. АРЛТ Павел Адольфович 38.
5. АРНТ Фридрих Фридрихович 29.
6. БАРЧ Отто Юльевич 38.
7. ВИС Вильгельм Вильгельмович 27.
8. ВОЛЬФ Теодор Георгиевич 29.
9. ГЕБЕЛЬ Вольдемар Вильгельмович 38.
10. ГЕЙЕР Георг Тобиасович 42.
11. ГЕПТНЕР Вальтер Константинович 24.
12. ГОК Иван Иванович 26.
13. ГОФМАН Герман Густавович 43.
14. ГРОБ Герман Германович 29.
15. ГРУЧКУН Адольф Иванович 40.
16. ДИТРИХ Георгий Альбертович 40.
17. ИОНЕ Иосиф Карлович 21.
18. КАНЕФКЕ Фридрих Иоганнович 33.
19. КЕЛЕР Эрих Эмилиевич 24.
20. КЕМЕР Густав Вильгельмович 37.
21. КРАУС Христиан Якоблевич 37.
22. КРАУЗЕ Альберт Освальдович 29.
23. КЮСТЕР Герман Андреевич 30.
24. ЛЕМКЕ Адольф Генрихович 21.
25. ЛЕМКЕ Георг Генрихович 19.
26. ЛЕМКЕ Эрнест Генрихович 25.
27. ЛЕНЦ Отто Людвигович 33.
28. ЛЮДВИЧАК Игнатий Михайлович 29.
29. МОРГЕНШТЕРН Вильгельм Карлович 22.
30. МЮЛЛЕР Отто Эдуардович 24.
31. МЮЛЛЕР Теодор Эдуардович 28.
32. НИКОН Дмитрий Иванович 28.
33. НОЙГЕБАУЭР Густав Антонович 34.
34. ПРАЦ Иван Михайлович 30.
35. ПФАФФЕ Роберт Максевич 21.
36. РЕЙХМАН Александр Адамович 20.
37. РЕЙХМАН Павел Адамович 34.
38. РЕЙХМАН Фридрих Адамович 38.
39. РОТЕНВАЛЬД Отто Францевич ?
40. СВЕНЦ Отто Людвигович ?
41. ТИЛЕ Фридрих Густавович 23.
42. ТУХОЛЬСКИЙ Отто Иванович 31.
43. УНЗЕЛЬТ Макс Бальтазарович 30.
44. ФАБИАН Эрих Брунович 30.
45. ФАРЕНБРУХ Павел Феликсович 30.
46. ФЕТТЕР Рудерих Германович 24.
47. ФИДЛЕР Вильгельм Вильгельмович ?
48. ФИТЕН Макс Генрихович 23.
49. ШЛЕМ Вальтер Вильгельмович 20.
50. ЦАН Вилли Германович 30.
51. ШРЕЙБЕРГ Эрих Эдуардович 24.
52. ШТУМПЕ Юлиус Павлович 38.
53. ШУЛЬЦ Вилли Клеменсович 31.

А.Ю. Немчинов

Тюменский государственный институт культуры

СИБИРСКОЕ ЧИНОВНИЧЕСТВО В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА, НА ПРИМЕРЕ БЮРОКРАТИЧЕСКОГО АППАРАТА ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

В статье рассматриваются проблемы функционирования бюрократического аппарата местной администрации в России в середине XIX века на примере Тобольской губернии. Анализируются основные причины низкой эффективности профессиональной деятельности чиновничества в условиях специфики региона.

Россия в середине XIX века, Тобольская губерния, бюрократия, регионализм, местная власть, чиновничество.

История российской бюрократии всегда представляла интерес для исторической науки, особенно в последние годы, в условиях системных преобразований в государственном аппарате управления, потребности в оптимизации управленческой деятельности на разных уровнях. Организация сибирской администрации и специфика ее деятельности являются тем более актуальными, что в Сибири в силу ряда региональных особенностей аппарат управления имел еще более важное значение, чем в Европейской России. Слабая заселенность, раннее преобладание русского населения над коренным, отсутствие поместного дворянства и государственная собственность на землю – все это придавало Сибири специфические черты, учитывая которые самодержавие было вынуждено корректировать свой курс на административную унификацию.

Окраинное положение сибирских губерний делало их удобным объектом для экспериментирования, выработавшего общую программу реформ в сфере региональной политики. Сибирская административно-территориальная модель и институциональная структура были более гибкими, чем таковые же в европейской части страны. Тобольская губерния имела свою управленческую специфику. Противоречивость ее положения заключалась в том, что, имея с европейскими губерниями историческую общность границ и территориальных объединений, в социально-экономическом отношении она более тяготела к сибирскому региону. Административная история отдельной губернии способна продемонстрировать разнообразие подходов правительства к местному управлению как в плане поисков ее оптимального включения в состав того или иного региона, так и в связи с экспериментированием в организации губернского управления и разрешением наиболее острых кадровых вопросов. Интерес к административной истории Тобольской губернии продиктован тем, что в отдельные исторические периоды ее территория становилась самостоятельным объектом реформирования, отражавшего разнообразие подходов правительства к местному управлению. Это преломление управленческой политики в специфических условиях отдельной губернии представляет репрезентативный опыт имперского регионализма.

Особый интерес представляет аппарат чиновников местной администрации, так как во многом качество ее работы и определяло возможности в развитии региона.

Вопросы сибирского чиновничества были затронуты в работах еще дореволюционных авторов: С.А. Корфа (1901), В.М. Гессена (1904, 1912), И.А. Блинова (1905), С.К. Гогеля (1906), Н.А. Зиновьева (1909–1912), Н.И. Лазаревского (1910), И.М. Страховского (1913), Э.Н. Берендтса (1913), Б.И. Топиро (1914).

Помимо указанной плеяды юристов и ученых-государствоведов, особое положение в дореволюционной историографии занимают труды областников – представителей либерально-буржуазного движения из числа разночинной интеллигенции сибирского региона. Наиболее видными идеологами движения были Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев, сумевшие оказать значительное воздействие на научную, общественно-политическую и культурную жизнь региона. Областники выражали свою точку зрения на страницах газет и журналов («Восточное обозрение», «Голос Сибири», «Сибирский листок», «Сибирские записки», «Сибирский архив», «Сибирские вопросы» и др.).

Советская историография в начале своего становления была теснейшим образом связана с именами историков «старой школы», через историков немарксистского направления 1920-х гг. зарождающаяся советская историческая наука сохранила преемственность с дореволюционной историографической традицией.

Из исследователей областного управления в России XVIII–XIX вв. непосредственным представителем «старой школы» является Ю.В. Готье, его труды охватывают самые разные проблемы региональной политики, как институциональные, так и управленческие.

Постановка в 1996–1997 гг. научным сообществом ряда принципиальных вопросов относительно функционирования в Российской империи местных администраций послужила тем импульсом, который инициировал усиленную разработку многих недостаточно изученных аспектов данной проблемы. Так, Н.П. Матханова в своей работе сосредоточила внимание на анализе высшей сибирской администрации в середине XIX века, а А.В. Ремнев сформулировал ре-

гионально-управленческий исследовательский подход и реализовал его применительно к Сибири и Дальнему Востоку.

Одну из основных проблем организации местного управления в Западной Сибири демонстрирует сопоставление численности чиновников с общим населением Тобольской губернии, которое к середине XIX века достигло 839 354 человек и увеличилось по сравнению с концом XVIII века в четыре раза. При этом численность всего чиновнического аппарата, по подсчетам В.Е. Зубова, увеличилась примерно в два раза, а именно, с 1782 г. до введения в Западной Сибири штатного расписания 1856 г. общая численность гражданских чиновников губернского ведомства возросла с 682 до 1163 человек [3, с. 14].

Отличалась Тобольская губерния и по количеству чиновников на единицу жителей. Если на тысячу человек населения в середине XIX в. в России приходилось 2 чиновника и при этом считалось, что страна «недоуправлялась», то в Тобольской губернии на тысячу жителей едва насчитывался 1 чиновник (0,97 чин.). Так по данным В.В. Рабцевич, по штату 1837 г. в Тобольской губернии вместе с канцелярией Главного управления Западной Сибири насчитывалось 817 чиновников. И те немногочисленные чиновники по воле губернаторского корпуса часто становились объектом регулярной ротации, хотя сама губернаторская власть к середине XIX века на короткий срок перестала быть объектом поползновенный как сверху, так и снизу, семилетнее губернаторство К.Ф. Энгельке протекало относительно спокойно благодаря наступившему в управлении редкому равновесию властей. Последнее было достигнуто кардинальной сменой губернской администрации, в составе которой к середине XIX в. оказались преимущественно чиновники, не имевшие местных корней. Исправлявший должность стряпчего казенных дел В.М. Жемчужников, прибывший в Тобольск в 1848 г., сообщил отцу о низком моральном облике здешнего чиновничества: «Для Сибири весьма многое можно сделать, в отношении же того, что в ней и для нее делается, она, быть может, изощреннее других стран в России – в подлости, своекорыстии и преобладании взяточничества... Все честные люди, которых я нашел, просят, чтобы их вытянули из Сибири, иначе они заглохнут сами или будут заглушены» [2, с. 181].

По темпам роста чиновничества и по количеству управленцев на душу населения Тобольская губерния значительно уступала общероссийским показателям и нуждалась в увеличении штатов. Чиновники были правы, когда жаловались на чрезмерную загруженность в связи с ростом населения губернии и увеличением делопроизводства (Там же, с. 165).

Нельзя не отметить и частую ротацию тобольских губернаторов в первой половине XIX в., обусловленную нестабильностью их положения. Редкому губернатору удавалось избежать конфликтов, вызванных специфическими условиями сибирской службы: присутствием генерал-губернаторской власти и низким моральным уровнем чиновничества. После судов над Д.Н. Бантыш-Каменским и В.А. Нагибиным желающих ехать из Европейской части России на губерна-

торство в Тобольск было так мало, что пост в течение трех лет оставался вакантным. Вероятно, поэтому губернаторы второй половины 1830-х и начала 1840-х гг. назначались преимущественно из военных, уже адаптировавшихся к службе в Сибири (И.Г. Ковалев, И.Д. Талызин, М.В. Ладыженский – бывший пограничный начальник сибирских киргизов).

Проблема сибирского чиновничества занимала умы и современников, напрямую сталкивавшихся с некомпетентностью местных администраторов. В частности, один из основоположников сибирского областничества, публицист и писатель Н.М. Ядринцев следующим образом отзывался о местной бюрократии: «Таким образом, мы видим, что в администрации выдвигались недюжинные силы, приходившие на помощь обществу. К сожалению, рядом бывали мелкие самолюбцы в губернаторских деятелях, ронявшие в Сибири всякий престиж власти. Попадались люди, которые не задавались никакими целями, являясь на окраину только для того, чтобы тщеславие и рядом с предубеждением к стране, обнаруживали строптивость характера, придирчивость и самое бестактное отношение к обществу. Приезжий губернский туз, не игравший никакой роли в администрации внутренней России, являлся на окраину как наместник: распекал по дороге людей не своего ведомства, производил скандалы на пароходах, унижал подчиненных, требуя, чтобы чиновники были его камердинерами и лакеями, оскорблял их публично, наконец, по отношению к местному населению, это тщеславие доходило до того, что от всякого встречного из баб и мальчишек требовалось на улице особого почтения и встречные подвергались ругани. Повсюду являлись столкновения и даже душевно-больные в госпиталях подвергались наказаниям и сажанию на цепь за то, что не имели разума понять, что перед ними самолюбивый помпадур. Такие управители весьма скоро обнаруживались в Сибири и вся административная способность и ревность их сводилась к расширению казенного ватерклозета. Зато кругом, рядом с низкопоклонством, процветало взяточничество и мошенничество» [11, с. 539–540].

По причине особой специфики края, считал Н.М. Ядринцев, «каждая власть, какая только не являлась в Сибирь, немедленно же в силу особых обстоятельств преобразалась, усваивала самовластие и предавалась наживе» [12, с. 306].

В вопросах сибирского чиновничества солидарен с Ядринцевым был и его ближайший друг и сподвижник Г.Н. Потанин: «Край управляется чиновниками, присылаемыми из Европейской России, и хотя для пополнения сибирской интеллигенции уроженцами Сибири открыты технологический институт и два факультета университета, но и в настоящее время верхние слои общества чуть не сплошь состоят из пришлых элементов; как низшие слои сибирского общества правительством пополняло подонками общества Европейской России, так и в верхние слои оно вливало элементы по большей части недоброкачественные. ...Дефектные экземпляры нередко встречались и между губернаторами» [8, с. 274].

Назначенный в 1854 году тобольским губернатором Виктор Антонович Арцимович во многих своих

документах, письмах и записках обращался к неизменно занимавшему его мысли сибирскому чиновничеству, его недостаткам и способам их исправления: «Текущество (по выражению подъячих) сильно препятствует всякому занятию, выходящему из круга обыкновенных бумажных докладов, которые притупляют ум и даже ослабляют нравственные силы. Много времени теряешь при разрешении глупейших сомнений, бессмысленных, но злонамеренных и стеснительных для частных лиц вопросов, часто после продолжительного доклада болит мозг от пустословия и разбора крючков, заброшенных опытными и полными лукавых замыслов сибирских гениальных подъячих, отдавая справедливость их превосходительству и уму, не могу не сожалеть, что вынужден управлять с помощью их, ими руководить и вести с ними близкое, а иногда даже притворно радушное знакомство» [6, с. 11].

Принимавший участие в ревизии Западной Сибири В.А. Арцимович пришел к выводу, что «при беспорядках и накоплении дел влияние высших чинов совершенно обессилено: они не могут требовать полной и правильной отчетности, деятельность их исчезает в массе бумаг, и на самом деле управление во многих отношениях незаметно переходит в руки делопроизводителей, которые, к сожалению, нередко находят расчеты и выгоды в проволочке и развитии дел, усиливающих их влияние и на начальников и на частных лиц» [9, с. 56].

После осмотра губернии новый губернатор счел, что она, несмотря на усилия предшественников, находится в запущенном состоянии. Виктор Антонович сразу же занялся наведением порядка в губернских органах управления, заменив ряд чиновников, некоторые из них были отданы под суд за казнокрадство и волокиту. Большое внимание он уделял упрочению авторитета губернатора. «Власть начальника губернии, – писал Арцимович, – здесь находится в параличе. Здесь привыкли не уважать губернскую власть и голос ее ничтожен» [10, с. 161].

Эти замечания вполне можно отнести на счет общих тенденций, развивавшихся в бюрократической среде российских канцелярий. Однако, заняв пост тобольского губернатора, В.А. Арцимович обнаружил в Западной Сибири и совершенно не типичную для Европейской России ситуацию: канцелярия Тобольского общего губернского управления и канцелярия Главного управления вели дела без ведома своих начальников. При этом влияние генерал-губернаторской канцелярии простиралось до такой степени, что «требования ее исполнялись с необыкновенной поспешностью, между тем как самые строгие предписания генерал-губернатора и министерские, по несравненно важнейшим делам, нередко оставались по несколько месяцев и даже лет без исполнения» [9, с. 29].

Арцимович не только подвергал критике местное чиновничество, но и продвигал пути решения скопившихся проблем. Аргументируя недостатки Законоположения «О сибирских учреждениях» 1822 г., он предложил свою собственную систему иерархии государственных учреждений, пригодную для данного края по причине огромности масштабов территорий, а именно – ввести и усилить окружное и волостное

управления. С помощью ступенчатого устройства властных органов, считал Арцимович, можно будет установить порядок в губернии [1, с. 88].

Молодой тобольский губернатор в первую очередь столкнулся с трудностями во взаимодействии с вверенным ему административным аппаратом – тобольским губернским управлением. Взятничество и казнокрадство местных чиновников славилось по всей Сибири. Бесчинства и беззакония не останавливались вышестоящими властями. Генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорд, был человеком далеким от реального положения дел в крае. Чиновники безнаказанно грабили народ и казенные средства и, чтобы скрыть царивший на всех уровнях управления беспорядок, усложняли и запутывали ход служебных дел. Генерал-губернатор оставался в полном неведении о бесчинствах, происходивших в его ведомстве. Данный факт подтверждается и текстом неопубликованного письма Г.Х. Гасфорда к В.А. Арцимовичу от 18 апреля 1856 г. из Омска. В ответ на сообщение Арцимовича об исчезновении средств, предназначенных на строительство тюремного замка, Гасфорд отвечал: «О беспорядках и утратах по Тобольскому Тюремному комитету до сего времени не имел никаких сведений и, признаюсь, удивляюсь, как и Вы, противозаконным действиям виновных в этом деле чиновников, в особенности губернского стряпчего... Ущерб, нанесенный суммам Тюремного комитета, как видно из письма Вашего, должен быть значителен и поэтому для меня непостижимо, каким образом злоупотребление это могло скрыться от предшественников Ваших» (Там же, с. 79).

Результатом того, что все нити управления оказались сосредоточенными в руках «канцелярских воротил», власть тобольского гражданского губернатора была сведена к нулю. Тобольские канцелярии вели свои дела напрямую с омскими канцеляриями Главного Управления. Начальники отделений омской канцелярии фактически распоряжались делами тобольской губернии. «...Я не преувеличу, если скажу, – писал Арцимович после приезда в Тобольск, – что власть начальника губернии находится здесь в параличе» [9, с. 28].

Несмотря на «безлюдье далекого края», Арцимовичу удалось найти верных помощников в разных сферах деятельности. Новый губернатор проявил незаурядные организаторские способности, которые сочетались и с необходимым для государственного человека свойством – пониманием личности и умением призвать к труду. Прежде всего, он привлек для работы в административном аппарате людей с высшим образованием, среди которых были и представители декабристского поколения. Известно, что Арцимович, среди прочих, и с разрешением столичного начальства, принял на службу С.М. Семенова и И.А. Анненкова. Здесь следует отметить тот факт, что декабристы были уже в преклонном возрасте, и, как свидетельствовали очевидцы, они могли оказать помощь «не столько своею службою... сколько участием в построении общественного мнения» [5, с. 102].

Наряду с Арцимовичем тобольский губернатор Тройницкий также возлагал ответственность за

местное административное неустройство на сибирских чиновников. В ответ на статью К. Власова, бывшего волостного писаря, в которой автор обвинял губернатора в неудачном подборе кадров – «окружал себя плохими людьми и поддавался их влиянию», Тройницкий справедливо отметил: «На это я могу сказать, что вообще в Сибири состав служащих был невысокого уровня, и не только из местных уроженцев, но в особенности из приезжих. В Сибирь большей частью ехали на службу неудачники по службе, или вынужденные уехать по семейным неладам, или спасаясь от долгов. К тому же содержание служащих по Министерству внутренних дел ничтожное и мало находилось охотников ехать на службу в Сибирь. Приходилось обходиться теми людьми, которые находились на местах, и я зорко следил за тем, чтобы они не допускали злоупотреблений; что же касается часто встречавшейся медленности в делах, то с этим приходилось мириться. На громадную губернию, равную по размерам трем Франциям, было два чиновника особых поручений, которые весь год были в разъездах, производя дознания, и возвращались в губернский город недели на две, чтобы сдать дознания и получить новые дела» [4, с. 537].

Таким образом, хотя имеется совсем немного сведений о конкретных преобразованиях в штате губернского управления, можно говорить об основных тенденциях в сфере усовершенствования местного бюрократического аппарата, чему в первую очередь поспособствовала деятельность Арцимовича. Тобольский гражданский губернатор стремился очистить свой аппарат от наиболее одиозных фигур, привлечь к работе молодых, образованных, честных людей, а также немногих политических ссыльных. Однако, несмотря на все усилия высшей губернской администрации, исправить ситуацию с низким профессиональным уровнем местной бюрократии не удалось. Судя по публикациям обличительного содержания в адрес чиновников, проблема продолжала оставаться актуальной и на протяжении последующего позднеимперского периода: «Что же сказать о Сибири? Здесь произвол, личное усмотрение вместо закона, самые чудовищные эксперименты над обывателем – характерные признаки деятельности представителей администрации сверху донизу. Крайнее невежество массы населения, исконная отсталость его в культурном отношении представляют настолько благоприятную почву для расхворавшихся администраторов, что многие из их действий даже и внимания на себя не обращают своей незаконностью, как будто это так и быть должно» [7, с. 46].

Литература

1. Александрова, Н. Н. Общественная жизнь Западной Сибири в середине 50-х – начале 60-х гг. XIX века : По материалам «Тобольских губернских ведомостей» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Н. Н. Александров. – Москва, 1996. – 237 с. – Текст : непосредственный.
2. Гриценко, Н. В. Организация управления Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Н. В. Гриценко. – Омск, 2005. – 275 с. – Текст : непосредственный.
3. Зубов, В. Е. Административный аппарат Западной Сибири конца XVIII – первой половине XIX в. : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / В. Е. Зубов. – Новосибирск, 1997. – 14 с. – Текст : непосредственный.
4. Исторический вестник / Из записок тобольского губернатора В.А. Тройницкого «Неурожай в Тобольской губернии 1891 года». – 1913. – Вып. 83 (август). – С. 536–552.
5. Лещов, А. Н. Извлечение из исторической записки А.Н. Лещова об общем управлении Сибирским краем / А. Н. Лещов // Арцимович В. А. Воспоминания. Характеристики. – Санкт-Петербург, 1904. – С. 101–102.
6. Матханова, Н. П. Тобольский губернатор В. А. Арцимович и его записки о поездке на север губернии / Н. П. Матханова. – Текст : непосредственный // Журнал гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, – 2013. – № 3. – С. 10–14.
7. Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы : периодический сборник / [под редакцией П. М. Головачева ; изд. В. П. Сукачев]. – Санкт-Петербург : Тип. Альтшулера, – 1912. – № 21. – С. 46–73. – Текст : электронный. – Режим доступа : свободный. – URL: <https://www.prlib.ru/item/444705> (дата обращения: 26.09.2022).
8. Потанин, Г. Н. Сибирь, ее современное состояние и ее нужды / Г. Н. Потанин – Санкт-Петербург : Изд. А. Ф. Девриена, 1908. – С. 294. – Текст : электронный. – Режим доступа : свободный. – URL: <https://www.prlib.ru/item/444932> (дата обращения: 26.09.2022).
9. Скропышев, Я. С. Тобольская губерния в пятидесятых годах / Я. С. Скропышев // В. А. Арцимович. Воспоминания. Характеристики. – Санкт-Петербург : типография М.М. Стасюлевича, 1904. – С. 13–102. – Текст : непосредственный.
10. Энциклопедический словарь А. Ф. Брокгауза и И. А. Ефрона. – Санкт-Петербург, 1905. – Т. 1 (доп.). – С. 161. – Текст : непосредственный.
11. Ядринцев, Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении / [сочинения] Н. М. Ядринцева. – Санкт-Петербург : Изд. И. М. Сибирякова, 1892. – [XVI], 720 с. – Текст : непосредственный.
12. Ядринцев, Н. М. Сибирь как колония : к юбилею трехсотлетия : современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее / [сочинения] Н. М. Ядринцева. – Санкт-Петербург : типография М. М. Стасюлевича, 1882. – С. 306 – Текст : электронный. – Режим доступа : свободный. – URL: <https://www.prlib.ru/item/365755> (дата обращения: 26.09.2022).

A.Yu. Nemchinov

SIBERIAN BUREAUCRACY IN THE MIDDLE OF THE 19th CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE BUREAUCRATIC APPARATUS IN TOBOLSK GOVERNORATE)

The article deals with the problems of functioning of the local administration bureaucratic apparatus in Russia in the middle of the 19th century on the example of Tobolsk Governorate. The author analyzes the main reasons for the low efficiency of the professional activity of the officials in the context of the region's identity.

Russia in the middle of the 19th century, Tobolsk Governorate, bureaucracy, regionalism, local authorities, officialdom.

А.С. Столетова

*Вологодский государственный университет,
Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина*

«НЕПРАВИЛЬНЫЕ» НАСТРОЕНИЯ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ЭПОХИ 1950-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ОТДЕЛА КУЛЬТУРЫ ЦК КПСС)

В настоящей статье с помощью анализа справки отдела культуры ЦК КПСС за 1956 г., сохраненной в фонде Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), обозначается проблематика творческой «оттепельной» свободы, последовавшей вслед за XX съездом партии. Затрагиваются особенности литературного процесса 1950-х гг., показаны имена основных деятелей, их авторская позиция, идеологическая составляющая, отношение власти к новациям в писательском искусстве. Отобрана реакция представителей руководящего звена в ответ на литературную критику образов партийного и советского работника. В статье делается вывод о том, что реальным фактом повседневности 1950-х гг. стало общественное размежевание, возникшее ввиду развития остросоциальных явлений, таких как бюрократизм и собственничество.

XX съезд, соцреализм, идеология, «оттепель», Союз писателей, общественное размежевание, бюрократизм, собственничество, индивидуализм.

Середина XX столетия ознаменована масштабными событиями политической, а вместе с тем культурной и литературной жизни Советского Союза. Смерть И.В. Сталина и приход к власти Н.С. Хрущева, создание Министерств культуры СССР и РСФСР (1953 г.), открытие и работа Второго Всесоюзного съезда советских писателей (1954 г.), XX съезда КПСС (1956 г.), Третьего съезда писателей СССР (1959 г.), а также образование в 1958 г. Союза писателей РСФСР, несомненно, влияли на развитие литературной жизни и инфраструктуры чтения в стране. В научной литературе это время принято называть «оттепелью», что связывается с усилением гуманистических тенденций в политической, общественной и литературной жизни. Тем не менее проблематика контроля за деятельностью литераторов, границы писательской свободы, взаимоотношения власти и литературного сообщества остаются актуальными вопросами для научного сообщества. В разное время было опубликовано множество трудов, отражающих взаимоотношения власти и писателей, политики в отношении интеллигенции, включающих анализ аспектов политико-идеологического контроля в стране [1; 3; 5; 6; 7; 9; 10]. Взаимоотношения и слияние литературы, власти и советских писателей, а также соцреализм как эстетическое явление изучал Е.А. Добренко [4]. Ю.В. Аксютин, описывая общественно-политическую жизнь периода 1953–1964 гг., останавливается на вопросе взаимодействия власти и культуры. Освещая идеологическую работу, автор проанализировал дело Б.Л. Пастернака, судьбы романа «Жизнь и судьба» В.С. Гроссмана и повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», а также встречи Н.С. Хрущева с художественной интеллигенцией [2, с. 368–402]. В настоящей статье также будут сделаны акценты на именах писателей, деятельность которых вызвала обсуждение в общественных и литературных кругах в середине XX столетия.

XX съезд КПСС выдвинул перед писателями и деятелями искусств задачу создания глубоких и полноценных произведений о современности, сближения с жизнью народа, преодоления отрыва части литераторов от жизни трудящихся, их борьбы за коммунизм. Однако в ЦК КПСС отмечалось, что эти задачи реализовывались слабо. В составленной отделом культуры Центрального Комитета справке за 1956 г. «О некоторых вопросах современной литературы и о фактах неправильных настроений среди писателей» (за подписью Д. Поликарпова, Б. Рюрикова, И. Черноуцан) отмечалось: «В тематике издательств, содержании журналов, в репертуаре театров современные темы не занимают должного места. Ряд произведений крупных писателей (к примеру, В. Катаева, Ф. Панферова, С. Щипачева, В. Кожевникова и др.) посвящены воспоминаниям детства, событиям давности. На сцене театров по-прежнему преобладают пьесы на семейно-бытовые темы при явном недостатке произведений на большие темы жизни общества. За последнее время усилилось продвижение на сцену второсортных произведений западной драматургии, преимущественно развлекательно-приключенческого плана. В недавно выпущенном сборнике московских поэтов “День поэзии” представлены в большом количестве стихи незначительного общественного содержания, а некоторые из них выражают настроения пессимизма и растерянности» [8, л. 97].

Решения XX съезда КПСС, как указывалось в выше упомянутой справке отдела культуры, раскрывали перспективу развития всех отраслей советской экономики и культуры, вооружали советских людей на новые успехи, имели особо важное значение для воспитания и идейного роста творческих кадров. Однако в Московской и некоторых других писательских организациях наметилась односторонность обсуждения решений съезда. При этом наиболее остро вос-

принимались материалы, в которых разоблачались позиции, связанные с культом личности, т.к. это означало необходимость глубокой, внутренней перестройки. Этот процесс не мог быть скоротечным и безболезненным. Причину сложившегося положения отдел культуры ЦК КПСС видел в том, что Союз писателей, призванный осуществлять идеологическое воспитание литераторов и помогать им в изучении, а также осмыслении явлений жизни, оказался не на высоте положения. В течение 9-ти месяцев, прошедших после XX съезда, в Союзе писателей не проводились пленумы, собрания с обсуждением итогов съезда и задач советской литературы. Поэтому многие беспартийные писатели и мастера слова были предоставлены самим себе и остались вне влияния партийного коллектива. В этих условиях, согласно справке отдела культуры, острые вопросы, волновавшие литераторов, стали предметом кулуарных обсуждений, в которые нередко тон задавали люди, считавшие себя несправедливо обиженными, готовые использовать для сведения личных счетов критику последствий культа личности. В документе указано: «У некоторых писателей имеется тенденция рассматривать культ личности как закономерное порождение социалистического строя. Раздавались голоса о происшедших якобы под влиянием культа личности коренных изменениях социальной природы советского общества, о коррупции партийного и государственного аппарата. Работа по преодолению последствий культа личности вызвала подъем здоровых творческих сил, направленных на укрепление нашего общества. Но оживились и активизировались враждебные советскому строю элементы, пытающиеся дискредитировать социализм и поколебать доверие масс к партии и советскому государству. Крикливые сенсационные выступления в зарубежной печати оказали вредное влияние на некоторых политически отсталых литераторов, которые кое-где вступают на путь безответственного критиканства в отношении наших порядков. Одним из наиболее острых в литературной среде является вопрос об отношении к роману В. Дудинцева «Не хлебом единым»» [8, л. 98].

«Не хлебом единым» – роман советского писателя В.Д. Дудинцева, опубликованный в 1956 г. в журнале «Новый мир». Произведение стало сенсацией в СССР, вызвало большой резонанс и дискуссии. Рассказ об инженере, которому противостоят бюрократы в стремлении реализовать его изобретение, стал литературным символом хрущевской оттепели. Автор касался острых вопросов о размежевании и разрыве между изолированным правящим слоем (чиновничеством, бюрократией) и народом (производственным классом). Среди руководителей Союза писателей о данном произведении высказывались резко противоположные суждения. Одни считали его значительным произведением, написанным в духе решений XX съезда КПСС, другие – явлением вредным, идейно-порочным. Отмечалось, что в романе с большой остротой разоблачались прототипы дельцов и карьеристов, озабоченных своим мещанским благополучием и подавляющих творческую инициативу новаторов (Дроздов, Авдиев, Шутиков). Но также указывалось, что главный недостаток романа состоял в том, что

этой сплоченной группе карьеристов противостоят в качестве положительных героев люди отчаявшиеся и разочаровавшиеся, душевно-надломленные, занимающие оборонительные позиции [8, л. 99]. В последствии В. Дудинцева обвинили в очернении советского общества, а его книгу назвали социальным злом.

В справке отдела культуры КПСС за 1956 г. сделан вывод о том, что «нездоровые элементы» использовали роман В. Дудинцева для клеветнических измышлений о том, что якобы социалистическая система не способствовала творчеству и новаторству, порождала косность и бюрократизм. «Эти элементы пытаются доказать, что выведенные в романе отрицательные герои будто бы воплощают в себе типичные черты руководящих кадров всего государственного и партийного аппарата. Тон такому клеветническому истолкованию задал на обсуждении в Союзе писателей К.Г. Паустовский, заявивший, что роман зовет на бой против чиновников, которые захватили управление всей жизнью и душат все честное, смелое и творческое», – отмечено в документе (Там же). В свою очередь в выступлении К. Паустовского определялось следующее: «У нас в стране безнаказанно существует и даже в некоторой мере процветает совершенно новая прослойка, новая каста обывателей. Это новое племя хищников и собственников, не имеющих ничего общего ни с революцией, ни с нашим строем, ни с социализмом. Это циники и мракобесы... Это души-тели талантов. Таких Дроздовых тысячи и не надо закрывать глаза» (Там же). Заключение по позиции К.Г. Паустовского в справке отдела культуры ЦК КПСС дано следующее: «Выступление Паустовского стало сигналом для озлобленных элементов, которые пытались в таком же духе комментировать книгу В.Д. Дудинцева на дискуссиях и читательских конференциях. Речь Паустовского была полностью перепечатана в стенгазете физического факультета МГУ, что способствовало разжиганию нездоровых настроений среди студенческой молодежи. Обращение автора выходит за рамки литературного спора, это выпад против советского и партийного аппарата, направленный на то, чтобы посеять в народе недоверие к государственным органам» (Там же, л. 99–100).

Впрочем, не одного В. Дудинцева и К.Г. Паустовского обвиняли в клезуничестве. В 1952–1956 гг. в журнале «Новый мир» был издан цикл полемических очерков В.В. Овечкина под общим названием «Районные будни». Литератор критиковал бутафорию и фальшь в работе партийных чиновников, бюрократизм в руководстве коллективными хозяйствами, следствием чего стал период забвения и глубокий творческий кризис. В свою очередь А.Я. Яшин в рассказе «Рычаги» (1956 г.) подверг критике сложившийся партийно-бюрократический уклад жизни. Эту линию продолжили рассказы «Вологодская свадьба» (1962 г.) и повесть «Сирота» (1962 г.). В ходе последовавшей идеологической кампании А. Яшин был наречен «очернителем советской действительности» [11, с. 29–30; 12, с. 98–112; 13]. В 1954 г. Ф. Абрамов опубликовал в журнале «Новый мир» статью «Люди колхозной деревни в послевоенной литературе», в которой выступил против лакировки положения дел на селе. Под угрозой увольнения из Ленинградского

государственного университета автор был вынужден признать ошибочность своей статьи. Однако позже в 1963 г. прозаик опубликовал «идейно порочную» повесть «Вокруг да около».

Последствия выше указанных литературных позиций в исследуемом документе раскрываются следующим образом: «Подобные настроения находят сочувственный отклик среди некоторой части писателей, неправильно воспринявших призыв партии к решительному искоренению последствий культа личности. Вместо борьбы с действительными недостатками в работе аппарата, с отрицательными привычками и навыками, сложившимися у известной части работников в атмосфере культа личности, такие люди пытаются огульно охаять советские кадры. Их выступления направляются при этом не против плохих и негодных руководителей, а против руководителей и руководства вообще. Если раньше наша литература грешила изображением “идеальных” партийных работников, которые появлялись в произведении только для того, чтобы всех поучать и все исправлять, то теперь наблюдается “шараханье” в другую крайность, стремление нарочито подчеркнуть, выпятить недостатки и слабости в характере партийного работника, изобразить его главным и чуть ли не единственным виновником недостатков» [8, л. 100]. Так, например, армянский писатель Н. Зарьян в статье, опубликованной в республиканской газете «Коммунист» в 1956 г., утверждал, что произведения, в которых нет отрицательных образов партийных работников, искажают действительность, «замазывают» ее противоречия. С этих позиций он критиковал «Повесть о директоре МТС и главном агрономе» Г.Е. Николаевой, т.к. она изображала руководителей области, района, МТС, как преданных и сильных людей, а это «неправильное представление о реальном положении вещей». Как заключал отдел культуры ЦК КПСС в 1956 г., «обличение и разоблачение партийных работников и руководителей приобретало характер сенсационности, “мещанского зубоскальства”. Типы председателей колхозов, начальников главков, министров и их заместителей, всяческих номенклатурных работников стали основным объектом обличения на страницах “Крокодила”, они кочуют из одной пьесы в другую, появляясь в произведении только с одной целью – продемонстрировать свою бездарность, беспринципность и эгоизм. Нельзя считать нормальным, когда, поддаваясь “моде” и подыгрывая обывательским настроениям, иные авторы не раскрывают реальных процессов, происходящих в жизни, а изображают дело так, что руководящий работник уже по должности и положению оказывается “шкурником”, “перерожденцем”, “карьеристом»» (Там же, л. 100–101). Примерами подобных героев, по мысли органов власти, являлись: парторг комбината Самсонов в романе В. Дудинцева, раскрываемый в качестве бездушного «чинуши» и подхалима, инструктор горкома Локтев в рассказе Д.А. Гранина «Собственное мнение» («Новый мир», 1956), изображенный как «злодей по должности» и мстительный чиновник. То же характерно для повести В.Ф. Тендрякова «Саша отправляется в путь» («Новый мир», 1956). Органы власти были обеспокоены тем, что среди общественности «пере-

сматривалось» отношение к пьесе Л.Г. Зорина «Гости», т.к. в ней проявилась идея о формировании класса буржуазии, представителями которого выводились руководящие работники. Разумеется, власть не могла допустить подобных фактов, поэтому обвиняла писателей в произвольности, необоснованности, отсутствии глубокого изучения действительности, игнорировании объективных трудностей, непонимании реальной сложности процессов. Статья В.В. Овечкина «Писатели и читатели», опубликованная в «Литературной газете» 2 октября 1956 г. в исследуемой справке ЦК КПСС характеризуется как неоправданно грубая и «крикливая» [8, л. 101]. В документе фиксируется, что «критика бюрократических “извращений” в деятельности партийного и советского аппарата должна вестись в литературе с позиций борьбы за его укрепление и усовершенствование, а не с позиций обывателей, которые ратуют за анархическое своеволие и стремятся скомпрометировать в глазах народа органы пролетарской диктатуры. Сосредоточив весь огонь на критике действительного и мнимого бюрократизма, литература недостаточно уделяет внимания разоблачению обывательских настроений, эгоизма, безыдейности, “мещанского зубоскальства»» (Там же, л. 102). Данное назидание подкрепляется хвалебными мотивами, соседствующими с оправданием действий руководящих структур: «Большевистская критика исходит из веры в созидательные силы нашего общества, она проникнута чувством ответственности за настоящее и будущее, во имя которого исправляются недостатки прошлого. Наша критика недостатков не имеет ничего общего с мещанской крикливостью и дешевой сенсационностью, которые могут вызвать только чувство растерянности и неверия. Литература должна воспитывать у советских людей бодрость и уверенность в преодолении всех трудностей и препятствий, а не растревать старые обиды, как стремятся это делать некоторые авторы» (Там же).

Не менее важно сказать о поднятой представителями власти проблеме пессимизма и безысходности, звучащей в ряде художественных произведений. Так, по мысли руководящих работников, в ряде литературных трудов наблюдалась тенденция к нарочитому, одностороннему изображению преимущественно трудностей и несчастий в жизни людей. Такие настроения были выявлены в стихах, опубликованных в сборниках “Литературная Москва”, “День поэзии”, в различных журналах (стихи О. Берггольц в № 8 “Нового мира”, М. Алигер в № 11 “Октября”, Б. Пастернака в № 9 “Знамени”). Для отдельных произведений литературы было выявлено стремление к мелкому обличительству. В то же время многие литераторы чурались изображения положительных явлений и характеров, рассматривая это как “лакировку” правды. Так, писатель С.П. Залыгин напечатал в «Новом мире» рассказ «Свидетели», в котором изобразил галерею трусов и приспособленцев. Тяготение к подобным «героям» было характерно и для рассказов С.П. Антонова в «Литературной Москве» и др. (Там же, л. 102–103).

Другой стороной процесса являлось желание писателей освободиться от мелочной опеки и регламентации, администрирования, директивного навязыва-

ния субъективных суждений, что нередко было распространено в деятельности органов искусства, издательств, печати. Ввиду данного факта редактор журнала «Молодая гвардия» А. Макаров и редактор журнала «Знамя» В. Кожевников сообщали в ЦК КПСС в 1956 г., что «почти невозможно побудить писателей написать очерк о достижениях или успехах». Партия же заключала: «Подлинно смелым сейчас считается критика и обличение отрицательных явлений, а смелые поиски нового в жизни, изображение успехов и достижений трактуется как возврат к бесконфликтности. Одностороннее увлечение обличительным направлением не может быть плодотворным для литературы. Борьба за высокую идейность литературы, против аполитичности, безыдейности, пессимизма, низкопоклонства; призыв глубже изучать жизнь советских людей, запросы народа; освещать коренные вопросы современности, воспитывать средствами искусства молодежь бодрой, жизнерадостной, преданной родине, не боящейся трудностей, – все это было и остается важнейшей задачей деятелей литературы и искусства. В создавшейся обстановке руководители Союза и видные писатели-коммунисты ведут себя неправильно, уходят от полемики по острым вопросам литературной жизни, ожидают сверху директивных указаний и мер, которые бы избавили их от необходимости убеждать заблуждающихся, отстаивать партийную точку зрения, давать отпор нездоровым настроениям. В этой обстановке активизировались такие литераторы, которые и раньше относились с недоверием ко всему, что делается в обществе. Б.Л. Пастернак сдал в журнал “Новый мир” и в Гослитиздат свой роман “Доктор Живаго”, переправив его одновременно в итальянское издательство. Это произведение проникнуто ненавистью к советскому строю. Хотя роман Пастернака не был принят к печати, он имеет хождение в рукописи среди литераторов, а сам автор пользуется в известных кругах и, в частности, среди молодежи славой непризнанного гения. В МГУ была выпущена стенгазета, которая была заполнена восхвалением трех “величайших” поэтов – Пастернака, Цветаевой, Ахматовой. Характерно, что никто из преподавателей-коммунистов не нашел в себе смелости открыто выступить против пристрастий студентов-филологов, раскритиковать и высмеять их дурные вкусы» [8, л. 103, 105–107]. В целях устранения недостатков в литературной работе отдел культуры ЦК КПСС предлагал проводить следующую работу: разъяснять секретарям Правления и редакторам печатных органов Союза писателей (СП) СССР, что они обязаны организовывать и возглавлять выступления на дискуссиях, собраниях, в печати в защиту политики партии в области литературы и искусства, мобилизовать творческие силы писателей на решение задач, поставленных XX съездом КПСС; обязать работников и руководителей Секретариата правления СП СССР обеспечивать слаженную работу; поручить редакции газеты «Правда» выступить с редакционной статьей, в которой необходимо разъяснить с свете решений XX съезда КПСС вопросы, выдвигаемые писателями и деятелями искусства об отношении партии к постановлениям ЦК о литературе и искусстве, принятым в 1946–1948 гг. (Там же, л. 108–109).

Резюмируя сказанное, отметим, что XX съезд КПСС стал отправной точкой для развития идейных основ критического реализма в творчестве и публицистике таких писателей, как В.Д. Дудинцев, К.Г. Паустовский, С.П. Залыгин, А.Я. Яшин, Ф.А. Абрамов, В.Ф. Тендряков, А.И. Солженицын и др. В свете пристальных наблюдений за бытийностью и повседневностью литераторы фиксировали нравственные сдвиги в уровнях общественного сознания, тяготение к материальному накопительству. В первую очередь трансформации коснулись следующих институциональных категорий: власть, земля, собственность, управление, принципы жизненного устройства. Изменение мировоззренческих форм и представлений вызвало к жизни появление остросоциальных произведений. Безусловно, эти метаморфозы вызвали неприятие власти, идеологический нажим и давление, т.к. могли повлечь структурную перестройку миропонимания крестьянского и производственного сегментов социума. Опираясь на архивные данные, литературную интерпретацию происходящего, демонстрацию реакции власти на злободневную публикаторскую активность интеллигенции, выскажем предварительное заключение о том, что уже в середине 1950-х гг. развивался и углублялся процесс вполне осязаемого разложения советского общества, действительного социального противостояния между тружениками и чиновниками. Уровень статусности закреплялся посредством распространения и усиления бюрократических, собственнических тенденций, индивидуализма и потребительства.

Литература

1. Адамович, И. В. Власть и художественная интеллигенция Карелии в 1950-е – первой половине 1960-х гг. : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / И. В. Адамович. – Петрозаводск, 2005. – 258 л.
2. Аксютин, Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. / Ю. В. Аксютин. – Москва : Росспэн, 2004. – 486 с.
3. Горяева, Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 / Т. М. Горяева. – Москва : РОССПЭН, 2002. – 400 с.
4. Добренко, Е. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры / Е. Добренко. – Санкт-Петербург : Академический проект, 1999. – 557 с.
5. Зубкова, Е. Ю. Общество и реформы, 1945–1964 гг. / Е. Ю. Зубкова. – Москва : Россия молодая, 1993. – 200 с.
6. Коржихина, Т. П. Извольте быть благонадежны! / Т. П. Коржихина. – Москва : Российский гуманитарный университет, 1997. – 371 с.
7. Культурная революция в СССР. 1917–1965 / под редакцией М. П. Ким. – Москва : Наука, 1967. – 471 с.
8. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 36. Д. 14.
9. Сизов, С. Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946–1964 гг. (На материалах Западной Сибири). В 2 частях. Часть 1. «Поздний сталинизм» (1946 – март 1953 гг.) / С. Г. Сизов. – Омск : СибАДИ, 2001. – 224 с.
10. Сизов, С. Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946–1964 гг. (На материалах Западной Сибири). В 2 частях. Часть 2. «Оттепель» (март 1953–1964 гг.) / С. Г. Сизов. – Омск : СибАДИ, 2001. – 228 с.
11. Столетова, А. С. «У писателей, читателей и руководства обкома КПСС Вологды к вам сейчас самое доброе отношение»: о творческой и идейной взаимосвязи А.Я. Яшина и С.В. Викулова / А. С. Столетова, К. В. Куш-

нерева // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2022. – № 1 (24). – С. 29–34.

12. Столетова, А. С. Александр Яшин: становление идеологии деревенской прозы и писательское поле Русского Севера: монография / А. С. Столетова ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Вологод-

ский государственный университет. – Вологда : ВоГУ, 2018. – 143 с.

13. Столетова, А. С. Идеологическая кампания против писателя А. Я. Яшина, инспирированная властью в первой половине 1960-х гг. / А. С. Столетова // Вестник Вологодского государственного университета. – 2019. – № 1 (12). – С. 47–50.

A.S. Stoletova

**«WRONG» MOODS OF SOVIET WRITERS IN THE 1950s
(ON THE MATERIALS FROM THE CULTURE DEPARTMENT OF THE
CENTRAL COMMITTEE OF THE CPSU)**

The author analyzes the report of the Culture Department of the Central Committee of the CPSU written in 1956 and kept in the fund of the Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). The problems of a thaw and artistic freedom that followed the XX Party Congress are revealed. The paper deals with the features of the literary process in the 1950s, the names of the most popular and prominent figures, their personal standpoint, the ideological component and the authorities' attitude to innovations in the art of writing. The author speculates on the reaction of the representatives of the governing bodies to the literary criticism of the images of the party and a Soviet worker. The article concludes that the polarization of society stemmed from acute social phenomena, such as bureaucracy and possessiveness. The polarization became everyday reality in the 1950s.

XX Congress, socialist realism, ideology, thaw, Writers' Union, polarization of society, bureaucracy, possessiveness, individualism.

С.В. Теленев

Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ КОМАНДОВАНИЕ РАННЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И *DOMUS AUGUSTA*

Статья посвящена проблеме провинциального командования в период принципата. В статье показана роль иерархизации империя, ставшей средством обеспечения политического режима принципата. Данная система основывалась на несовпадении уровней империя, которым наделялись различные категории наместников, а также члены императорской фамилии. Рассматриваются механизмы контроля наместников со стороны представителей принцепса и его порученцев, как правило родственников, находившихся под его патриархальной властью. Делается вывод о том, что принцепсы и подначальные им члены фамилии использовали сложившееся в это время несовпадение уровней империя для обеспечения за правящей династией всей полноты провинциального командования, которое может рассматриваться как в определенной мере иерархическое.

Принципат, принцепс, империя, провинция, наместник, командование.

Политический режим ранней Римской империи, традиционно определяемый как принципат, отмечен институционализацией особого положения принцепса и его семьи (*domus Augusta*) в системе государственной власти и военного командования. Последнее было главным ресурсом политического авторитета уже в период поздней Республики (Cic. *Ad fam.* XV. 2. 8; XV. 5; XV. 6; *Ad Att.* V. 20.1; *De off.* I. 116; 121; *Pro Murena* 19–34). Внучатый племянник Юлия Цезаря, император Август, смог по итогам гражданских войн оформить данное положение посредством новой системы управления как Римом, так и провинциями. Именно в них стояли легионы, командование которыми, соответственно, было теперь главным ресурсом власти и авторитета самого принцепса и его фамилии. Занятие традиционных постов, предполагавших империй, представителями семьи императора создавало иллюзию сохранения республиканского устройства. Однако сам принцепс, его сыновья, внуки, племянники и т.д. имели фактическое преимущество в получении магистратур, что стало выражением той системы, которую Я.Ю. Межеричкий определяет как «республиканская монархия» [1, с. 120].

Изучение провинциального командования в связи с вопросом о кризисе Римской республики и генезисе принципата в последнее десятилетие развивается довольно успешно. Однако начало процессу было положено монографией Альберто Джованнини, вышедшей еще в 1983 г. [2]. Существенно позже, в 2014 г., Фредерик Верват развил некоторые идеи Джованнини, в частности идею о возникновении иерархии империя в связи с задачей обеспечения провинциального командования [3]. В полемику с Верватом вступил Фрэнсис Дрогула, который убедительно показал, что вплоть до эпохи Августа империй у всех категорий магистратов был одинаковым и предполагал одинаковые полномочия в рамках отведенной провинции [4]*. Такой ас-

пект проблемы, как характер взаимодействия между императорской властью и наместниками проконсульского ранга, всесторонне раскрыл Фредерик Урле [5]. Более широко проблемой наместнических полномочий в условиях империи занимается Павел Савинский [6; 7]. Среди отечественных историков ощутимый вклад в разработку данной темы внес безвременно ушедший от нас Александр Леонидович Смышляев. Среди его работ на тему провинциального наместничества, пожалуй, наиболее важной является статья о властных полномочиях римского наместника по отношению к городским общинам [8]. В целом можно констатировать, что тема исследована еще далеко не полностью и вопрос о характере и месте провинциального командования в системе принципата окончательно не решен.

Принципат Августа внес важные изменения в систему управления провинциями. Наиболее существенным признаком этого процесса было разделение в 27 г. до н.э. римских провинций на императорские (*provinciae Caesaris*) и сенатские (*provinciae publicae* или *populi Romani*) [3, р. 254; 9, S. 39]. В последние наместники продолжали назначаться сенатом в соответствии с прежними республиканскими установлениями. Императорские провинции считались переданными под непосредственное управление Августа, но фактически управлялись его назначенцами, действовавшими более или менее автономно. В результате разделения образовались две категории наместников, избираемых по совершенно разным процедурам и на разный срок.

Наместниками в провинциях, считавшихся переданными сенатом и римским народом Августу, были его легаты (Dio LIII. 13 5; *ILS* 918; 938; 942; AE 1930. 70). Они назначались принцепсом из числа сенаторов, имевших опыт пребывания на годичной (как правило) высшей выборной должности, то есть прошедших в ходе своего *cursus honorum* претуру или консулат. Интересно, что независимо от того, какую из этих двух должностей такие императорские наместники

* См. также нашу рецензию: Вестник древней истории. – 2019. – Т. 79 (№ 4). – С. 1046–1051.

занимали в прошлом, они назывались одинаково – *legatus Augusti pro praetor*, т.е. «представитель императора в ранге пропретора». При своем назначении каждый из них получал от принцепса определенные директивы на предмет функций, которые легат должен был выполнять от имени императора. Визуально атрибуты их власти включали военное облачение, меч и эскорт из пяти ликторов. Срок их полномочий строго зависел от воли императора, но чаще всего все-таки превышал один год (Dio LIII. 13. 5–8) (см.: [9, S. 42–43; 10, p. 157–158]).

Несмотря на то, что де-юре все легаты Августы имели одинаковый статус, только бывшие консулы назначались наместниками в провинции, где были размещены значительные военные силы. В эту категорию входили в первую очередь такие провинции, как Верхняя Германия, Нижняя Германия и Сирия. В каждой из этих императорских провинций было по четыре легиона. Следом шли по своей значимости провинции Тарраконская Испания и Паннония, в каждой из которых было по три легиона. Между тем бывшим преторам были доверены провинции, в которых не было легионов, где можно было размещать только небольшие отряды, предназначенные для поддержания внутреннего порядка. В эту группу входили среди прочих Лузитания, Аквитания и Галатия [11, S. 38].

Определение точного характера империя (полномочий, необходимых у римлян для осуществления военного командования) этих легатов сталкивается с некоторыми проблемами, поскольку в источниках нет однозначной информации по данному вопросу. Их официальное именование подразумевает, что независимо от того, имелся ли у того или иного наместника опыт претуры или консулата, в качестве имперских легатов он обладал лишь *imperium pro praetore*. Таким образом, де-юре такие легаты имели одинаковый ранг, а их империй был меньшим по отношению к проконсульскому империю Августа [12, p. 145]. То есть нет никаких сомнений в том, что ни один из легатов Августов не обладал независимым империем, который давал бы ему право аккламации императором, разумеется, в старореспубликанском смысле этого титула. По этой же причине он не мог получить триумф или овацию (малый триумф) в случае военной победы, одержанной под его командой. Триумфальные знаки отличия (*orma triumphalia*), назначавшиеся сенатом на основании инициативы принцепса, были вершиной того, чего могли достичь наместники императорских провинций [3, p. 254; 13, S. 161; 14, p. 56].

Существовал также особый разряд наместников императорских провинций – прокураторы, назначавшиеся принцепсом из числа всадников. Прокураторы отбирались непосредственно императором, им поручались области, в которых находились лишь небольшие военные силы, обычно вспомогательные. Примерами являются Реция, Норик, Иудея. Тем не менее положение Египта, важнейшей императорской провинции, полностью изъятой из-под контроля сената, в этом смысле было особым. Там размещались два легиона, а провинцией управлял наместник, именовавшийся префектом (*praefectus*) (Dio LIII. 13. 2; Tac. *Hist.* I. 11). Но даже последний действовал лишь как

личный представитель императора [15, S. 134, 413–415].

Что касается сенатских провинций (*provinciae publicae*), то после 27 г. до н.э. сенат официально сохранил за собой полномочия по назначению наместников в Азию, Африку, Бетику, Нарбонскую Галлию (с 20 г. до н.э.), Сицилию, Сардинию и Корсику (последняя стала чуть позже императорской провинцией), Иллирик (также стал императорским после 11 г. до н.э.: Dio LIV. 34. 5), Македонию, Ахайю, Крит и Киренаику, Вифинию и Понт [15, S. 38; 16, p. 19–22]. Как и в случае императорских легатов, наместниками этих сенатских провинций становились бывшие преторы и бывшие консулы, но независимо от того, какую из этих двух должностей они занимали, все они теперь обладали проконсульским рангом (Strabo XVII. 3. 25; Dio LIII. 12. 2–9; 13. 3–4; *ILS* 915; 916; 918; 950). В отличие от легатов принцепса, они избирались в сенате по жребию, и срок их полномочий не должен был превышать один год. При этом они не должны были носить знаки военной власти. В отличие от императорских наместников, количество ликторов в их эскорте зависело от того, был это пропретор или проконсул. Бывшим консулам было назначено двенадцать ликторов, а бывшим преторам – шесть (Dio LIII. 13. 2–4) (см. также: [9, S. 40–41; 10, p. 157]). Формально они подчинялись сенату, который давал им указания, но в некоторых случаях они получали указания и от императора (Dio LIII. 15. 4) [3, p. 255; 10, p. 164–165]. Говоря о мотивах, которыми руководствовался Август, когда вводил данное положение, М.И. Ростовцев пишет: «О том, чтобы снова отдать войско сенату, не могло быть и речи. Такая попытка привела бы только к новой гражданской войне... У Августа не было иного выхода, как только оставить командование за собой, не допуская никого другого к разделению этого права» [17, с. 54].

Основываясь на титулатуре и свидетельствах Тацита, мы можем предположить, что наместники сенатских провинций обладали проконсульским империем независимо от того, какую должность они занимали ранее (Tac. *Ann.* I. 76 – проконсул Македонии и Ахайи; Tac. *Ann.* III. 58 – проконсул Азии; Tac. *Ann.* XII. 59; XIII. 52 – проконсул Африки). Таким образом, формально положение всех этих проконсулов было одинаковым. Однако только бывшие консулы удостоивались быть наместниками в важных провинциях, таких как Африка или Азия, тогда как другими сенатскими провинциями управляли бывшие преторы. Империй сенатских проконсулов мог осуществляться только в пределах закрепленной за ними провинции [14, p. 68, примеч. 81]. Подавляющее большинство проконсулов управляло мирными провинциями, в которых не было войск, так что их империй использовался по большей части для отправления прежде всего судебной и административной власти. Единственным исключением мог быть проконсул Африки, у которого, кроме судебных административных обязанностей, были и военные, так как в Африке стоял один легион (III-й Августов), а на границах этой провинции периодически велись довольно кровопролитные войны (Tac. *Ann.* II. 52; III. 21; 74; *ILS* 939).

С 19 г. до н.э. проконсулы больше не обладали независимым империем и поэтому не могли претен-

довать на триумф. Если же кто-то из них добивался успехов в качестве военачальника, то ему теперь могли быть назначены лишь триумфальные украшения. Подобная честь в основном доставалась проконсулам Африки, поскольку из сенатских наместников только они иногда руководили крупными военными кампаниями и только им была доступна полководческая слава. В частности, *Ornamenta triumphalia* за кампании в Африке были награждены Луций Пассиен Руф, Косс Корнелий Лентул и Юний Блез (Vell. Pat. II. 116. 2; 125. 5; Tac. Ann. III. 72). Уже в 39 г. н.э. III-й Августов легион был выведен из Африки, так как Калигула не доверял вновь назначенному наместнику, представителю знаменитого республиканского рода Кальпурнию Пизону (Dio LIX. 20. 7).

Однако система принципата не была бы «республиканской монархией», если бы над республиканскими институтами не стояла постепенно институционализировавшаяся в качестве носителя государственной власти фамилия императора. Все члены правящего клана, действующие в императорских провинциях, имели *imperium pro consulare*, что ставило их выше императорских наместников, которые, как легаты Августа, имели лишь пропреторский империй. Наши источники ясно отражают эту иерархию и показывают, что всякий раз, когда член *domus Augusta* действовал в императорской провинции, наместник обязан был подчиняться его приказам. Так, Веллей Патеркул сообщает, что во время кампании Тиберия в Германии в 4–6 гг. тот отдавал приказы Сентию Сатурнину, являвшемуся *legatus Augusti pro praetore* данной провинции (Vell. Pat. II. 105. 1; 109. 5; 110. 2). Историк также сообщает, что Август переместил двух своих легатов, Авла Цецину и Плавтия Сильвана, из восточных провинций в Паннонию, где они должны были поступить в подчинение пасынка императора, т.е. Тиберия, руководившего здесь в 6–9 гг. н.э. действиями против восставших племен (Vell. Pat. II. 112. 4; 113. 1–2). Известно также, что во время рейнских походов Германика, племянника Тиберия, ставшего к тому времени императором, под его началом служили легаты Августиев Верхней и Нижней Германии, Гай Силий и Авл Цецина (Tac. Ann. I. 31).

Однако известны также случаи, когда императорский легат демонстрировал нежелание подчиняться члену *domus Augusta*. Наиболее ярким случаем является поведение Гнея Кальпурния Пизона во время миссии Германика на Восток. Между 17 и 19 гг. н.э. Пизон был *legatus Augusti pro praetore* в Сирии [18, р. 32–44]. Из источников мы знаем, что во время своего наместничества он игнорировал приказы Германика о развертывании легионов, стоявших в Сирии, и отменил указы Германика относительно некоторых городов провинции. Он также якобы пытался спровоцировать войну в Армении и Парфии, а также подстрекал свергнутого парфянского царя Вонона к попытке занять трон Армении, что, возможно, способствовало серьезным волнениям в регионе (Tac. Ann. II. 57; 69) (см. также: [19, р. 124]). Поскольку Пизон был легатом Августа и был назначен к Германику в качестве *adiutor*, т.е. подначального должностного лица, эти действия были явным неповиновением члену императорской фамилии. А так как Германик действовал

на Востоке как прямой представитель принцепса, обладавшего чрезвычайным империем, действия Пизона были квалифицированы как оскорбление достоинства *domus Augusta* и пренебрежение публичным правом (Tac. Ann. III. 12). Против Пизона были выдвинуты обвинения (Tac. Ann. III. 15) (см.: [19–24]). Поведение Пизона, проявившего избыточную для легата самостоятельность в его противостоянии с Германиком, вполне согласуется с высказываемой А.Л. Смышляевым мыслью о сохранении наместниками периода ранней Римской империи самосознания аристократии времен Республики [8, с. 68, 71].

Иначе обстояло дело, когда члены императорской фамилии вступали в сенатские провинции, правители которых имели проконсульский империй. В этом случае империй представителя *domus Augusta* должен был восприниматься как более полный по сравнению с властью проконсулов, что должно было предотвратить потенциальный конфликт властей. В этом отношении показательны случаи Агриппы и Германика, поскольку они оба имели такие прерогативы во время своих миссий на Восток, где в некоторых провинциях были наместники проконсульского ранга [7, р. 38].

Наиболее важные различия, которые обнаруживаются при сравнении статуса членов *domus Augusta* с положением наместников провинций, касаются территориального аспекта их полномочий, способа предоставления империя и критериев, на основании которых он был предоставлен. В то время как империй наместника распространялся только на его конкретную провинцию, империй членов *domus Augusta* (Агриппы, например, его сына Гая Цезаря, Германика или Друза Младшего) распространялся на гораздо большую территорию. Обстоятельность, при которых получали империй наместники провинций и члены императорской фамилии, фактически стоявшие над первыми, также различались. Для наместников, не являвшихся членами императорской фамилии, империй проистекал из назначения на должность проконсула или императорского легата в соответствующую провинцию, для членов же *domus Augusta* это следовало из специального декрета сената, инициировавшегося принцепсом, очевидно, по его собственному усмотрению (Tac. Ann. I. 14; II. 43). Разумеется, рекомендации доверенных лиц императора здесь играли важную роль. От такого рода покровительства в карьерных делах, пожалуй, зависело больше, чем от деловых качеств соискателя [25, с. 330]. При этом некоторым членам императорской семьи не нужно было подниматься по всем ступеням *cursus honorum*, чтобы получить проконсульский империй. Карьера Гая Цезаря и Германика представляет собой наиболее впечатляющие примеры, поскольку им обоим были предоставлены проконсульские полномочия, хотя до того они не прошли ни консулата, ни претуры (Dio LI. 6. 4; LV. 9. 9; 10. 6; 17; 20; Tac. Ann. I. 3; Vell. Pat. II. 101. 1. – о Гае Цезаре; Dio LV. 31. 1; Tac. Ann. I. 14 – о Германике).

Таким образом, независимо от того, был ли империй одноуровневым (одинаковым для всех высших магистратов) до Августа, как полагает Ф. Дрогула, или уже в период Республики имела место градация данных полномочий, как считает Ф. Вербат (см. вы-

ше), в период принципата разноразноуровневость империя представляется уже очевидной. Сложившееся еще в период Республики понимание консулата как более значимой магистратуры, чем претора, вероятно, было юридической предпосылкой для появления сначала различия в статусах консульского империя и преторского, а затем и проконсульского империя членом императорской семьи и остальных носителей данных полномочий. Разумеется, здесь не всегда возможно отделить фактическое несоответствие статусов от формального. Тем не менее принцепсы и подначальные им члены фамилии использовали сложившееся в это время несоответствие уровней империя для обеспечения за правящей династией всей полноты провинциального командования, которое может рассматриваться как в определенной мере иерархическое. Последнее обстоятельство означает отход от традиций республиканского времени, когда каждый наместник в своей провинции был вполне самостоятелен и равен прочим наместникам.

Литература

1. Межеричкий, Я. Ю. «Восстановленная республика» императора Августа / Я. Ю. Межеричкий. – Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 992 с.
2. Giovannini, A. *Consulare imperium* / A. Giovannini. – Basel : Friedrich Reinhardt Verlag, 1983. – ix, 155 p.
3. Vervaeke, F. J. The High Command in the Roman Republic: The Principle of the “*summum imperium auspiciumque*” from 509 to 19 BCE / F. J. Vervaeke. – Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2014. – 369 p.
4. Drogula, F. K. *Commanders and Command in the Roman Republic and Early Empire* / F. K. Drogula. – Chapel Hill : University of North Carolina Press, 2015. – x, 422 p.
5. Hurllet, F. Le proconsul et le prince d'Auguste à Dioclétien / F. Hurllet. – Bordeaux : Ausonius, 2006. – 351 p.
6. Sawiński, P. Sukcesja władzy cesarskiej w okresie rządów dynastii julijsko-klaudyjskiej (30 p.n.e. – 68 n.e.) / P. Sawiński. – Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 2016. 257 s.
7. Sawiński, P. Holders of Extraordinary Imperium under Augustus and Tiberius. A Study into the Beginnings of the Principate / P. Sawiński. – Abingdon : Routledge, 2021. – xiv, 152 p.
8. Смышляев, А. Л. Римский наместник в провинциальном городе: стиль управления в эпоху принципата / А. Л. Смышляев // *Jus antiquum. Древнее право*. – 2006. – № 1 (17). – С. 65–72.
9. Wesch-Klein, G. Die Provinzen des Imperium Romanum: Geschichte, Herrschaft, Verwaltung / G. Wesch-Klein. – Darmstadt : WBG Academic, 2016. – 162 S.
10. Millar, F. The Emperor, the Senate and the Provinces / F. Millar // *Journal of Roman Studies*. – 1966. – Vol. 56. – P. 156–166.
11. *Römische Inschriften* / Hrsg. L. von Schumacher – Stuttgart : Stuttgart Reclam, 1988. – 330 S.
12. Rich, J. W. Cassius Dio: The Augustan Settlement (Roman History 53–55.9) / J. W. Rich. – Warminster : Aris & Phillips, 1990. – xii, 260 p.
13. Eck, W. Das senatus consultum de Cn. Pisone patre / W. Eck, Caballos A.; Fernández F. – München : C. H. Beck'sche Verlag, 1996. – xiv, 329 S.
14. Rich, J. W. Making the Emergency Permanent: Auctoritas, Potestas and the Evolution of the Principate of Augustus / J. W. Rich // *Des réformes augustéennes / édité par Y. Rivière*. – Roma : École française de Rome, 2012. – P. 37–121.
15. Marquardt, J. *Römische Staatsverwaltung* / J. Marquardt. – Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1873. – iv, 523 S.
16. Sartre, M. L'Orient romain: Provinces et sociétés provinciales en Méditerranée orientale d'Auguste aux Sévères, 31 avant J.-C.–235 après J.-C. / M. Sartre. – Paris : Seuil, 1991. – 638 p.
17. Ростовцев, М. И. Общество и хозяйство в Римской империи / М. И. Ростовцев : в 2 томах / перевод с немецкого И. П. Стребловой. – Санкт-Петербург : Наука, 2000. – Т.1. – 400 с.
18. Dąbrowa, E. The Governors of Roman Syria from Augustus to Septimius Severus / E. Dąbrowa. – Bonn : R. Habelt Verlag, 1998. – 276 p.
19. Drogula, F. Who Was Watching Whom? A Reassessment of the Conflict Between Germanicus and Piso / F. Drogula // *American Journal of Philology*. – 2015. – Vol. 136. – № 1. – P. 121–153.
20. Eck, W. Das senatus consultum de Cn. Pisone patre / W. Eck., A. Caballos, F. Fernández. – München : C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1996. – xiv, 329 S.
21. Eck, W. Die Täuschung der Öffentlichkeit: Der Prozess gegen Cnaeus Calpurnius Piso im Jahre 20 n. Chr. / W. Eck. // *Grosse Prozesse der römischen Antike* / Hrsg. U. von Manthe und J. von Ungern-Sternberg. – München : C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1997. – S. 128–145.
22. Bodel, J. Punishing Piso / J. Bodel // *American Journal of Philology*. – 1999. – Vol. 120, № 1. – P. 43–63.
23. Damon, C. The Trial of Cn. Piso in Tacitus Annals and the Senatus Consultum de Cn. Pisone Patre: New Light on Narrative Technique / C. Damon // *American Journal of Philology*. – 1999. – Vol. 120, № 1. – P. 143–162.
24. Lebek, W.D. Das senatus consultum de Cn. Pisone patre und Tacitus / W.D. Lebek // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. – 1999. – Bd. 128. – S. 183–211.
25. Парфенов, В. Н. Домициан и его «генералиет» / В. Н. Парфенов // *История: мир прошлого в современном освещении : сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э. Д. Фролова / под редакцией А. Ю. Дворниченко*. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008. – С. 327–336.

S.V. Telepen

PROVINCIAL COMMAND IN THE EARLY ROMAN EMPIRE AND *DOMUS AUGUSTA*

The article is devoted to the problem of provincial command in the period of the Principate. The article shows the role of the hierarchization of the imperium, which became a means of ensuring the political regime of the Principate. This system was based on the discrepancy between the levels of the imperium, which was given to various categories of governors, as well as members of the imperial family. The author considers the mechanisms of control of the governors by the representatives of the princeps and his representatives, who were the relatives under his patriarchal authority as a rule. It is concluded that the princeps and their subordinate members of the family used the discrepancy between the levels of the empire that developed at that time to ensure that the ruling dynasty had the fullness of the provincial command, which can be considered as hierarchical to a certain extent.

Principate, princeps, empire, province, governor, command.

УДК 821.161.1

Н.А. Гриднева

Самарский государственный технический университет

К ПРОБЛЕМЕ ЛИРИЗМА В РОМАНЕ М. ШИШКИНА «ПИСЬМОВНИК»

Статья посвящена изучению различных проявлений лирического начала в романе М. Шишкина «Письмовник». Лиризм рассматривается как глубинный принцип организации художественного материала, реализующийся в самой манере повествования, развитии сюжета и символике романа.

Михаил Шишкин, современный русский роман, лиризм, лиризация, лирический дискурс.

Неомодернистская эстетика обоснованно является одним из наиболее широко обсуждаемых аспектов творчества Михаила Шишкина. В частности, исследователи пишут о его «идеологической принадлежности к модернизму» и ностальгии по «метарассказам» [1, с. 120], о поиске «положительного смысла» и попытке «восстановления аксиологической вертикали в условиях повсеместного распада привычных хронологических характеристик бытия» [16, с. 239], о стремлении к универсализации [7, с. 49], о реализации модернистского мифа о писателе, ищущем спасения в языке [6], и т.д.

Среди прочих аспектов творчества М. Шишкина, отсылающих нас к стилистике и проблематике модернизма, стоит, вероятно, выделить и явственно звучащие в последнем романе писателя лирические интонации. Напомним, что расцвет лирической прозы приходится именно на эпоху модернизма, что связано, в частности, с неприятием модернистами сугубо рационалистической, научно-эмпирической модели мира их предшественников-реалистов. Если для реализма с его мировидением ключевым становится фиктивно-нарративный принцип, подразумевающий миметическое изображение явлений, психологическое правдоподобие, событийность сюжета, адекватность человека и его способность изменять мир, то модернизм обращается к мифу и, соответственно, к лирике, сохранившей с мифом самую живую, непосредственную связь [23].

Надо сказать, что проблема лиризма у М. Шишкина, и в частности в его романе «Письмовник», не привлекла пристального внимания исследователей. Как правило, она затрагивается лишь вскользь. Так, например, М. Липовецкий, называя М. Шишкина «мастером монументальных центонов», говорит о разработке им «относительно новой формы романа, объединенного сплетением нескольких разномасштабных нарративных пластов» – в том числе лирических [10, с. 35–36]; А. Скотницка отмечает типичное именно для лирики отсутствие дистанции между читателем и героем в «Письмовнике» [15, с. 82];

М. Абашева и С. Лашова описывают роман как «по структуре своей почти лирический текст» [2, с. 234]; И. Шульцки [24] и Т. Прохорова [13] при анализе творчества писателя обращаются к концепции транс-сентиментализма М. Эпштейна (напомним, под транс-сентиментальностью и прочими возродившимися под знаком транс «банальностями» (в частности, транслиризмом) М. Эпштейн понимает «проекцию лирической потребности», которая в отказавшемся от наивных и субъективистских стратегий постмодернизме «перешагнула через свое отрицание» [25, с. 300]). Отдельно следует упомянуть лишь интересную статью К. Воротынцевой «Лирический дискурс в романе М.П. Шишкина “Письмовник”», где в центре внимания оказывается комплекс развиваемых в романе типичных для лирики мотивов – мотивы редукции, обновления, тождества, расставания, ожидания, постоянства любви, неразрывной связи и др. [3].

В рамках данной статьи мы хотели бы рассмотреть проблему лиризма в романе М. Шишкина «Письмовник» не на мотивном, но, скорее, на структурном уровне – как принцип организации художественного материала.

Итак, лиризация подразумевает, прежде всего, представление бытия преломленным сквозь призму субъективного восприятия героя. «Чувство и рефлексия, – пишет Г.В.Ф. Гегель о лирике, – вовлекают внутрь себя наличный мир, переживают его в своей внутренней стихии и уже только после того, как этот мир стал чем-то внутренним, выражают его, находя для него слова» [4, с. 514]. Исходным пунктом лирического изображения человека и мира оказывается сознание героя, которое обретает непререкаемую уверенность, необъектность, самостоятельность и фактически становится на позиции автора, как бы самой объективной реальности, не требующей доказательств. Личность героя оказывается вписанной в саму структуру повествования, все служит здесь ее знаком, обнаруживает ее во всей ее субъективности и индивидуальности. Предметный ряд расчленяется и деформируется, превращаясь в строительный матери-

ал для создания образа внутреннего мира героя, т.е. аутентичное изображение внутреннего мира достигается через изображение преломленного в нем мира внешнего.

В «Письмовнике» это проявляется, в частности, в самой манере повествования, воспроизводящей логику импульсивного восприятия и переживания, когда хронологическая последовательность, упорядоченность, причинно-следственная связь часто нарушаются и факты излагаются «не по важности происшедшего, а по тому, что первым в голову приходит» [22, с. 162]. Частотными оказываются резкие переходы от одного к другому, короткие, рубленые предложения, фиксирующие отдельные выхватываемые из окружающей действительности детали, мимолетные ощущения, впечатления, воспоминания, «озарения» и т.п.:

«В ноге – муравейник. Затекла.

С утра прошли два дождя и студент.

Стекланность, оловянная, деревянная» [22, с. 174].

Ощутимо ослабленные смысловые связи между отдельными фразами, нарочитые фрагментарность, прерывистость, непоследовательность рассказа обнаруживают интересное созвучие с излюбленным методом работы самого писателя. В одном из интервью М. Шишкин признается: «Я пишу следующим образом – собираю фразы, слова. Они могут прийти откуда угодно. ...Потом, когда появляется текст, я бесконечное количество раз просматриваю все мои файлы, все мои сокровища. И оттуда начинаю набирать все эти фразы. И они начинают сцепляться друг с другом. Это могут быть фразы совершенно из разных миров. Они сцепляются, какая-то новая энергия появляется» [21]. Как замечает С. Оробий, эта шишкинская тактика «собираения слов» ближе не прозе, а поэзии, где «разное с языковой (лексической, грамматической и т.п.) точки зрения оказывается одинаковым в метрико-ритмическом отношении», т.е. переход от одной единицы к другой нейтрализуется их относительно равноправным включением в единую метрико-ритмическую схему [12, с. 148–149]. А. Леденев, называя писателя продолжателем «общей для XX века тенденции поэтизации прозы», также обращает внимание на то, что известная читательская привычка воспринимать текст в связной последовательности причин и следствий в случае с М. Шишкиным оказывается по большей части бесполезной, поскольку «на поверхности нарратива взаимодействуют не “характеры”, а слова, краски и звуки, из которых постепенно вырастают “образы сознания” и проступают “рельефы души”» [9, с. 132].

Свойственная речи героев «Письмовника» разорванность, бессвязность есть проявление принципиальной анаративности лирического дискурса, на более глубоком уровне отражающейся в атемпоральной структуре романа. Это свойство унаследовано лирикой от породившего ее магического дискурса. «Вербальная магия, – пишет Г. Фридрих, – не запрещает ради эффекта околдования разбить, распылить мир на фрагменты. Темнота, инкогерентность становятся предпосылками лирической суггестии» [19]. Магический дискурс, будучи прародителем лирики, определяет также ее перформативную природу, которая ба-

зируется на древних представлениях об онтологических возможностях слова – творящего и претворяющего. Таким образом, приближенная к лирической структура текста оказывается максимально продуктивной для реализации ключевой модернистской стратегии М. Шишкина, которую многие исследователи определяют именно как утверждение перформативной функции языка, как «воскрешение вечных Смыслов перформативным актом собственного слова» [1, с. 120].

Погруженность героев в свои переживания придает их речи характер автокоммуникации. Как замечено во многих работах, диалог в романе лишь симулируется. Так, Б. Ланин пишет, что герои М. Шишкина «раскрываются монологически, через выговаривание» и что «Письмовник» являет собой «переплетение двух напряженных монологов, не рассчитанных на понимание собеседника и даже не подразумевающих существование такого собеседника» [8, с. 110]. Данный факт может быть, опять же, объяснен как проявление лирического начала. Так, В. Тюпа сравнивает лирическое слово со словом дневника, говорит о его близости к структурам недискурсивной внутренней речи [18, с. 13]. На отсутствие коммуникативности в структуре лирики обращает внимание и Т. Сильман, обосновывая эту тенденцию самой спецификой лирического жанра, которая противоречит идее высказывания-сообщения. «Лирическое стихотворение, – пишет она, – есть, прежде всего, разговор героя с самим собой» [14, с. 178].

Это в свою очередь определяет и специфику лирического сюжета, который, в отличие от эпического повествования, развивающегося «по горизонтали», от события к событию, движется вглубь, «на дно», от внешнего к внутреннему, кружит вокруг одной мысли, одного вопроса – пока не придет решение, важное в аспекте данной конкретной, личной ситуации. Опираясь на эту мысль Т. Сильман, Н. Тмарченко предлагает следующую модель лирического сюжета: «исходная ситуация – внутренний разлад – обретение цельности, т.е. разрушение-восстановление Я» [17, с. 351].

Подобные черты угадываются и в сюжетной организации романа «Письмовник». В своих письмах герои вновь и вновь обращаются к одним и тем же темам, так что события, врывающиеся в их жизнь, оказываются лишь материалом для более глубокого осмысления феноменов смерти, времени, спасения в слове. Примечательно, что в заданных изначально обстоятельствах смерть воспринимается обоими как исключительно деструктивное, разрушительное начало, вызывает неприятие, сопротивление, но после осмысливается как «бесценный дар» и возвращает героям гармонию и внутренний покой. Ожидаемая в финале встреча, долгожданное воссоединение трактуются именно как обретение каждым из них своего истинного Я, утерянного в разлуке с любимым:

«Иногда я не бываю самим собою, родная моя, и ты мне нужна, чтобы снова найти себя, обрести, восстановиться» [22, с. 328].

«Ты мне очень нужен, потому что только с тобой я – настоящая» (Там же, с. 348).

В контексте изучения проблемы лиризации обращают на себя внимание и некоторые шишкинские

символы. Предельная субъективность лирического жанра во многом определяет и специфику типичной для него символики. Чаще всего мы имеем дело с очень конкретными предметами и событиями, которые, преломляясь в равнодушном восприятии героя, наполняются его ценностными субъективными переживаниями, раскрывают его психическое состояние, окрашиваются его индивидуальным опытом и, в итоге, концентрируют в себе некие личностные смыслы, т.е. механизмом символизации, что характерно для лирической прозы [11], оказывается сам интенциональный акт.

Особенно типично для лирики наделение символическими смыслами вещей, максимально незначительных в объективном, практическом отношении. Примечательно, что немецкий исследователь Г. Курц объясняет природу символизации, как раз выделяя прагматическое и символическое понимание. Второе как бы подключается к первому, когда мы, предчувствуя за образом особую значимость, не можем объяснить ее чисто прагматическими соображениями [26, с. 78–79]. Таким образом, можно предположить, что практическая незначительность, случайность вещи позволяет максимально рельефно, выпукло проявиться заложенному в ней символическому (личностному) смыслу. Очень показательной в этом плане является фраза попа Ивана в самом финале романа, когда он помогает собираться герою на встречу с возлюбленной. Велев Володе взять с собой «все важное» и услышав от героя, что у него, мол, «ничего нет», он в недоумении произносит: «Ты забыл, что ли? Сам же говорил, что понял: ненужное – самое необходимое» [22, с. 379]. И вот герой бережно забирает с собой план парохода в разрезе с пририсованным матросом на якорь, треск прутика по решетке, стрекот кузнечиков – «будто кто-то заводит часики», грохот далекого трамвая на стрелках, колючки репейника, которые он «бросал ей в волосы. Потом сам их вытягивал, а они цеплялись», сладкий дух из кондитерской, «лист гербария, на котором написано старательным детским почерком: Подорожник, *Plantago*», «мамино кольцо, которое еще только кружится по подоконнику, подпрыгивая прозрачным золотым шариком, тренькая», «то, как один человек когда-то протирал очки галстук-ком», и «обрывок газеты, приставший к порезу от бритвы» (Там же, с. 379–380).

Все эти, как называет их однажды сам герой, «кусочки жизни» (Там же, с. 263), имея очень личный характер («ведь у каждого такого обрывка [газеты] есть свой, не похожий ни на кого человек» (Там же, с. 380)), все же никак не лишают частную историю Саши и Володи некоего глобального, общечеловеческого измерения. На эту особенность «Письмовника» обращают внимание многие исследователи [5, с. 284–285]; собственно, и сам М. Шишкин, интерпретируя роман, сводит его к универсальным, архетипическим началам: «Построен он [роман] очень традиционно. Что может быть более традиционное, чем переписка? Он и она – два голоса» [20].

Заметим, такая логика во многом определяет специфику именно лирики, которая, будучи предельно субъективной, парадоксальным образом устремлена к изображению частного как всеобщего. При всей бы-

товой конкретности изображаемого опыта, он лишается здесь привязки к действующему лицу, «развешивается», выводится за границы между индивидуальным и коллективным, Я и Другим. «Более всего, – пишет Т. Сильман, – лирическое стихотворение напоминает то, что в грамматике называется парадигмой» [14, с. 178]: каждый частный случай индивидуального переживания превращается в парадигму переживания для любого другого человека. Учитывая одно из значений слова «письмовник» (сборник прописей, образцов для обучения искусству переписки), можно сказать, что письма героев романа – это своего рода лекала человеческой жизни как таковой с типичной для нее широкой гаммой эмоций и чувств.

Итак, как видим, лирическое начало в значительной степени определяет структуру романа «Письмовник». Завершение образа героя и образа мира происходит с точки зрения самого героя. Письма в большей степени имеют характер откровения, лежащего в основе любого перформативного (в том числе лирического) высказывания, напоминают разговор пишущего с самим собой, исполненный ключевыми для лирического дискурса озарениями, домыслами, догадками. Носителями емкого лирического заряда оказываются предельно конкретные предметы и события – мало-важные с объективной точки зрения, но исключительно значимые для героя и таким образом раскрывающие некие глубинные, личностные его смыслы.

Литература

1. Абашева, М. Функции первичных речевых жанров в прозе Михаила Шишкина / М. Абашева // Знаковые имена современной русской литературы: Михаил Шишкин : коллективная монография / под редакцией А. Скотницкой, Я. Свежего. – Краков : Издательство «scriptum», 2017. – С. 113–122.
2. Абашева, М. Стратегии и тактики Михаила Шишкина (к вопросу о художественном методе) / М. Абашева, С. Лашова // Polilog. Studia Neofilologiczne. – 2012. – № 2. – С. 233–241.
3. Воротынцева, К. А. Лирический дискурс в романе М. П. Шишкина «Письмовник» / К. А. Воротынцева // Narratorium. – 2012. – № 1 (3). – URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2626150> (дата обращения: 26.09.2022). – Текст : электронный.
4. Гегель, Г. В. Ф. Эстетика : в 4 томах / Г. В. Ф. Гегель. – Москва : Искусство, 1968–1973. – Т. 3. – 1969. – 621 с.
5. Гриднева, Н. А. Творчество М. Шишкина в зеркале критики: постмодернистская эстетика и поиск нового языка / Н. А. Гриднева // Современное как проблема в истории литературы и культуры: слова и границы понятий «модерн», «модернизм», «постмодерн», «постмодернизм»: коллективная монография / научные редакторы: Т. В. Журчева, И. В. Саморукова, К. А. Сундукова, Л. Г. Тютелова. – Самара : Слово, 2021. – С. 279–288.
6. Котелевская, В. Больше чем Вальзер: коллизии модернистского метанарратива в поэтологии Михаила Шишкина / В. Котелевская // Новое литературное обозрение. – 2020. – № 3 (163). – С. 234–247.
7. Кротова, Д. В. Онтология смерти в романе М. Шишкина «Письмовник» / Д. В. Кротова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 43–51.
8. Ланин, Б. Антибахтинский роман Михаила Шишкина / Б. Ланин // Знаковые имена современной русской литературы: Михаил Шишкин : коллективная монография / под

редакцией А. Скотницкой, Я. Свежего. – Краков : Издательство «scriptum», 2017. – С. 103–112.

9. Леденев, А. Сенсорная реактивность как свойство поэтики Михаила Шишкина / А. Леденев // Знаковые имена современной русской литературы: Михаил Шишкин: коллективная монография / под редакцией А. Скотницкой, Я. Свежего. – Краков : Издательство «scriptum», 2017. – С. 131–146.

10. Липовецкий, М. Центон Шишкина: империя, насилие, язык / М. Липовецкий // Знаковые имена современной русской литературы: Михаил Шишкин : коллективная монография / под редакцией А. Скотницкой, Я. Свежего. – Краков : Издательство «scriptum», 2017. – С. 35–48.

11. Озерова, Е. Г. Интенциональность поэтической прозы / В. Г. Озерова // European Social Science Journal. – 2011. – № 4 (7). – С. 59–66.

12. Орбий, С. П. «Вавилонская башня» Михаила Шишкина: опыт модернизации русской прозы / С. П. Орбий. – Благовещенск : Издательство БГПУ, 2011. – 161 с.

13. Прохорова, Т. Г. «Новая сентиментальность» в романах М. Шишкина «Письмовник» и Е. Водолазкина «Авиатор» / Т. Г. Прохорова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2019. – № 59. – С. 216–232.

14. Сильман, Т. И. Заметки о лирике / Т. И. Сильман. – Ленинград : Советский писатель. Ленинградское отделение, 1977. – 223 с.

15. Скотницка, А. Между утратой и надеждой. Книга книг Михаила Шишкина / А. Скотницка // Знаковые имена современной русской литературы: Михаил Шишкин : коллективная монография / под редакцией А. Скотницкой, Я. Свежего. – Краков : Издательство «scriptum», 2017. – С. 65–88.

16. Солдаткина, Я. Итальянские мотивы в романах Михаила Шишкина «Венерин волос» и Евгения Водолазкина «Лавр» / Я. Солдаткина // Знаковые имена современной русской литературы: Михаил Шишкин : коллективная монография / под редакцией А. Скотницкой, Я. Свежего. – Краков : Издательство «scriptum», 2017. – С. 239–248.

17. Тамарченко, Н. Д. Теория литературы : в 2 томах / Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман ; под редак-

цией Н. Д. Тамарченко. Том 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – Москва : Академия, 2008. – 509 с.

18. Тюпа, В. И. Генеалогия лирических жанров / В. И. Тюпа // Известия Южного Федерального университета. Филологические науки. – 2012. – № 4. – С. 8–31.

19. Фридрих, Г. Структура современной лирики. От Бодлера до середины двадцатого столетия / Г. Фридрих. – Москва : Языки славянских культур, 2010. – URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/fridrih-struktura-liriki/novalis-o-buduschej-poezii.htm> (дата обращения: 26.09.2022). – Текст : электронный.

20. Шишкин, М. Написать свою Анну Каренину... : интервью / М. Шишкин. – URL: <https://afisha-il.livejournal.com/2096939.html> (дата обращения: 26.09.2022) – Текст : электронный.

21. Шишкин, М. Писатель должен ощутить всеислие : интервью / М. Шишкин. – URL: <https://kontrakty.ua/article/37875+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 26.09.2022). – Текст : электронный.

22. Шишкин, М. П. Письмовник : роман / М. П. Шишкин. – Москва : Издательство АСТ, 2020. – 416 с.

23. Шмид, В. Проза как поэзия. Пушкин, Достоевский, Чехов, авангард / В. Шмид. – Санкт-Петербург : Инапресс, 1998. – URL: https://royallib.com/read/shmid_volf/proza_kak_poeziya_pushkin_dostoevskiy_chehov_avangard.html#1174144 (дата обращения: 26.09.2022). – Текст : электронный.

24. Шульцки, И. По следам Байрона и Толстого: скрипторика и субъект письма в прозе Михаила Шишкина / И. Шульцки // Знаковые имена современной русской литературы: Михаил Шишкин : коллективная монография / под редакцией А. Скотницкой, Я. Свежего. – Краков : Издательство «scriptum», 2017. – С. 317–334.

25. Эпштейн, М. Н. Постмодернизм в России / М. Н. Эпштейн. – Санкт-Петербург : Азбука-Аттикус, 2019. – 606 с.

26. Kurz, G. Metapher, Allegorie, Symbol / G. Kurz. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co. KG, 2009. – 112 S.

N.A. Gridneva

ON THE ISSUE OF LYRICISM IN MIKHAIL SHISHKIN'S NOVEL «THE LIGHT AND THE DARK»

The article deals with the analysis of different aspects of lyrical discourse in M. Shishkin's novel «The Light and the Dark». Lyricism is considered as an underlying artistic principle defining the style of narration, the development of action, as well as the kind of symbols in the novel.

Mikhail Shishkin, modern Russian novel, lyricism, lyrical prose, lyrical discourse.

Н.С. Зелезинская
Белорусский государственный университет

ГЕНЕЗИС ПРОБЛЕМНОГО ПОДРОСТКОВО-МОЛОДЕЖНОГО РОМАНА

В начале XXI века в реалистической подростковой и молодежной литературе появились мотивы, ранее ей практически несвойственные и отождествляемые со взрослой аудиторией: суицид, насилие, похищение детей, смертельные болезни, детское донорство и т.д. Романы, в которых данные мотивы вышли на передний план, выделились в отдельный жанр проблемного подросткового и молодежного романа. Генетически жанр восходит к социальному роману, заимствуя у него проблематику и прагматику (привлечь внимание читателя к определенной проблеме социума), однако термин «проблемный роман» видится нами как преферентный ввиду узости термина «социальный» в отношении современного подростково-молодежного романа. В статье впервые в отечественном литературоведении прослеживается развитие подростково-молодежной литературы от момента зарождения в американской литературе 1940-х, появления термина в 1970-х и до расцвета в первые два десятилетия XXI в. В статье рассматриваются ранние примеры жанра, демонстрирующие особенности реалистического молодежного романа до перехода к жанровой вариативности и гибридности. Отдельное внимание уделяется характеристикам поэтики подростково-молодежного романа, отличающим проблемный роман XXI в. от ранее созданной литературы для юного читателя, и месту проблемного подростково-молодежного романа в жанровой системе т.н. литературы «янг эдалт» в диахроническом и синхроническом ракурсе.

Подростково-молодежная литература, жанр, проблемный подростково-молодежный роман, социальный роман, реалистическая литература, фантастическая литература.

По словам Майкла Карга, писателя и бывшего президента ассоциации библиотечных услуг для подростков, книжная индустрия сейчас переживает золотой век подростково-молодежной литературы («golden age of young adult fiction») [5, с. 67]. Начало расцвета исследователь относит к 1998 г., когда Ассоциация библиотек для подростков и юношества провела первую «Неделю подросткового чтения» (Teen Read Week, с 2018 поменяла название на TeenTober) для популяризации библиотек среди юных читателей. Но диахронические исследования показывают, что картина подросткового чтения не всегда складывалась из достойных и романов про волшебников и вампиров, и выявляют ряд значительных трансформаций, происходивших в нише подростково-молодежного чтения на протяжении шести десятилетий XX в.

Так как в отечественном (и российском) литературоведении этот вопрос прежде не затрагивался, мы считаем необходимым проследить историю развития литературы для подростков и молодых взрослых, что будет не только способствовать более полному знанию истории англоязычной литературы в целом, но и пониманию современных тенденций ее развития, которое уже невозможно представить без т.н. янг эдалта (young adult literature). Кроме того, выявление генезиса проблемного подростково-молодежного романа дает представление о его связи с другими жанрами и направлениями (социальным романом, однопроблемным романом, дистопией), позволяет выявить соперничество и последующее взаимообогащение реалистической и фантастической литературы для подростков и молодых взрослых, помогает лучше

сориентироваться в терминологии и аргументировать разграничение ряда терминов.

Первая книга специально для подростков – «Семнадцатое лето» (*Seventeenth Summer*) Морин Дейли – была опубликована в США в 1942 г. Вслед за этим романом о первой любви для девочек стали появляться и другие, чрезвычайно похожие, а параллельно – и книжки для мальчиков о дружбе, спорте, соперничестве, школе. Довольно быстро их незатейливость и шаблонность привели подростков к возмущению или скуке, а писателей – к новым решениям. Выдающиеся произведения последующих двух десятилетий – «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера (1951), «Убить пересмешника» Харпер Ли (1960), «Заводной апельсин» Э. Берджесса (1962), «Такие дела, кот» Э.Ч. Невилл (1964), «Изгой» Сюзан Хинтон (1967) – ставят новые вопросы и создают прецедент: новый герой, новые проблемы, мотивы, язык.

Успех американского подростково-молодежного романа «Изгой» объясняется, возможно, тем, что в лице Сюзан Хинтон соединились обе заинтересованные группы: она написала книгу о подростках в шестнадцать лет. «Эти бесконечные книжки о том, что Мери Джейн собирается на выпускной с капитаном футбольной сборной, а потом оказывается там с соседским мальчиком, и все это здорово, не вызвали особого доверия у меня и не вязались с реальной жизнью. Меня вдохновляли “Унесенные ветром”, “Большие надежды”, “Призрак дома на холме” Ширли Джексон, книжки про ковбоев – все то, что пишется для взрослой аудитории, но так привлекает подростков, – рассказывала много позже Сюзан Хинтон. –

Как и все подростки, я была уверена, что взрослые ничего не смыслят в происходящем. Я их не понимала, мне было проще забыть на них» [11].

Несмотря на некоторую наивность отдельных сцен, простоту языка и поэтики, Хинтон смогла сказать правду о подростковом мире и увлечь своей правдой и простотой, которых, вероятно, так не хватало молодому читателю.

«– Кем лучше всего быть, когда встречаешься с отбросами общества в темном переулке?

– Мастером дзюдо?

– Нет, таким же отбросом общества» [1].

В отношении остальных примеров выше вопрос о целевой читательской аудитории менее однозначен, но определенно, в этих романах было нечто, что вдохновило авторов писать непосредственно для подростков, обращаясь к подростковому сознанию, опыту, запросу. И американцы оценили и актуальность, и перспективность т.н. *young adult literature*. Сюзан Хинтон вспоминает, что «Изгой» первого тиража вышли во взрослой мягкой обложке, продавались в аптеках и при этом не особо хорошо. Лишь одна группа населения покупала охотно – учителя. Они брали книгу для обсуждения с подростками на уроках. «И тогда издатели поняли, что перед ними открывается огромный новый рынок» [11]. В 60-х гг. Ассоциацией библиотечных услуг для подростков уже широко используется термин «*young adult*» для обозначения литературы для читателей 12–18 лет.

В 1970-х подростки зачитывались фантастическим «Кристалльным гротом» Мэри Стюарт (*The Crystal Cave by Mary Stewart, 1970*), дневником юной наркоманки «Иди, спроси Алису» Беатрис Спаркс (*Go Ask Alice by Beatrice Sparks, 1971*), историей Мелиссы, живущей в травмирующей семейной обстановке с пьющей матерью и гуляющим отцом «В любом случае я проиграю» Изабель Холанд (*Heads You Win, Tails I Lose by Isabelle Holand, 1973*), «Цветы на чердаке» Вирджинии Эндриус (*Flowers in the Attic by V.C. Andrews, 1979*), а самым ярким литературным явлением десятилетия стали книги Джуди Блум. «Это ты, Бог? Это я, Маргарет», «Шейла Великолепная», «Дини», «Навсегда», «Суперфадж» написаны, главным образом, для девочек о происходящих с ними психологических и физиологических переменах: взрослении, менструации, влюбленности, ревности, зависти, зависимости от взрослых. Писательница стремилась говорить с подростками и о тонких вопросах бытия (смерти, вере, справедливости, вине). В разных интервью Блум повторяет, что в ее детстве от юного поколения скрывали множество сведений об окружающем мире, о людях и отношениях между ними, что такие секреты расстраивают и обижают детей и подростков, осложняют их взросление [6–7].

Несмотря на огромный успех творчества Джуди Блум (в мире продано 85 млн экземпляров ее книг), ее стиль постоянно подвергался нападкам критиков, которые считали недостаточной глубину, с которой писательница говорила на серьезные темы, язык – слишком простым, повествование – заикленным на несущественных деталях (Там же). Но именно эти особенности стиля делают романы Блум похожими на дневники реальных подростков. Кроме того, из-за

внимания писательницы к «недетским» мотивам смерти, религии и секса ее книги в «скромных» 80-х подверглись цензуре, но сегодня ее творчество видится нам как предвосхищение проблемного подросткового романа, а подобные мотивы плотно вошли в круг подростково-молодежного чтения в XXI в. Автор говорит в интервью, что «дети не замечают то, что еще не способны понять, поэтому нет необходимости скрывать от них что-либо. Если же им не до конца понятно, они идут к родителям с вопросами, и вот тут самое время объяснить ребенку сложные темы так, как вам бы это хотелось подать, а не отворачиваться, не истерить и выбрасывать книжку, потому что пубертатный возраст все равно наступит» [6].

Похоже складывалась судьба многих реалистических романов, как американских, так и английских. Самый знаменитый роман Роберта Кормье «Шоколадная война» (*The Chocolate War, 1974*) тоже подвергся цензуре, но впоследствии был отмечен как лучшая книга для подростков и молодых взрослых по результатам исследования, проведенного среди профессорско-преподавательского состава школ и колледжей Великобритании [10, с. 99]. Кормье затрагивал непростые темы и в других романах: насилие, психические болезни, предательство, месть. По отношению к таким романам и стали применять термин «проблемный роман» (*problem novel*), или «однопроблемный роман» (*one-problem novel*) (С. Роксберг [14, с. 4], Ш. Игофф [8, с. 357]), хотя говорить о широком распространении жанра не приходится, скорее, о скандальности и популярности отдельных произведений, авторы которых пытались говорить об актуальных проблемах современных подростков, а не о выдуманном идеальном мире невинности, как было принято в детской литературе с XIX в. Можно отметить, что 1970-е стали моментом выделения американской литературы *young adult* в отдельную группу, отличную от взрослой и от детской литератур. Данный процесс произошел в других национальных литературах позже либо не произошел вовсе до сих пор.

Примечательны и паттерны читательских и критических реакций на новые мотивы подростковой литературы. В основном мы отмечаем движение от жесткой цензуры к принятию и восхищению. К предыдущим примерам добавим роман «Убить мистера Гриффина» (*Killing Mr. Griffin, 1978*) Луис Данкен, где описывается убийство школьного учителя четверыми старшеклассниками. Этот роман очень неоднозначно оценен в рецензиях «Нью-Йорк таймс» за 1978 г. Так, Р. Пек называет сюжет «большой фантазией», язык – грубым и буквальным, выражает сомнения насчет потребности молодежи в романах «о наркотиках, сексуальной свободе и пропролетарских бандах», но при этом отдает должное тому, что в романе подростки изображены «как они есть, со всей их вывернутой логикой и способностью оправдать за что угодно» [13]. Спустя всего четыре года роман Данкен был удостоен премии Массачусетской детской книги (1982) и премии Алабамской Камелии за книгу для детей (1982–1983). Однако тенденция на этом не сворачивается: со временем подростковые триллер и саспенс стали настолько привычными, что создатели фильма по мотивам «Убийства мистера Гриффина» в

90-х гг. пошли на ужесточение сцен насилия, добавление депрессивных эмотивных смыслов, негативизацию образов подростков и превратили его в слэшер. Та же судьба постигла роман Данкен «Я знаю, что вы сделали прошлым летом» и ряд других произведений.

Можно констатировать, что слащавость и позитивизм литературы для молодых сменились зрелым реализмом, обострилось противопоставление мира подростков миру взрослых. Тип бунтаря, изгоя, аутсайдера, введенные Хинтон и Сэлинджером, за два десятилетия становится самым популярным в нише. Формируется фокус на серьезных социальных темах, но затем список проблем 70-х (развод, булинг, наркотики) исчерпывается, сменяется культурная парадигма, и т.н. однопроблемные романы (single-problem novels) приедаются.

Спокойные 1980-е ознаменованы тематическим и жанровым расширением подростково-молодежной литературы за счет гибридизации (например, приключения, фантастика, школьный и любовный романы, смешанные в разных пропорциях в 181 книге серии «Школа в Ласковой Долине» (*Sweet Valley High*, 1983–2003) Френсин Паскаль, а также благодаря проникновению в сферу сверхъестественного и ужасного (апофеоз любви к которому пришелся на незабвенный «Твин Пикс»). Огромной популярностью пользовались триллеры с вампирами и призракам Кристофера Пайка, хоррор-серия «Улица страха» Р.Л. Стайн (*Fear Street*, 1989–2005), триллеры и готические романы Луи Данкен.

К 1990-м мы наблюдаем всплеск фэнтези и дальнейший уход от подростково-молодежной проблематики. Эльфийские и гоблинские приключения, не ориентированные на какой-либо определенный возраст, перекрывают все другие тренды, ниша подростково-молодежной литературы снова пустеет: «Когда в 90-е я был ребенком, книжек, которые вызывали у меня хоть какой-то интерес, в библиотеке набиралось полки на три. Теперь мне кажется, три полки превратились в три зала», – делится Шеннон Петерсон, бывший президент Ассоциации библиотечных услуг для подростков [15].

Этот перерыв продолжался до 2000-х, пока не появилась серия про Гарри Поттера. Джоан Роулинг не только увлекла подростковую аудиторию приключениями подростков-волшебников (больше по маркетинговой инициативе издателей – сама писательница первоначально никак не ограничивала возраст читательской аудитории), но и блестяще воспользовалась наследием Толкина, показавшим потенциал соединения фэнтезийных сюжетов с актуальными культурно-историческими контекстами и, следовательно, с проблемностью. Сильной стороной знаменитой серии стала жанровая гибридизация. Явившиеся в начале 2000-х вампирская сага Стефани Мейерс «Сумерки» и дистопия Сюзан Коллинз «Голодные игры» породили лавину эпигонских произведений, от которых подростки в силу низкого уровня требовательности к стилю и новизне не могли оторваться. С этого момента можно вести речь о полноценной представленности разных жанров художественной прозы в нише подростково-молодежной литературы и, собственно, констатировать вторую волну, или «золотой век», английского и американского янг эдалта.

Фантастическое измерение, будь то фэнтези или паранормальная литература, интересно подросткам из-за того, что показывает два мира и переход между ними. «Сами подростки всегда тоже на переходе, между детством и взрослостью, они словно пойманы в ловушку этого перехода, и литература янг эдалта помогает преодолеть дуалистичность двух миров», – объясняет Дженнифер Линн Барнс, специалист в области когнитивистики и подростковый писатель [15]. Этот же эффект психологической поддержки при переходе от детства к статусу взрослого, в кризисный период физиологических изменений, становления критического мышления, обострения эмоциональности и оценочности оказывает вся литература, рассказывающая о подростках и апеллирующая к сознанию подростка, почему, кстати, двоимирие является отличительной чертой янг эдалта. Нил Гейман видит суть фэнтези в другом: «Сказки про фей более чем правдивы, не потому, что они говорят, что драконы существуют, но потому, что они показывают, что дракона можно победить» [9]. Замечание Геймана позволяет увидеть важнейшую тенденцию современного янг эдалта и, пожалуй, художественной литературы XXI в. – сближение и даже смешение реалистического и фантастического направлений (реалистические мотивы проникают в фантастические романы и наоборот, актуальность этой тенденции очевидна по популярности дистопии, городского фэнтези). Это сближение не так давно отрефлексовано в интервью С. Хинтон (2020). Рассказывая о своей любви к американскому шоу о паранормальных явлениях (*Supernatural*), знаменитая писательница отмечает: «Я прихожу на это шоу два в год, они приглашают меня как музу. Там миллион моих поклонников. Верно, тут есть какая-то связь» [11].

Интересно, что борьбы между этими направлениями теперь совершенно не наблюдается, коль скоро были найдены точки соприкосновения. Тех и других публикуется все больше. С 2000 г. реалистические романы демонстрируют высокий уровень художественности, оставаясь верными характеристикам янг эдалта (двоимирие, простой язык и т.д.). Во всевозможные списки бестселлеров попадают «Хорошо быть тихоней» Стефана Чборски (*The Perks of Being a Wallflower* by Stephen Chbosky, 1999), «Говори» Лори Холс Андерсон (*Speak* by Laurie Halse Anderson, 1999), «Книжный вор» Маркуса Зусака (*The Book Thief* by Markus Zusak, 2005), «Милые кости» Элис Сиболд (*Lovely Bones* by Alice Sebold, 2004), многие из романов Джона Грина: «В поисках Аляски» (*Looking for Alaska*, 2005), «Бумажные города» (*Paper Towns*, 2008), «Виноваты звезды» (*The Fault in Our Stars*, 2012) и десятки других. Все романы такие интересные, что их начинают читать не только подростки и молодые взрослые, но и те, кому за тридцать. Масовое расширение аудитории за счет верхней возрастной границы получило название кроссовера. Среди разновозрастных читателей девушек и женщин в процентном отношении больше. С. Хинтон отмечает: «Было время, когда подростковые книги предназначались главным образом для мальчиков. Сейчас почти все пишется для девочек, мальчики остались в стороне» (Там же). Однако в наиболее значимых под-

ростковых романах удерживается определенный гендерный баланс среди протагонистов (практически все повествования Джона Грина, например, ведутся от лица парней). Конечно, характер протагонистов сильно отличается от их характеров их сверстников из 70-х. Яркие смелые бунтари встречаются только в дистопиях, в реальной жизни, отображенной реалистической прозой, таких давно уж нет. Мальчики и девочки, хоть бы им к двадцати пяти гораздо ближе, чем к четырнадцати, отличаются тем, что ничем не отличаются, а также в разной степени выраженной «уязвимостью» – психологической травмой, социальной дезадаптацией, физической или интеллектуальной недостаточностью. Кроме того, современный подростково-молодежный роман не боится наделять героев негативными эмоциями: гневом, страхом, чувством вины и др. Среди них – онтологически неотъемлемое ощущение небезопасности. Вызванное социально-политическими реалиями эпохи, оно переходит из романа в роман. Одним из первых примеров можно назвать второй роман Р. Кормье «Я – сыр» (*I am Cheese*, 1997). Сюжет отзывается на политический контекст эпохи, развивая мотивы заговора, коррупции, шпионажа, поиска истины. Главный герой романа, подросток Адам, попадает в программу защиты свидетелей, позже – в больницу для психически больных людей, подвергается допросам и оказывается в смертельной опасности. Мотив потери чувства безопасности тщательно проработан и относится к числу доминирующих мотивов романа. В других упомянутых выше произведениях причины и следствия совершенно другие (например, в теракте погибает папа Оскара, мальчик теряет чувство безопасности, занимается членовредительством и не спит по ночам; Линда после смерти сестры от рук насильника замыкается в себе и боится строить отношения со всеми вокруг; травмирующий семейный опыт приводит Аляску к самоубийству). Ощущение небезопасности является доминирующими для юного поколения начала века, а мир понимается как реальность неопределенности, что сегодня является общим местом и в чем можно бесконечно убеждаться [2, с. 5–6]. Современные авторы показывают, что здоровых, не травмированных, благополучных, идеальных подростков (по умолчанию, и взрослых) вообще не бывает, что быть проблемным совершенно нормально и что с этим можно справиться при определенном уровне эмпатии со стороны окружающих. Несомненно, такой герой вызывает искренне доверие у юного читателя. Вероятно, в этом секрет триумфального возвращения реалистического подростково-молодежного романа.

Сюжет большинства из них построен на конфликтах действительности начала XXI в. (хотя некоторые посвящены событиям войн, военных конфликтов, Холокосту прошлого столетия). Под воздействием глобальных политических событий и социокультурных перемен подростковые авторы стали описывать все более масштабные и страшные в своей неразрешимости проблемы: потерю близкого, суицид, смертельные болезни, детское донорство – указывая на амбивалентность и недостаточность существующих на сегодня решений. Теракт 11 сентября 2001 г. изменил со-

знание всех поколений, а сознание молодых было им сформировано в очень значительной степени. Пришло осознание потенциального зла и одинаковой беспомощности перед ним ребенка и взрослого. Вследствие новой философской парадигмы авторы отказались от прямого противостояния мира подростков и мира взрослых, а переключились на конфликт систем ценностей. Отсюда произошло и изменение героя подросткового романа от отщепенца к подчеркнуто обычному молодому человеку, что заостряет глобальность проблемы и указывает на понимание вовлеченности каждого в ужас бытия. В описываемых конфликтах ребенок изначально не может победить зло, поскольку оно онтологически укоренено в мире, следовательно, вопрос ставится в другой плоскости: как ребенок может выжить в мире зла. Романы, в которых данные мотивы вышли на передний план, выделились в отдельный жанр проблемного подростково-молодежного романа. Этому жанру свойственны все черты подростково-молодежной прозы, как то распадение картины мира на детскую и взрослую, простой язык, одна сюжетная линия, нарочито обыкновенный герой или героиня с особенностями, повествование от первого лица, прием ненадежного нарратора и т.д.

Самые темные стороны нашей жизни нашли отражения в произведениях Джона Грина, Джонатана Фоера, Энджи Томас, Джея Эшера и т.д. Американские авторы не уклонились, пожалуй, ни от одной проблемы современности, не примерив их на подростка; большинство подростковых писателей считает, что именно с молодежью нужно говорить о сложном и важном, поскольку только она способна на свежий взгляд, на новые решения, ведь взрослые слишком привыкли к насилию, жестокости и лицемерию.

Определенно, это тот же проблемный роман, что мы наблюдали в 1970-е, только в обновленном контекстами виде. Иногда можно увидеть и другое название жанра – социальный подростково-молодежный роман. Это название апеллирует к отдаленному во времени социальному роману XIX–XX вв., у которого современный жанр позаимствовал прагматическую задачу привлечь внимание читателя к определенной проблеме социума.

Энциклопедия «Британника» определяет социальный роман, также известный как проблемный (или протестный) роман, как «художественное произведение, в котором преобладающая социальная проблема, такая как гендерные, расовые или классовые предрасудки, драматизируется через ее влияние на героев романа» [4]. Разница обычно в том, что социальный роман показывает срез общества на фоне разнообразных проблем, а проблемный подростково-молодежный роман показывают определенную проблему глобального общества и судьбу подростка внутри этой проблемы. В XIX в. писатели говорили о таких социальных проблемах, как бедность, плохие условия работы на фабриках и шахтах, тяжелое положение рабочих, детский труд, насилие в отношении женщин, низкий уровень образования, социальная незащищенность женщины и ребенка, высокая смертность среди детей, отсутствие института детства, антисанитария городских улиц и жилищ, эпидемии, рост преступности.

Практически все эти темы представлены в социальных романах Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста» (1837–1839), «Жизнь и приключения Никола-са Никльби» (1838–1839), «Лавка древностей» (1840–1841), «Большие надежды», «Тяжелые времена», «Холодный дом», «Крошка Доррит», в «Мэри Бартон» (1848) Элизабет Гаскелл, «Ширли» (1849) Шарлотты Бронте. Социальный протест был ярко выражен и в других национальных литературах: в «Западне» (*L'Assommoir*, 1877), «Жерминале» (*Germinal*, 1885) и других романах Эмиля Золя, «Отверженных» (1862) Виктора Гюго, «Униженных и оскорбленных» (1861) Ф.М. Достоевского. Во многих из них (вспомним «Хижину дяди Тома» (1852) Гарриет Бичер-Стоу или «Гекльберри Финна» (1884) Марка Твена) подростки и молодые взрослые становились протагонистами как одна из наиболее уязвимых социальных групп.

Хотя многим кажется, что в XXI в. мир стал дру-гим, изменились исторические, политические, социокультурные контексты, но, вчитываясь в проблемные романы, мы с удивлением обнаружим, что значительная часть центральных мотивов повторяется. Суть обвинения, брошенного обществу Ричардом Райтом в «Родном сыне» (*Native Son*, 1940), Ральфом Эллисоном в «Человеке-невидимке» (1952), Энджи Томас в «Ненависти, которую ты порождает» (2017) и Ником Стоуном в «Дорогом Мартине» (*Dear Martin*, 2017), одинакова: расистские стереотипы живы до сих пор. Насилие остается насильем и в «Замке Броуди» (*Hatter's Castle*, 1931) Арчибальда Кронина, и в «Скажи, Красная Шапочка» (*Rotkäppchen muss weinen*, 2009) Беате Терезы Ханики, и в «Меня зовут Сол» (*Sal*, 2018) Мика Китсона. На материальном неравенстве сконцентрированы «Гроздь гнева» Джона Стейбека и «Воронята» Мэгги Стивортер. Герои «Комнаты Джованни» (1956) Джеймса Болдуина и романа «Аристотель и Данте открывают секреты Вселенной» (*Aristotle and Dante Discover the Secrets of the Universe*, 2012) Бенджамина Алайе Саенсе ищут собственную идентичность и сексуальность. Именно в социальном романе XIX в. отразилась зарождающаяся идея инклюзивности (что показал П. Моррис на примере «Ширли» Ш. Бронте, «Истории Генри Эсмонда» У. Теккерея, «Холодного дома» и «Нашего общего друга» Ч. Диккенса, «Севера и Юга» Э. Гаскелл, «Ромолы» Дж. Элиот [12, с. 261]), но полное развитие она получила уже в огромном количестве подростково-молодежных романов («Жутко громко и чрезвычайно близко» Дж. Фоеера, «Лужок черного лебедя» Д. Митчелла, «Загадочное ночное убийство собаки» М. Хэддона и др.).

Безусловно, есть и расхождения в семантике и прагматике выявленных мотивов социального романа и проблемного янг эдалта. Если в XIX–XX вв. воле-вые женщины боролись с дискриминацией («Без работы» (1888) Маргарет Хакнес), то сейчас акцент перенесен на психологическую подоплеку положения жертвы дискриминации или насилия, на манипуляци-онные стратегии сильного по отношению к слабому, на замещение позиции угнетающего по отношению к еще более слабому, например ребенку («Мы были лгунами» (*We Were Liars*, 2014) Э. Локхарт). Причины травмирующих и катастрофических ситуаций сего-

дняшние авторы ищут не только и не столько в соци-альных процессах, но и в психологических, религиоз-ных, политических, философских и культурных. Это означает, что рассматривать подростково-молодеж-ный роман исключительно в рамках социальных вза-имоотношений непродуктивно, и это также побужда-ет нас избрать термин «проблемный» как менее огра-ниченный и в то же время отражающий особенности его поэтики. В этой перспективе стоит вспомнить неожиданную популярность творчества Эйн Рэнд. Можно предположить, что оно, не будучи востребо-ванным современниками, привлекло читателей XXI века в силу своей полифоничности, поликон-текстности и семантической амбивалентности.

На протяжении первых двух десятилетий XXI в. англоязычный проблемный роман являлся одним из наиболее успешных жанров подростково-молодежной прозы, разрабатывая свои темы и при этом демон-стрируя характерные черты поэтики янг эдалта. Ак-центируя сложные проблемы современности, он со-здает мир, идентичный с тем, в котором живут реаль-ные подростки, оказывает им психологическую поддержку, дает надежду на то, что все можно пере-жить и найти себя. При этом проблемный роман часто вбирает в себя фантастические элементы или, наобо-рот, фантастический роман разрабатывает мотивы социального неравенства, смерти, донорства, само-убийства, свойственные проблемному роману. Общая картина литературы для молодого читателя отлича-ется жанровым разнообразием и гибридизацией ввиду той многозадачности, которую она сегодня выполня-ет. Это работает и в обратном направлении: благодаря жанровому разнообразию каждый подросток находит в литературе young adult что-то свое. Окидывая взгля-дом практически вековую историю подростковой и молодежной литературы, можно смело констатиро-вать, что смелость авторов и стремление к разнообра-зию являются залогом ее успеха и развития.

Литература

1. Хинтон, С. Изгой / С. Хинтон. – Москва : Livebook, 2019. – 288 с. – URL: https://mir-knig.com/read_257011-(дата обращения: 27.09.2022). – Текст : электронный.
2. Человек в условиях неопределенности : сборник научных трудов : в 2 томах / под общей и научной редакцией Е. В. Бакшутовой, О. В. Юсуповой, Е. Ю. Двойниковой. – Самара : Самарский государственный технический уни-верситет, 2018. – Т. 2. – 247 с.
3. Hipple, T. The Best Young Adult Novels of All Time, or The Chocolate War One More Time / T. Hipple, J. Claiborne // English Journal, High school edition. – Urbana. – Vol. 94. – Ed. 3. – Jan. 2005. – P. 99–102.
4. Social Problem Novel // Britannica, The Editors of Encyclopaedia. Encyclopedia Britannica, 1. – Nov. 2007. – URL: <https://www.britannica.com/art/social-problem-novel> (дата обращения: 01.03.2022). – Text : Electronic.
5. Cart, M. Young Adult Literature: From Romance to Realism / M. Cart. – Study and Scrutiny Research on Young Adult Literature – 2018. –3 (1). – P. 67–71. DOI:10.15763/issn.2376-5275.2018.3.1.67-71.
6. Corneal, D. A. Judy Blume Forever: The Perfect Blume Book at Every Age / D. Corneal // Brightly: Raise Kids Who Love to read. – URL: <https://www.readbrightly.com/judy-blume-books-for-every-age-and-stage/> (дата обращения: 27.09.2022). – Text : Electronic.

7. Flood, A. Judy Blume: 'I thought, this is America: we don't ban books. But then we did. Interview / A. Flood // *The Guardian*. – 2014. – June 14. – URL: <https://www.theguardian.com/books/2014/jul/11/judy-blume-interview-forever-writer-children-young-adults> (дата обращения: 27.09.2022). – Text : Electronic.
8. Egoff, Sh. Problem Novel / S. Egoff // *Only Connect: coll. Works*, ed. S. Egoff. – Ontario : Oxford University Press, 1980. – P. 356–369.
9. Gaiman, N. Coralina / N. Gaiman. – URL: <https://booksvoooks.com/coraline-pdf-neil-gaiman-1.html> (дата обращения: 27.09.2022). – Text : Electronic.
10. Gottlieb, A. Judy Blume / A. Gottlieb // *The Shalvi: Human Encyclopedia of Jewish Women*. – URL: <https://jwa.org/encyclopedia/article/blume-judy> (дата обращения: 23.06.2021). – Text : Electronic.
11. Michaud, J. S. Hinton and the Y.A. Debut / J. Michaud. – *NY Times*. – 2014. – October 14. – URL: [https://www.newyorker.com/culture/cultural-comment/hinton-](https://www.newyorker.com/culture/cultural-comment/hinton-outsidere-young-adult-literature)
- outsidere-young-adult-literature* (дата обращения: 23.06.2021). – Text : Electronic.
12. Morris, P. Imagining Inclusive Society in Nineteenth-Century Novels: The Code of Sincerity in the Public Sphere / P. Morris. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2004. – 315 p.
13. Peck, R. Teaching Teacher a Lesson R. Peck. – *The New York Times*. – 1978. – April 30. – P. 14. – URL: <https://www.nytimes.com/1978/04/30/archives/teaching-teacher-a-lesson.html> (дата обращения: 23.06.2021). – Text : Electronic.
14. Rocksburgh, S. The Art of the Young Adult Novel / S. Rocksburgh // *The Alan Review*. – Winter 2005. – Vol. 32, № 2. – P. 4–10.
15. Strickland, A. A brief history of young adult literature / A. Strickland. – Cable News Network, Inc. – Time Warner Company, 2013. – URL: <https://edition.cnn.com/2013/10/15/living/young-adult-fiction-evolution/index.html> (дата обращения: 23.06.2021). – Text : Electronic.

N.S. Zelezinskaya

GENESIS OF THE PROBLEM YOUNG ADULT NOVEL

At the beginning of the 21st century realistic young adult literature develops the motifs that had been uncommon to it and had been identified with an adult audience: suicide, violence, child abduction, fatal diseases, child donation, etc. Novels in which these motifs became central are considered to form a separate genre of the problem young adult novel. Genetically the genre goes back to the social novel, borrowing from it the problematics and pragmatics (to draw the reader's attention to a particular problem of the society), though we see the term «problem novel» as preferential to the «social novel» as the latter seems too narrow to embrace all the literary cases. The article traces, for the first time in Russian literary studies, the development of teenage literature from its origins in American literature in the 1940s, the birth of the term in the 1970s, the development of its poetics, to its heyday in the first two decades of the 21st century. The paper examines early examples of the genre, demonstrating the characteristics of the realist young adult novel and further tendencies of genre variation and hybridity. Particular attention is paid to the characteristics of the poetics of the young adult novel that distinguish the 21st century problem novel from earlier literature for young readers, and show the place of the problem novel in the genre system of young adult literature from a diachronic and synchronic perspective.

Young adult literature, genre, realistic literature, fantastic literature, problem young adult novel, social novel.

В.Я. Иванова
Иркутский государственный университет

«СУДЬБА МОЯ». СВЕТЛАНА И ВАЛЕНТИН РАСПУТИНЫ

Новые источники (2017–2019 гг.), представленные публикациями Е.И. Молчановой, Е.Е. Николаевой, Г.А. Николаевой, А.С. Гурулева, В.П. Зыкова, Н.В. Дуловой, А.В. Пантелеева, Н.Л. Крупиной, А.А. Королькова, позволяют воссоздать атмосферу родительской семьи С.И. Распутиной, ее характер, роль в творческой судьбе писателя В.Г. Распутина. Мемуарные, эпистолярные и другие документальные материалы открывают новые факты для научной биографии писателя и позволяют по-новому посмотреть на его творчество.

Биография писателя, жена писателя, воспоминания, письма, дневники.

В жизни В.Г. Распутина особое значение имели дом, семья, род, запечатленные в его литературном творчестве. Держательницей рода в прозе писателя изображена именно женщина – Анна («Последний срок»), Дарья, Настасья и Сима («Прощание с Матерой»), Улита, Мирониха и другие. Материнское назначение женщины – стержневое в образах распутиных старух. Старухи сохранили в себе духовные основы русского народа, связанные с христианской этикой – трудолюбием, твердостью характера, терпением, состраданием, самопожертвованием, любовью к людям, благодарностью, тягой к высшему. Дом, семья, род в художественном мире В.Г. Распутина укрепляются женщиной. Миропонимание писателя имеет биографические истоки. В детстве и юности рядом с Валентином Распутиным была бабушка Мария Герасимовна, его «Арина Родионовна», одарившая мальчика образной речью и певучим приангарским говором. Ее облик и судьба изображены в рассказе «Василий и Василиса». Мама Нина Ивановна, тихая, терпеливая труженица, изображена в автобиографическом рассказе «Красный день» [18], любимая тетя, которую в семье звали Таньчорой (Татьяна Никитична, младшая из дочерей Марии Герасимовны и Никиты Яковлевича Распутиных), чьим именем названа младшая дочь старухи Анны в повести «Последний срок». Среди добрых, жертвовавших собой ради детей женщин рос будущий писатель. Многие качества их характеров воплотились в образах главных героинь его будущих произведений. В кругу близких писателю женщин особое место занимает Светлана Ивановна Распутина, жена. Весна-лето 1960 г. подарили журналисту Валентину Распутину встречу со Светланой Молчановой, студенткой Иркутского госуниверситета. В браке со Светланой Ивановной писатель прожил более пятидесяти лет, 12 октября 2010 г., после сорока девяти лет совместной жизни, супруги обвенчались.

Цель данной статьи – введение в распутиноведение образа С.И. Распутиной, раскрытие ее значения в творческой судьбе писателя, представление психологического портрета на основе документальных источников: воспоминаний, дневников, писем и других ма-

териалов. Данная статья может быть началом процесса осмысления роли семьи, жены писателя, ее образа в литературном мире В.Г. Распутина.

Новые мемуарные, эпистолярные и другие источники (2017–2019 гг.) позволяют наиболее полно представить личность С.И. Распутиной. Публикации Е.И. Молчановой, Е.Е. Николаевой, Г.А. Николаевой, А.С. Гурулева, В.П. Зыкова, Н.В. Дуловой, А.В. Пантелеева, Н.Л. Крупиной, А.А. Королькова раскрывают биографические, социальные, психологические аспекты семьи писателя, ее атмосферу, особенности семейного общения. Событием для распутиноведов стала книга «...Жить в полную силу». Воспоминания о Светлане Распутиной. Воспоминания, стихи» (2019), ключевая для понимания личности жены писателя В.Г. Распутина.

Ценнейшим свидетельством о детстве, юности, семейной обстановке семьи Молчановых является очерк Е.И. Молчановой «Моя старшая сестра». В него включены воспоминания, записи и фотографии из семейного архива, стихи, письма И.И. Молчанова-Сибирского к жене Виктории Станиславовне и детям, письма родственников, девические дневники Светланы, два письма В.Г. Распутина 1960 г., письма Светланы Ивановны. Семья Молчановых была большой – шестеро детей. По воспоминаниям Евгении Ивановны, младшей из дочерей, отношение отца к детям было теплым и нежным. В военных письмах к жене муж расспрашивает о детях все мелочи, отправляет на Новый год каждому стихи [10]. Адресованы стихи и старшей из детей, пятилетней Свете: «Вот война окончится, отбушуют грозы. На глазах у доченьки высушу все слезы. Ласковая ласточка – улыбнись, засмейся. Песенка о доченьке в поднебесье взвейся» (28 дек. 1944 г.) [9, с. 12]. В 50-е гг. из Москвы отец отправляет детям письма в отдельных конвертах, что приносит адресатам большую радость. После ухода из жизни И.И. Молчанова-Сибирского в 1958 г. Виктория Станиславовна поднимала детей одна, ей помогали старшие дочери – Нина и Светлана.

В доме любили читать, и своих книг было много. «Читала Светлана очень много, у нас была прекрасная

библиотека. Когда папа приезжал из Москвы, всегда привозил новые книги, и мы с нетерпением ждали, когда же он начнет распаковывать чемоданы и вручать каждому долгожданные издания» [9, с. 19]. Традиционными были семейные праздники: дни рождения, Новый год. 1 мая был день рождения папы. «В доме аппетитно пахнет стряпней: мама уже достала из печки пироги, булочки с корицей. Она считалась непревзойденной мастерицей – ее сдобное тесто выходило пышным, нежным, а пироги с брусничкой, черемухой, покрытые сверху взбитой с сахаром сметаной, были необычайно вкусны» (Там же, с. 17). На семейные праздники собиралось много гостей – соседи, друзья, родственники. Дети были в кругу общения ученых, поэтов, писателей, просто добрых людей – среди поздравлений, шуток, стихов, песен.

Было много людей и в будничные дни: родственники, друзья и подруги детей. «Приходили начинающие и уже известные поэты и писатели, забегали редакторы из нашего издательства, расположенного неподалеку, к нам, детям, приходили друзья-однокурсники или же соседские ребята – и никто не уходил, не отведав вкусного, ароматного, свежесваренного чая. Эту традицию (принимать, выслушивать, кормить и помогать делом ли, советом) сохранила и Светлана» (Там же, с. 28). В заботливом отношении к людям и семье, по мнению Е.И. Молчановой, воплотился идеал отца. Дом держался любовью, трудолюбием и терпением матери, поддержкой старших детей. «Ума не приложу, как мама справлялась с таким наплывом людей, ведь в ту пору не было ни горячей воды, ни холодильника, ни газовой плиты. На кухне у нас стояла большая печка, облицованная коричневым кафелем, которую нужно было топить дровами, да обычная электрическая плитка. А сколько стирки приходилось ей делать!» – вспоминает младшая дочь (Там же, с. 27).

Доверительные отношения сложились у отца с первым своим ребенком – Светланой. На вечере, посвященном 100-летию И.И. Молчанова-Сибирского в Москве, С.И. Распутина вспоминала: «Мне повезло, конечно, больше всех, потому что я старшая и поэтому больше других общалась с папой. <...> Он учил нас жить. Но не по каким-то дидактически назидательным правилам, а просто своей жизнью, своим примером учил нас доброму и хорошему» (Там же, с. 25). Евгения Ивановна вспоминает о сестре: «Светлана всегда заботилась о нас, о своих братьях и обо мне, как самой маленькой, особенно» (Там же, с. 21). Будучи студенткой физико-математического факультета Иркутского университета, Светлана каждое лето работала в стройотряде, чтобы помочь матери. Примером в семье была и Нина, старшая дочь В.С. Молчановой, по профессии детский врач. «Добрая, сердечная, участливая, отзывчивая» – вспоминает о ней племянница Е.Е. Николаева [12, с. 90]. Нина помогала матери вырастить младших, потом, передав эстафету Светлане, уехала в Якутию, где «летала на вертолетах в далекие улусы, мчалась по первому вызову, спасала, лечила и, порой, просто помогала людям выжить», стала главным педиатром Якутска (Там же, с. 91). Стремление помогать людям, идти на помощь было семейным качеством Молчановых.

Светлану в годы студенчества младшая сестра запомнила высокой, стройной, спортивной, красивой девушкой. У Сергея Валентиновича Распутина в семейном архиве сохранился дневник матери, две общие тетради. Записи в дневнике отражают миропонимание девушки до встречи с будущим мужем, ее принципы, открытость, радость жизни, ожидание счастья. Записи запечатлели готовность посвятить себя любви, быть преданной любимому человеку, предощущение большого чувства, определенного острого восприятием течения времени и ожиданием свершений судьбы. «Я думаю, он живет, он ищет меня. Он уже любит меня такой, какой меня сделает любовь к нему...» (9 янв. 1958 г.) [9, с. 18]. Здесь же описание идеала, к которому стремится юный автор. «Всегда, везде быть сильной, независимой. И чтобы все это знали. И никогда не раскисать, по крайней мере, чтобы никто не видел этого» (28 авг. 1960 г.) (Там же, с. 20). Эти слова написаны уже в период встреч с В. Распутиным. Знаменательна и другая запись в дневнике от 20 сентября 1960 г. «Часто сейчас мне стало казаться, что В.Р. (так она называла его в дневнике) – судьба моя» (Там же, с. 32).

История знакомства Валентина со Светланой удивительна не придуманным сюжетом. Когда Валентин от подруги девушки узнал, что Светлана – дочь известного сибирского писателя И.И. Молчанова-Сибирского, он перепугался и решил больше не появляться знакомой на глаза. В этом он признался на вечере, посвященном 100-летию поэта. «Светлана в моих глазах сразу поднялась в какие-то недосыгаемые высоты и превратилась в некое воздушно-небесное создание. <...> Думаю, куда там мне с моим рылом, что называется, быть рядом с этими небесами» (Там же, с. 23). И все-таки молодая семья сложилась. Женившись, Валентин Распутин окунулся в особый мир дома Молчановых. Недолго, года полтора, молодожены жили с Викторией Станиславовной. «Здесь царил такая же добрая, душевная атмосфера, как и в писательском доме. Эта, я бы сказал, добропорядочная обстановка дома, душевный и духовный его климат, его гостеприимство присутствует в нем и по сей день» (2003 г.) (Там же, с. 24). О своей теще, сохранившей «молодость сердца и очарование души», о ее семье В.Г. Распутин вспоминал с благодарностью, признавая, что его постоянно тянуло в дом Молчановых, когда они со Светланой и детьми после приезда из Красноярска жили уже отдельно.

О воспитании третьего поколения в семье Молчановых рассказывает Е.Е. Николаева. «Бабушка с детства приучала нас к ответственности и справедливости, к тому, что о себе нужно думать в последнюю очередь. Она много рассказывала нам про дедушку, какой это был чистый, порядочный, светлый человек, и, казалось, мы ощущали, чувствовали его так, как будто он был рядом» [12, с. 89]. Племянница пишет о С.И. Распутиной и созданном ею укладе своей семьи, продолжающем традиции родительского дома. «Светлана всегда оберегала Валентина, она знала, что он талантлив, она любила его. Взяв на себя обязанности личного секретаря, чтобы он мог спокойно работать, ограждала, порой, от лишних звонков, от визитов настойчивых посетителей <...>. В доме у Распутиных

всегда было людно: приходили друзья-писатели, обращались за советом начинающие авторы, заходили подружки Светланы, друзья Сережи и Маруси. Все, кто попадал в их дом, были обязательно накормлены. Светлана все делала ловко и быстро» [12, с. 95]. Своей заботой Светлана Ивановна окружила всю большую молчановскую семью, многочисленных племянников – не жалела сил и времени их выслушать, ответить на вопросы, посоветовать книгу, научить шить, вязать. В связанных ею шапках, шарфах, кофточках ходили дети, племянницы, внуки. Всю жизнь С.И. Распутина старалась следовать жизненным принципам родителей, укладу родной семьи.

Г.А. Николаева, подруга С.И. Распутиной, со студенческих лет посещавшая дом Молчановых, вспоминает большую дружную семью с удивительными отношениями младших и старших, приветливую и гостеприимную. Прежде всего, она «была удивлена обилием книг в квартире и чрезвычайно скромной обстановкой» [11, с. 110]. Подруга выделяет значение жены в творчестве В.Г. Распутина как помощника и советника: «Она очень его оберегала от навязчивых посетителей, создавала ему необходимую для творчества обстановку. Светочка была той женой, про которую говорят “жена-соратница”. Думаю, что при ее литературном вкусе, при ее чувстве слова она была первым и самым строгим критиком для своего мужа» (Там же, с. 118). «Вспоминается, как вдруг ей захотелось построить на участке маленький дом, чтобы Валя мог там спокойно работать» (Там же, с. 121). Задумка была реализована, и у писателя на даче появилось тихое место для литературной работы. Забота С.И. Распутиной о муже была постоянной и воплощалась в большом и малом.

В.П. Зыков, журналист, позднее редактор издательства, познакомившийся с Валентином Распутиным в 1962 г. в областной газете «Красноярский комсомолец», запомнил Светлану Ивановну «женщиной красивой и строгой» [5, с. 199]. «Светлане, как преподавателю и молодому специалисту, дали <...> комнату» в общежитии Сибирского технологического института (Там же, с. 201), где и бывал автор воспоминаний. В письме к В.П. Зыкову от 26 января 1975 г. сохранилась оценка В.Г. Распутина времени жизни в Красноярске как лучшего периода: «а время-то ведь было самое золотое» (Там же, с. 205).

Яркие краски к портрету Светланы Ивановны добавляет А.С. Гурулев, друг В.Г. Распутина [2]. Дружба длительностью в шестьдесят лет позволяет относиться с большим доверием к свидетельствам автора. А.С. Гурулев в своей книге посвящает жене В.Г. Распутина отдельную главу «Света, Светлана Ивановна, жена Валентина» и тонко, чутко описывает первые впечатления от знакомства с нею, ее характер, роль в жизни мужа, требовательность и твердость в критических ситуациях. «Света была тоненькой, светлоглазой, с чуть выдающимися остренькими скулами, строголицей и, как теперь вспоминается, без особого интереса к косметике и принятой в девичьей среде кокетливости. И, как оказалось впоследствии, внимательной, заботливой и терпеливой» [2, с. 143]. Такой портрет юной Светланы запечатлелся в памяти друга.

А.С. Гурулев видел «мир семьи Валентина с близкого расстояния», и это обстоятельство позволяет увидеть то, что недоступно постороннему взгляду. Первая поездка Валентина Распутина на родину в Аталанку (весной-летом 1962 г.) с женой и сыном примечательна важной деталью. «В напряженной суете, незадолго до посадки на теплоход, не знаю по какому поводу, Валя в разговоре с женой внезапно вспылит. Запомнился этот случай не столько своей редкой резкостью со стороны Валентина, сколько реакцией Светланы. Несмотря на то, что она и сама была в беспокойстве, да еще с грудничком на руках, вся в заботах о нем, о маленьком, нашла для своего голоса удивительно успокаивающую тональность и, отвечая мужу, погасила возможный взрыв. Случай крошечный, мимолетный, да и не случай даже, а только его дальний отсвет, но вот запомнился. Думается, что в эти минуты Светлана беспокоилась, прежде всего, не о себе, а о Валентине, оберегая семейную двуединую суть» [2, с. 144]. Не чужим взглядом прохожего или случайного человека, а сердцем друга замечена отзывчивость, ответственность жены за семью, за ее крепость. Преданность, чуткость, самоотверженность сохранились в отношении С.И. Распутиной к мужу в течение жизни.

А.С. Гурулев выделяет в характере Светланы Ивановны главное для писателя – умение создать особую обстановку в семье: тишину, внимание, отвлечение от бытового, мелкого, случайного, «творческий уют». И объясняет эту редкую способность уникальной писательской семьей, в которой выросла Светлана. «Валентину повезло. Его Светлана прошла спецподготовку по курсу, который бы мог называться “Особенности обращения с творческой личностью”. Дело в том, что ее отец, Иван Иванович, был известным в свое время поэтом Молчановым-Сибирским. И она знала такие важные мелочи, что кружка горячего и крепкого чая поутру может помочь творческому человеку обрести себя, обрести рабочее состояние, что нельзя заходить в кабинет, где он пытается отстраниться от всего мира ради своего мира, даже с такими заботами, как “А что тебе приготовить на обед?”. Тем более для решения каких-то проблем. Это все потом, когда придет время, когда откроется дверь кабинета и творец выйдет за очередной кружкой чая» (Там же, с. 145). В этом качестве выразилась суть отношения жены к мужу-писателю.

Светлана Ивановна могла быть жесткой, несгибаемой в отстаивании здоровья, интересов мужа, и с этим друзьям писателя приходилось считаться, признавая в душе ее правоту. В политической и экономической ситуации 90-х гг. Светлана Ивановна могла быть «воинственна и непримирима: кто-то чужой пытался разрушить мир, который она создала и оберегала» (Там же, с. 149). Твердой она была и в выполнении мужем медицинских предписаний. А.С. Гурулев вспоминает: «Затем прием лекарств. Светлана это дело отслеживает строго. Валентин принимает лекарства привычно и послушно: у Светланы не забалуешь» (Там же, с. 147). Бывая у друга в Москве, А.С. Гурулев отмечает множество гостей в доме. «В его московской квартире довелось увидеть “золотой запас” русской литературы – Василия Белова, Ев-

гения Носова, Владимира Крупина. Этот список можно многократно умножить: из разговоров я знал и о других не менее ярких писателях, появлявшихся здесь. И всегда чувствовалось, что “народ” пришел не случайно, не разово, а привычно, привычно воспринимая душевный уют распутинской гостиной. Тут, пожалуй, требуется некоторое уточнение: Светланиной гостиной» [2, с. 148]. Чтобы дом был притягательным и гостеприимным, необходимо было участие не только хозяина, известного писателя и отзывчивого человека, но и хозяйки, создававшей душевную теплоту и уют. Свидетельство А.С. Гурулева дополняют воспоминания Н.Л. Крупиной, А.В. Пантелева, Н.В. Дуловой и других людей, бывавших в московской квартире Распутиных.

Люди близкие В.Г. Распутину отмечали, как тяжело переживал писатель уход Светланы Ивановны из жизни. Даже при его сдержанности и молчаливости видны были признаки страдания. Друзья, стараясь утешить, окружали вниманием и пытались его отвлечь, но чувство одиночества оставалось в душе человека. Боясь тронуть глубоко затаенное, А.С. Гурулев отмечает, что мысленно В.Г. Распутин продолжал находиться где-то рядом с женой. «А заговорил он о Свете, о том, что Света была для него надежнейшей опорой, что она никогда не давала даже малейшего повода усомниться в ее надежности, верности, искренности. Быть может, я лишь тогда острее понял, какое чувство одиночества, невосполнимой потери он испытывает: мы говорили ведь совершенно о другом, как теперь понимаю, уже мало значимом в его жизни, а вся суть Валентина колотилась в том прошлом, где была Светлана» (Там же, с. 146). Друг писателя уверен, что Светлана была опорой и сутью жизни Валентина Распутина, ее важной, необходимой частью. Подводя итог полувековому знакомству с семьей Распутиных, автор заключает: «Если браки заключаются на небесах и при выборе жены участвуют высшие силы, то светлые силы весьма ответственно потрудились, подбирая жену Валентину» (Там же, с. 142). В признании роли Светланы Ивановны в жизни В.Г. Распутина заключается высшая оценка того, что крепость семьи, воздвигнутая любовью и стараниями жены, помогла состояться литературному и обществу таланту писателя.

Н.В. Дулова, друг семьи Молчановых и Распутиных, Светлану помнит с раннего детства. Их матери, В.С. Молчанова и А.И. Басманова, познакомились во время войны, стоя в очереди за хлебом [3, с. 124]. У Н.В. Дуловой в памяти осталось впечатление от первой встречи с Валентином Распутиным, показавшимся маленькой девочке молчаливым, застенчивым и добрым человеком. Позднее она удивлялась его нежности к своим и к чужим детям. По воспоминаниям Н.В. Дуловой, Светлана выросла в большой и дружной семье, щедрой на добро, трудолюбивой, где все помогали друг другу. К Виктории Станиславовне В.Г. Распутин относился с особой теплотой. Замечательный факт, что именно В.С. Молчанова отнесла очерки зятя в редакцию журнала «Ангара». Н.В. Дулова вспоминает: «Виктория Станиславовна рассказывала мне, что отнесла первые рассказы зятя (“Я забыл спросить у Алешки” и др.) Марку Сергееву, главному

редактору альманаха “Ангара”, тот очень похвалил их, но напечатать их в альманахе было не так-то просто» [4, с. 81]. Это было еще в период знакомства Светланы с Валентином Распутиным (кон. 1960 – нач. 1961 гг.). При отце дом Молчановых «был местом встреч городской интеллигенции. Здесь бывали все сибирские писатели, писатели из столицы, которых я почти не помню, но знаю из маминых рассказов о том, как она видела здесь Твардовского, слушала интересные рассказы иркутских редакторов» (Там же, с. 79). По мнению автора воспоминаний, семья Молчановых была радушной, гостеприимной, любящей, и напоминала семью Ростовых. «Но только бедность была не “ростовская”» (Там же).

Н.В. Дулова отмечает редкое качество С.И. Распутиной. «Света была крепкая, организованная, все умеющая, по-настоящему счастливая. <...> Счастье, как известно, все же мгновенно, длительность счастья – это редкость из редкостей... Свете выпала такая редкость. Но это не внушало ей опасную мысль, что она сама *это заслужила*, что она особенная и достойная. Думаю, что она понимала: счастье – это не столько заслуга, сколько дар небес» (курсив наш. – В. И.) (Там же, с. 81–82). Светлана Ивановна любила делать подарки. Такую щедрость и трудолюбие она принесла из своей семьи. «Семья была на редкость гармоничной и гостеприимной. Света все делала быстро, была настоящей хозяйкой, могла состряпать пироги из деликатесов, а могла на даче – из ревеня. Все Распутины радостно общались друг с другом на отдыхе, но очень много трудились, умея сочетать увлеченность с самодисциплиной» (Там же, с. 82). В семье царила теплая атмосфера, человек испытывал «там особый психологический комфорт», «деликатность и тактичность Светы и ВГ были уникальными», они днем могли говорить шепотом, чтобы не разбудить гостя (Там же, с. 85). И еще одна биографическая деталь. На даче по байкальскому тракту был построен «зимний дом, в котором Распутин мечтал провести свою старость» (Там же, с. 84). На мансарде этого дома была размещена большая библиотека писателя, включавшая книги дочери.

Драгоценны воспоминания Н.В. Дуловой о последних днях Светланы Ивановны, ее стойкости в болезни и заботах о муже. «Будучи больной, она все успевала, ничего не забывала и думала, как муж будет жить без нее. За месяц до ее кончины я сидела рядом с диваном, на который она впервые позволила себе лечь при мне» (Там же, с. 92). Тогда же прозвучало и осталось в памяти близкого человека сокровенное желание Светланы Ивановны «Я бы так хотела умереть с Валей в один день» [3, с. 138] как свидетельство высшего согласия двух людей. Преданность семье и мужу Светлана Ивановна сохранила до конца своих дней.

В июле 2012 г. А.В. Пантелеев летит в Иркутск, чтобы утешить В.Г. Распутина после ухода из жизни Светланы Ивановны. Он собрал слова поддержки от семей В.Я. Курбатова, И.Ф. Гончарова, Н.Н. Скатова, А.А. Королькова, от В.Н. Крупина и Н.Л. Крупиной и десятка других людей. Все помнили Светлану Ивановну. Всегда в московской квартире Распутиных, пишет А.В. Пантелеев, были гости, по одному, чаще по два и более, писателей, художников, политиков,

военных и даже незнакомых людей. Наблюдательный взгляд оператора и фотографа улавливал привычность гостеприимства в семье, устойчивость порядка, сердечность участия во встрече людей, незаметную поддержку в семье друг другу. «Светлана Ивановна приветливо встречала их в прихожей, потом “передавала” Валентину Григорьевичу, а сама незаметно уходила из квартиры, отправляясь за продуктами, прекрасно сознавая, что хозяйка всегда должна быть в таких случаях “на высоте”. Без видимой суеты и спешки она быстро справлялась с сервировкой стола, никого не привлекая в помощники и отказываясь от непереносимых в таких случаях предложений и услуг со стороны гостей. Единственной помощницей ее в такие моменты становилась Мария...» [13, с. 125]. Порядок приема гостей сохранялся даже тогда, когда хозяйка была больна. В потоке гостей, который был в доме В.Г. Распутина, жизнь Светланы Ивановны была служением призванию мужа, его литературной и общественной деятельности.

Н.Л. Крупина вместе с мужем писателем В.Н. Крупиним, будучи близкими друзьями семьи Распутиных, часто приходили к ним в гости. В.Н. Крупин приезжал и в Иркутск. Двух писателей связывала не только профессиональная дружба, но и крещение В.Г. Распутина, о чем В.Н. Крупин неоднократно писал. Лаконичные слова Н.Л. Крупиной полны восхищения и благодарности. «Несчетное число раз выйдя из метро на Кропоткинской, мы торопились к ним, в их светлую, приветливую, гостеприимную квартиру, где тебе всегда было хорошо, где можно было сказать обо всем, о чем думал, что вызывало твою тревогу, боль, радость, и всегда найти отклик и поддержку» [8, с. 140]. Н.Л. Крупина пишет о том, что оба, Светлана и Валентин, «оба очень чуткие к слову» (Там же, с. 143), не терпели фальши, и потому их дом был наполнен искренними, теплыми, веселыми словами.

В характере С.И. Распутиной автор воспоминаний выделяет любовь к семье, цельность отношения к мужу как к родному человеку и писателю. «Светлана безгранично любила свою семью: мужа, детей, внуков, родственников. Любовь Светы к Вале была особого свойства: он был для нее не только любимым человеком, но и, несомненно, любимым писателем. Открыто она об этом, конечно, не говорила, но благоговейное отношение к творчеству Валентина чувствовалось во всем» (Там же, с. 140). «Светлана делала все, чтобы он <муж> не знал никаких забот о быте. Распутинский дом держался на ней: его уют, радушие, хлебосольство создавались ее руками, душой» (Там же, с. 142). Автор называет Светлану Ивановну ангелом-хранителем семьи, детей. Для детей важны были не столько указания родителей, а их «поступки и образ жизни», как и в родительском доме Светланы Молчановой. «Как любила она их – Сережу и Марусю; тревоги и радости Сережи, Маруси мама делила с ними всем сердцем, проникалась ими и помогала всеми своими силами» (Там же, с. 144). Искренняя любовь матери и жены объединяла общим чувством семью, давая сердечную поддержку каждому. С этим чувством связано и чувство близости с другими людьми, душевное с ними родство, которое ощущали те, кто приходил в дом Распутиных.

Вновь в характере Светланы Ивановны подчеркивается выдержанность, самодисциплина, умение справиться с собой, мужество и стойкость. «Но я ни разу не слышала от нее ни слова недовольства чем-то, упрека, жалобы на усталость, не видела раздраженной, повысившей голос. Светлана была достойной Валентина во всем. Внешне и внутренне красивый, глубокий, разносторонний, со своими убеждениями и взглядами, удивительно скромный человек, она всегда оставалась другом и единомышленником своего гениального супруга» [8, с. 140–141]. Отмечена твердость характера и в преодолении болезни. «Хрупкая на вид, она обладала удивительным твердым характером. Она боролась со своей болезнью как боец, никому не показывая, чего это ей стоило» (Там же, с. 144). И вновь среди достоинств С.И. Распутиной выделяется скромность, умение вовремя оказаться рядом, помочь кому-то из друзей и близких. «Хочу отметить ее удивительную скромность. Державшая семейный свод на своих хрупких плечах, создававшая все условия для работы мужа, она никогда и никаким образом не показывала своей значимости в судьбе близких, хотя все знавшие семью Распутиных были уверены в том, что заменить Светлану никто бы не смог. В нужный час, в нужное время она оказывалась рядом с тем из своих родных и друзей, кто более всего нуждался в ее участии и конкретной помощи» (Там же, с. 142). Это же участие и помощь близким людям в характере С.И. Распутиной выделяет племянница Е.Е. Николаева и подруга Г.А. Николаева.

В памяти Н.Л. Крупиной встают искренние семейные праздники Распутиных и «скатерть-самобранка», возникающая «почти круглосуточным стоянием у плиты» Светланы Ивановны. «А пироги, Боже, какие пироги ожидали гостей! Как гости, знающие Светин талант, ждали этих пирогов! Они wpłyвали в комнату на больших противнях, блюдах, пышные, высокие, торжественно водружались в центре стола и обязательно требовали здравицу за хозяйку дома, за ее здоровье, мастерство, объединяющий нас всех человеческий талант, что всегда делалось с большим воодушевлением. При уходе нам всегда вручался со словами: “Для мамы и внуков”, – аккуратно завернутый внушительный кусок Светочкиного замечательного пирога» (Там же, с. 143). Вдохновение, с которым выполнялась многочасовая домашняя работа, могло идти только от любящего сердца. Талант гостеприимства, умение слушать человека, принимать душой, умение печь пироги передались Светлане Ивановне от мамы и атмосферы семьи, в которой она выросла, любви, которой окружали детей и людей ее собственные родители. Приемы гостей, повседневные привычки и детали домашнего уклада семьи Распутиных выдают искренность и открытость хозяев, общий для семьи человеческий талант. Участие к человеку, заинтересованное внимание, желание помочь были характерны для дома Распутиных.

1961 год, начало семейной жизни Валентина Распутина, отмечен влюбленными в жизнь очерками – о Тофаларии [6]. Первый очерк из тофаларского цикла «Край возле самого неба» (12 февр. 1961 г.) [14] дал название первой книге очерков начинающего писателя (1966) [15]. В них автор особенно внимателен, чу-

ток к новому для себя миру – народа тофов, вдохновенно его слово. Не заметить этого невозможно, следя за развитием дара писателя в 1960–1961 гг. Старуха-тофаларка из зарисовки «Старая охотница» (1961) [16], опубликованной в газете «Советская молодежь» как очерк «Всех понятней тайга» [17], дала начало распутинским старухам. Этот творческий взлет и вхождение в судьбу писателя состоялись для Валентина Распутина рядом со Светланой Молчановой, ставшей осенью 1961 г. матерью его сына.

После Читинского семинара молодых писателей Сибири и Дальнего Востока (сентябрь 1965 г.), поддержки В.А. Чивилихина В.Г. Распутин принимает судьбоносное решение. Уже на следующий год, в марте 1966 г. он уходит из газеты «Красноярский комсомолец» [1, с. 49], чтобы посвятить себя литературному творчеству, стараясь напечатать то, что было написано за годы работы в газете, и написать новое. Тогда же в марте Распутины возвращаются в Иркутск. Для начинающего автора это был уход в неизвестность, неопределенное будущее, не обеспеченное даже членством в Союзе писателей. В.Г. Распутин знал о рекомендации В.А. Чивилихина (дек. 1966 г.), собирал документы для вступления в Союз писателей, но само принятие произошло только в мае 1967 г. Уволившись из редакции областной газеты в марте 1966 г., где он был спецкором, журналист отказывался от стабильного финансового и социального положения. Участие жены в решении мужа в этой ситуации было ключевым, поскольку молодая семья оставалась жить на скромный заработок преподавателя в ожидании возможных гонораров мужа. По возвращении в Иркутск Светлана Ивановна устроилась ассистентом на кафедру высшей математики Иркутского института народного хозяйства, где и проработала преподавателем всю жизнь. Роль жены в выборе литературного пути мужа подтверждает Е.И. Молчанова: «По настоянию Светланы, Валентин оставляет работу в редакции и уходит на профессиональную литературную деятельность. Решиться на это было непросто (пресловутый материальный фактор!), но Светлана уже ясно понимала, что ее муж – талантливый писатель – и не должен растрчивать себя на поездки по области, на написание очерков (хотя и очерки у него были необычными), ведь у Валентина уже зарождались темы новых рассказов и повестей, а для их написания нужно драгоценное время» [9, с. 34–35]. О том же пишет и Г.А. Николаева: «Света со всей настойчивостью смогла убедить его оставить работу, и они оказались в очень непростом финансовом положении, когда постоянным был только ее заработок. Валя лишь получал гонорары за нечастые публикации в газетах. В “Ангаре”, в “Енисее” появлялись Валины рассказы. Как счастлива была Света, когда вышел сборник его рассказов “Человек с этого света”» [11, с. 113].

Неожиданная мысль одной из родственниц, двоюродной тети Али (Анелии Семеновны Шишловой), высказанная, словно для будущих исследователей, в письме Светлане Ивановне. «Это великое счастье и большая ответственность – быть женой великого Писателя. И я рада за тебя, что на твою долю выпала такая счастливая судьба. Между прочим, пора бы

прочитать в рассказах Валентина Распутина прообраз его жены, простой, истинно русской женщины, по-сибирски сдержанной и по-московски нежной (а может быть, наоборот). Его жена – это чистый родник, целебные свойства которого придают творческие силы писателю. Читатели это чувствуют» (письмо от 14.07.1995) [9, с. 58]. Значимость жены в литературной судьбе писатель в 40-летнюю годовщину их совместной жизни отметил надписью на книге «Сибирь, Сибирь...»: «эту книгу как знак благодарности за продвиг мученичества и любви и как результат наших общих трудов» (Там же, с. 32). Общность трудов выделена заключительной позицией слов в высказывании. Младшая сестра убеждена, что «Светлана была очень заботливой, любящей женой, старалась создать Валентину все условия для работы, но вместе с тем – она – первый читатель, строгий и справедливый критик» (Там же).

Главным источником определения значимости С.И. Распутиной в жизни писателя остаются признания самого В.Г. Распутина. Скупые слова, передающие острую душевную боль, в письмах к другу, А.А. Королькову. «С уходом Светланы я не просто без родной жены остался, но и себя окончательно потерял. <...> Не говоря уже о том, что она и кормила, и одевала меня. Ей было за что обижаться на меня, но обижалась крайне редко и сама же потом успокаивала меня, чтобы я не волновался. Ой, да что говорить: осиротел» (письмо от 09.07.2012) [7, с. 263–264]. «Года два, даже три ей пришлось быть не только кормилицей-полицей, но и моим поводырем, потому что память моя ахнула неизвестно куда, и я мог блудить не только в Москве, но и в Иркутске» (письмо от 21.08.2012) (Там же, с. 264–265). «Неделю назад уходу Светланы исполнилось полгода – позвонил Сергею, чтобы не забыл съездить на кладбище, и, чтобы не оставаться в одиночестве, полдня бродил по близким улицам. Нигде нет покоя измученной душе – ни в Иркутске, ни здесь» (письмо от 09.11.2012) (Там же, с. 267). А.А. Корольков убежден: «Конечно, как никто другой, мир Распутина знала и понимала его жена, Светлана <...>» (Там же, с. 169). Этой обобщающей, итоговой формулой можно завершить портрет жены писателя В.Г. Распутина.

Два человека, прожившие вместе более пятидесяти лет, – Валентин Григорьевич и Светлана Ивановна Распутины – общей судьбой написали «книгу», красивую, светлую, могущую стать примером в преодолении трудностей и служении высшему. Ненаписанный сюжет которой, возможно, когда-нибудь вдохновит равнодушного писателя. Мемуарные источники, эпистолярное наследие писателя и его семьи, фотографии, документы из семейных архивов помогают объемно представить личность писателя в окружении близких ему людей, создающих условия для творчества и среду, которая это творчество питает. Облик Светланы Ивановны, любящей, строгой, мужественной, выдержанной, дисциплинированной, трудолюбивой, счастливой рядом с мужем, укрупняет личность и творчество В.Г. Распутина. Жена помогла начинающему автору встать на литературный путь и остаться на нем. Сама же отдала себя семье и детям, создавая необходимые условия для писательской и

общественной работы мужа. Взяла на себя большую часть хозяйственных забот – обыденных, рутинных, постоянных, опекая мужа во многих болезнях, многих тяжелейших операциях, делах, приемах гостей. И это служение. Рядом с писателем находилась женщина, несущая и хранящая традиции родительской семьи, сумевшая передать дальше полученное из нее тепло, заботу, любовь к людям. Своей верностью, надежностью она подтверждала жизненность художественных образов, созданных воображением и словом мужа-писателя. Более пятидесяти лет оберегала того, кто сам берег Байкал, Сибирь, Россию. В литературном и общественном наследии В.Г. Распутина содержится и ее часть труда.

Литература

1. Валентин Григорьевич Распутин : биобиблиографический указатель / составитель Г. Ш. Хонгордоева, Э. Д. Елизарова ; редактор Л. А. Казанцева. – Иркутск : Издатель Сапронов Г. К., 2007. – 472 с.
2. Гурулев, А. С. Остановиться... и оглянуться. Воспоминания о Распутине / А. С. Гурулев. – Иркутск : Издательский центр «Сибирь», 2017. – 192 с.
3. Дулова, Н. В. Молчановы и Распутины в моей жизни / Н. В. Дулова // «...Жить в полную силу». Воспоминания о Светлане Распутиной. Воспоминания, стихи. – Иркутск : Принт-Лайн, 2019. – С. 123–139.
4. Дулова, Н. В. Общение с В. Г. Распутиным / Н. В. Дулова // Александр Вампилов и Валентин Распутин: творческий потенциал «иркутской истории»: материалы Международной научной конференции / ФГБОУ ВПО «ИГУ»; ответственный редактор И. И. Плеханова. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2017. – С. 79–92.
5. Зыков, В. П. Валентин Распутин. Комсомольские годы в Красноярске / В. П. Зыков // Живем и помним. Воспоминания о Валентине Распутине / предисловие В. Скифа. – Иркутск : Репроцентр А1, 2017. – С. 198–212.
6. Иванова, В. Я. Образы тофов в поэтике Валентина Распутина / В. Я. Иванова // Актуальные проблемы монголоведения и тюркологии: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию бурятского отделения ИГУ (Иркутск, 2 ноября 2019 г.) / ФГБОУ ВО «ИГУ»; ответственный редактор В. И. Семенова, Э. А. Яманова. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2019. – С. 126–134.
7. Корольков, А. А. Нравственная философия Валентина Распутина. Очерки. Письма / А. А. Корольков // Корольков А. А. Дневники. – Санкт-Петербург : Росток, 2018. – 272 с.
8. Крупина, Н. Л. О Светлане Распутиной с любовью: живем и помним / Н. Л. Крупина // «...Жить в полную силу». Воспоминания о Светлане Распутиной. Воспоминания, стихи. – Иркутск : Принт-Лайн, 2019. – С. 140–145.
9. Молчанова, Е. И. Моя старшая сестра / Е. И. Молчанова // «...Жить в полную силу». Воспоминания о Светлане Распутиной. Воспоминания, стихи. – Иркутск : Принт-Лайн, 2019. – С. 7–87.
10. Молчанов-Сибирский, И. И. Из писем к В. С. Молчановой // И. И. Молчанов-Сибирский. Мое предместье: стихи, рассказы, очерки, письма / составитель В. С. Молчанова / И. И. Молчанов-Сибирский. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1985. – С. 190–205.
11. Николаева, Г. А. По волнам моей памяти / Г. А. Николаева // «...Жить в полную силу». Воспоминания о Светлане Распутиной. Воспоминания, стихи. – Иркутск : Принт-Лайн, 2019. – С. 110–122.
12. Николаева, Е. Е. Всегда рядом, всегда вместе / Е. Е. Николаева // «...Жить в полную силу». Воспоминания о Светлане Распутиной. Воспоминания, стихи. – Иркутск : Принт-Лайн, 2019. – С. 88–98.
13. Пантелеев, А. Памяти Валентина Распутина / А. Пантелеев // Мир Шолохова. – 2017. – № 1(7). – С. 124–129.
14. Распутин, В. Край возле самого неба / В. Распутин // Советская молодежь. – 1961. – 12 февраля. – С. 3.
15. Распутин, В. Край возле самого неба : очерки и рассказы / В. Распутин. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1966. – 66 с.
16. Распутин, В. Старая охотница : зарисовка / В. Распутин // Ангара. – 1961. – № 3. – С. 107–109.
17. Распутин, В. Всех понятней тайга / В. Распутин // Советская молодежь. – 1961. – 11 мая.
18. Распутин, В. Красный день / В. Распутин. – URL : <http://prkas.ru/index.php?id=482> (дата обращения: 17.07.2021). – Текст : электронный.

V.Ya. Ivanova

«MY FATE». SVETLANA AND VALENTIN RASPUTINS

New sources (2017–2019) presented by E.I. Molchanova, E.E. Nikolaeva, G.A. Nikolaeva, A.S. Gurulev, V.P. Zыkov, N.V. Dulova, A.V. Panteleev, N.L. Krupina, A.A. Korolkov, allow you to recreate the atmosphere of the family of Svetlana Molchanova, reveal her character, role in the fate of V.G. Rasputin. Memoirs, epistolary, documentary materials open up new facts for the scientific biography of the writer and allow a new look at his work.

Biography of the writer, wife of the writer, memoirs, letters, diaries.

А.В. Марков

Российский государственный гуманитарный университет

СПЕЦИФИКА СЛОЖНЫХ ЭКФРАСИСОВ В ПОЭЗИИ ПЕТРА БРАНДТА

Впервые в мировой науке анализируется поэзия одного из ведущих современных поэтов Петербурга Петра Брандта, устанавливаются основные свойства его поэтики и своеобразие работы с живописным материалом. Доказывается, что в поэзии Брандта осуществляется особый тип экфрасиса, в котором вещи описываются как часть интерьера, но это описание является не репрезентацией вещей и образов, но их критическим подрывом. Брандт вполне принимает логику современного мирового искусства, критикующего репрезентацию, но при этом создает своеобразную социологию, где модель интерьера и сложной игры света, оттенка и цвета оказывается частью представлений об общественном развитии. Развитие общества Брандт мыслит как размыкание дружеских кругов, под влиянием общих законов эпифании, которая не сводится к частным смыслам, тогда как дружеский круг образован наложением семантического и эстетического отношения к языку. По сути, Брандт иллюстрирует в стихах свою концепцию социального действия, но представляя ее как своеобразный театр вещей. В мире любования вещами, аффектов, которые при этом подчинены общим законам композиционной уместности, и раскрывается то, как возможно действовать внутри языка – речевые стратегии, не входящие в литературный язык, оказываются предметом иронически-отстраненного взгляда, а литературный язык мыслится как иллюстрирующий всякий раз телеологическую метафизику вещей.

Петр Брандт, образ Петербурга, метафизическая поэзия, философия языка, экфрасис, неофициальная поэзия, Самиздат.

Введение

Петр Львович Брандт (р. 1947) – один из наименее изученных поэтов ленинградской «второй культуры». Хотя его стихи публиковались в выдающихся изданиях, вполне отражающих литературу андеграунда, таких как антология К. Кузминского «У голубой лагуны» и журнал В. Кривулина «Часы», единственное представительное издание его стихов самиздата вышло в 2000 году. Две книги новых стихов, «Вино одиночества» (2011) и «В Петербурге время блюза» (2018) не были замечены критикой. Он – один из немногих признанных поэтов так называемой второй культуры, чье актуальное собрание стихов расположено не на специальном сайте или портале, а на ресурсе свободных публикаций Стихи.ру [1] (далее стихи цитируются по этому источнику как авторизованному). «Ветеран 70-х годов», как назвал его С. Завьялов [5, с. 323], мало известен. Дело будущих исследований – выяснить, как влиял на его стиль высокий модернизм XX века (Бодлер, Рембо, Валери, Элиот – этих поэтов Брандт прочел в оригинале), ленинградская поэзия Самиздата старшего поколения (Роальд Мандельштам, Леонид Аронзон – Р. Мандельштам Брандт считает своим образцом [2]) и современная ему, с усиленным религиозным элементом (Олег Охупкин, Елена Шварц).

Такая странная известная безвестность, вероятно, может быть объяснена тем, что Брандт направлял острие критики на состояние не культуры, но языка. За этой критикой стояло особое понимание языка как способного передать религиозную метафизику, что трудно соотносить как с динамичными религиозными

поисками его современников, так и с культом языка Бродского. Брандт оказывается как будто преданным языку, но столь же вполне преданным критике языка, поэтому вписать его в какое-то историческое повествование, в котором выясняется влияние мировоззренческих установок на творчество, очень трудно. Здесь нужно скорее говорить о параллельном существовании этих установок и творчества, о самореализации проекта критического языковедения. Такой *аутопойесис* (самореализация) поэтической программы не позволяет сразу наметить те точки, из которых можно анализировать влияние тех или иных образов, мотивов или знаний на форму и содержание его произведений. Понятие *аутопойесиса* и будет ключевым при рассмотрении сложных внутренних переключек внутри его стихов, посвященных интерьерам и произведениям искусства.

Основная часть

Критическая функция проекта Брандта, критического возрождения литературного языка, как и языка повседневного общения, реализуется прежде всего в отношении к официальному и неофициальному языку советскому времени, который он рассматривает не как систему трансформаций, искажений и продуктивных инноваций, но как некоторую целостность, развивающуюся вместе с обществом и нежизнеспособную без нее. Как писал Брандт в эссе о драматурге Саше Попове: «Существовал и существует советский язык, и, увы, это касается не только рассказов про “красные флаги”. Советский язык столь же многообразен, как и само советское общество и охватывал все его слои» [4]. Бюрократизация или демократизация

языка не так существенны для Брандта, как некоторая утрата благородства при высокой функциональности языка – поэтому речевые идеологические конструкции и могут, согласно Брандту, функционировать даже после распада советского общества, благодаря такой функциональной эффективности.

Но Брандт также сразу выдвигает и положительную программу виртуозного и благородного языка, который отождествляется не с языком субкультуры, но потенциально – с национальным языком: «Реплики были точны, лаконичны и при этом очень красивы и умны. Это был современный живой язык, но не общепринятый, язык почти никому не известного, интеллектуального Петербурга 1960–1970-х годов» [4]. Казалось бы, любованию возможностями языка противоречит самой идее современного живого языка как национального, обеспечивающего социальное функционирование страны и народа как таковое – имманентность языковых задач не совмещается с восторгом перед умом и красотой, чем могут наделяться скорее мысли, чем реплики. Но для Брандта как раз способность языка быть не общепринятым подтверждает, что содержание произведений зависит не столько от влияний и заимствований, сколько от того, насколько такой благородный и при этом доступный язык состоялся.

Состоятельность благородства как общего достоинства для Брандта, давшего подробное биографическое интервью [3], определяется десятками, а по его предположению даже сотнями дружеских кругов, где просто достоверность высказывания, что друзья его примут и передадут дальше, определяется его признанием в качестве благородного. Признание здесь и оказывается способом как оценки культурного вклада, так и распространения задач круга или кружка за пределы его интересов: объединившись вокруг, скажем, литературы, музыки или помощи животным, такие кружки могут получить признание других кружков благодаря уже состоявшемуся признанию кого-то внутри кружка как способного говорить на таком ясном и недвусмысленном языке.

В этом интервью Брандт, с признательностью говоря о социальных завоеваниях СССР, считает, что омертвление бюрократического языка было практически язычеством – косные формулировки превращались в идолов (позволим здесь заметить, что греческое *идол*, от *эйдос* с уменьшительным суффиксом, может быть калькировано по-латыни как *формула*). С этим Брандт связал недостаток милосердия в современной России: так, если бездомного называть формульным словом «бомж», то никто не придет ему на помощь, не поступит как добрый самарянин, водитель автобуса его высадит. Тем самым формульный язык, с одной стороны, клеймит других людей, например бездомных и мигрантов, а с другой – производит инструкции, которые направляют немилосердные шаги людей, так что люди этого не замечают. Тем самым искомым им благородный и прекрасный язык должен разрушать как стереотипы, так и инструкции, показывая, как содержание предмета создается само в языковом опыте, оно *аутопойетично*, соответствуя действительному признанию предмета. Если другой – человек, значит, он и должен быть признан не меньше, чем ты сам.

В живописи Брандта как современного христианского поэта как раз интересует, как дружелюбная природа вещей раскрывается напрямую. В аутопойетическом пространстве такая прямота тождественна интенсивности самосозидания, которую и стремится передать каждое стихотворение этого поэта – здесь его поэзия становится не изобретательной, а репрезентирующей. С. Завьялов удачно назвал стихи Брандта «энергичные живописные тексты» [5, с. 323], имея в виду, что подражание живописным эффектам в этих стихах раскрывает особую энергию вещей, каждая из которых действует только ей присущим образом. Каждая такая вещь образует свой круг восприятия, и эти круги складываются потом в общее поле сюжетных решений – здесь социология Брандта, представленная ниже, соответствует его эстетике. Этим и объясняется главное свойство экфрасисов Брандта: это описание не столько произведений искусства, сколько их *бытования в качестве вещей в каком-то помещении*.

В таких экфрасисах главенствует поэтика увлеченного перечисления, связанная с Петербургом и петербургским образом жизни исторически, от «Приглашения к обеду» Державина до «Столбцов» Заболоцкого. В поздних стихах Брандта, как «Родной уголок города», гротескный эффект перечислений достигается стилистическим макаронизмом клише постсоветской обыденной речи: «Заморских брендов знаменитых», «Элитной дорогой посуды». Поэзия застолья, восходящая к первой главе «Евгения Онегина», оказывается здесь осовременена особым образом: это не идеологическое стремление приблизиться к современности, а функция речи, которая заговорив о современниках, поневоле поворачивается и к миру их вещей и оценок, чтобы произвести самые прямые эффекты мысли. Современник думает о брендах, и бренд прямо оказывается в стихах; точно так же как в стихах оказывается и вещь во всей ее красоте и ответственности.

Такая замена семантического внимания непосредственными эффектами речевой стилистики усиливается в его стихах мнимыми тавтологиями вроде «Внутри царит порядок чинный», а каким еще может быть царящий порядок? – но слово «царит» превращает «порядок чинный» из простого эмфатического указания на усердие при наведении порядка в любовании придворным распределением деталей. В этом же стихотворении, отразившем пушкинским слогом новейшие реалии, такие как социальные сети («Какой-то деловой мужчина / вонзился с кружкой капучино / в экран смартфона своего, / ища свое в сетях его») есть экфрасис интерьеров магазина, на этот раз музыкального:

Напротив, за стеклом зеркальным,
зал с инструментом музыкальным
и тут же, как из тьмы веков –
стенд театральных париков.

Зеркальное стекло – это и вид стекла, и возможное указание на темноту в магазине, так что в стекле мы видим и свое изображение, на что намекает «тьма веков», как бы ассоциативно вызывающая реальную тьму

в магазине. Стертая метафора далекого прошлого заставляет воспринимать безответственную оптику захваченного перечислениями *фланёра* в некотором приглушенном свете, сосредотачиваясь на бытовании вещей.

Употребление единственного числа в родовом смысле, «инструментом музыкальным» как указание на тип товара, усилено появлением слова «стенд», указывающего на свободную витринную расстановку: не так важно, что инструменты символизируют и выражают, а важно, что они есть. Для Брандта такая метафизика вещей всегда важнее идеологической символики, поэтому он во многих стихах внимателен к музыкальным инструментам и самой музыке стиха (фонетика Брандта требует еще дальнейших исследований): в отличие от театра с режиссерским канонизмом, который обречен поддерживать режиссер, музыка при всей власти дирижера подразумевает внезапную импровизацию, вовлекающую всех в этот порядок, как в тот самый социальный круг, для которого имеющийся язык эмоций ясен и приводит к благому действию, направленному и на другие круги.

Итак, предметом экфрасисов Брандта является собственная жизнь вещей, в смысле не банального олицетворения, а уже вовлеченности в сценарии жизни как в дружеские круги. В этом же стихотворении дальше витраж в кафе назван «Витраж давно прошедших лет», и это указывает не столько на дополнительную семантику вещи, что кафе существует давно и уже стало легендарным, сколько на то, что прошлый опыт сопровождает прежний способ видеть прошлое уже в ярком витражном свете, где видно бытование вещей прошлого и настоящего.

Для Брандта свет тогда оказывается моментом истины, соединяющим прошлое и настоящее в единую достоверность. Так, собор предстает «горя во мгле нетварным светом». Свет свечей, будучи материальным символом жара молитв, будучи помещен в алтарь, то есть в сакральную часть пространства, оказывается уже всецело духовным символом, самим явлением (эпифанией) нетварного света. Эта игра материально-духовного символа в интерьере, который и определяет оптические эффекты и сакрализацию самой метафизической субстанции пламени, еще подробнее выдержано в его стихотворении «Пасха красная». Во всех этих стихах Брандт, начиная с поэтики перечислений, говорит о дружеском круге посетителей кафе или прихожан храма, но ему важны не режимы ностальгии или мечты, но эпифания, в которой и ностальгия, и мечта оказываются лишь оттенками переживаний на метафизической и устойчивой поверхности вещей.

Образцовый экфрасис целой выставки – стихотворение «Портрет в интерьере». Оно, казалось бы, описывает условный аристократический быт, причем роскошный, дворцовый:

В старинных убранствах гостиной овальной
огонь ослепительной люстры хрустальной,
в хрустальных бокалах сверкнув на столах,
столовый сервиз отразил в зеркалах,

Событие света как истины подчиняет себе подробности явления вещей: вспыхивающий на люстре

свет позволяет вещам отражаться в соседних вещах, и без внимания к этой вспышке мы не запоем отразившиеся вещи, совершенно как правильный и прекрасный язык отражается в дружеском кругу и его привычках. В противовес привычной семантизации, когда отражение в зеркале вещей обладает дополнительным значением, независимо от метафизического содержания вещи, Брандт создает мир аристотелианский, а не платонический, где энергия вещи совпадает с ее телеологией, а не приводит к семантическому избытку, отдельному от текущих режимов бытования вещи.

Такая сложная оптика, когда свет люстры позволяет зеркалу отражать то, что стоит на столе, и при этом он же преломляется в хрустальных бокалах, вводит тот самый сюжет социальной нормы прекрасного языка: ослепительный свет сохраняет наш мир, если он сверкнет на миг, но станет отражением, помнящим об этом миге и передающем память вещам. Дальше сюжет получает развитие:

корзины плодов, ароматных и сочных,
в тени разноцветных букетов цветочных,
янтарь виноградной лозы молодой
и пурпур в графинах с фруктовой водой.

Казалось бы, обычное живописание обеда, когда фрукты и напитки представляются как краски для впечатляющей палитры, раскрывая содержание понятия кулинарного искусства, которое для Аристотеля и его последователей мало чем отличалось от искусства живописи. Но Брандт исходит не из кулинарной композиции, что повар нам продемонстрировал искусство, а из того, что цветочные букеты добавляют колорит прекрасным фруктам, хотя вроде бы цветы должны просто отбрасывать тень. Но у Брандта всегда если букет цветов цветной, единственная его задача – усиливать колорит. Из свойства языка, определения «цветов» как *колорита*, который усиливаясь, становится прекрасным, следует основной сюжет – устойчивости и несомненности впечатлений, их энергичности, несмотря на эфемерность сцены обеда. Это подтверждается дальнейшим движением стихотворения:

Сквозь слезы, в которых светила мерцают,
лазурное небо дитя созерцает
среди сотен цветов и оттенков иных
китайских шелков и одежд кружевных.

Хотя дальше и будет сказано «забытые эти картины», так что можно было бы подумать, что ребенок изображен на картине, но множественное число намекает, что картины эти существуют только потому, что их запомнил ребенок. Лазурь, прозрачный воздух, не может быть эффектом искусственного освещения, и окончательный сюжет оказывается таким: ребенок должен перейти к созерцанию чего-то другого, небесной лазури, несмотря на обилие впечатлений быта. Это подтверждается и финалом, сообщающим, как будет сокрушен историческими бурями спокойный усадебный быт, а значит, обилие впечатлений будет собрано только при созерцании самого движения

времени, самих истоков метафизической позиции – здесь аристотелизм примиряется с платонизмом, а вещи получают значение не только вещей дружеского круга, но и музейной памяти.

Действительно, среди стихов Брандта есть прямые описания музеев, как стихотворение «В музее Арктики и Антарктики», в котором страницы истории Русского Севера напоминают о мужестве и стойкости «вблизи примеров / бескомпромиссных староверов». Старообрядчество, сведенное к медийному выражению правильной и красивой речи, как написанное с чистого листа, «как шрифт старославянских слов», и именно поэтому суровое, черным по белому, без дополнительных украшений на этом белом листе, описано в стихотворении «Старообрядцы». Как на место привычного усадебного быта приходит музей, так на место устной речи дружеского круга приходит письмо сурового старообрядчества – и это не хронологическая, а, посмеём сказать, метафизическая последовательность. Экфрасис самого помещения знаменитого музея оказывается лаконичен как никогда:

Снуют нырки и куропатки –
сверкает стенд из оргстекла...

Иначе говоря, всё образцовое помещено на стенд, где даются репрезентации и формулы музея, но чучела существуют вне этих формул, как часть вполне бытового и более чем современного сюжета:

при этом каждый норовит
за хищной лапы грозный коготь
медведя белого потрогать,
пока смотритель в уголке
с японским гаджетом в руке
подвоха детского не чаёт

Вообще, описание стендов и витрин у Брандта – это всегда описание типов, типология и стереотипы могут существовать только на картинках, репрезентациях, тогда как в реальной жизни все ситуации индивидуальны. В этом смысле Брандт принадлежит как аристотелизму, так и критике принципа репрезентации, отказ от этого принципа, как от универсального, в послевоенном мировом искусстве, которое мы и называем contemporary art:

Два нарисованных грузина
Здесь так же молча сотворят
Свой винопельчешеский обряд. (...)
Араб с серебряной серьгой.
И разноцветною фольгой,
Вся в новогоднем конфетти,
Горит коробка ассорти.
Халва диковинного вкуса,
И под ладонями индуса
Вонзилась полная луна
В лоб шоколадного слона.

При этом вроде бы простое описание не так уж просто, в нем есть самореферентность, иначе говоря, отсылка и к свойствам медиа, передающих изображения, а не только к свойствам изображенных лиц и ве-

щей. Если грузин нарисован, то ясно, что он будет молчать (рисунок же молчит), и если араб изображен с серьгой, то она будет блестеть как фольга, равно как и ладони индуса не могут удержать большой диск луны, который как бы падает на слона под своей тяжестью. Можно сказать, что здесь описывается детское восприятие, но совсем особое, не просто видящее всё очень ярко, а видящее, как каждое самое простое рекламное изображение совершило действие, преднамеренное не сюжетом рекламной картинки, не тем, как ведут себя эти вещи, – а природой материалов, благодаря которой и состоялось изображение. В таком случае ребенок оказывается посредником между дружелюбными кругами, как способный сразу указать на действие, в том числе на эффект речи, и тем самым раскрыть действительную мощь правильного и прекрасного национального языка. Но можно сказать и другое, что здесь критика репрезентации вполне соответствует нормам современного мирового искусства, где заинтересованность в свойствах материала оказывается существеннее точности репрезентации окружающего мира.

В стихотворении «Русская старина» об известном антикварном магазине в Петербурге выставленные на продажу люстры горят, и неожиданно их свет напоминает не о помещении, где они находятся, но обо всех помещениях, где они висели:

В гостиных круглых и овальных
Горит десяток люстр хрустальных,
И их огнём озарены
Предметы русской старины.

Вроде бы мы опять говорим о мгновенном блеске и о дружелюбии предметов, но дружелюбие опять же не противоречит этой заинтересованности современного искусства в специфике материального субстрата. Предметы в дальнейшем сюжете стихотворения блещут, но вовсе не от света люстр и не от освещения магазинов, а от того основного дорогого материала, из которого они сделаны. Важна не композиция вещей, а реализация их материала:

В углу сияет ларь кленовый,
Обвитый костью слоновой,
Сервант с узорчатым ребром
Блестит столовым серебром.

В конце концов выясняется, что блестит позолота, причем она блестит не как золото, а вдруг соотносится с холодом мрамора и других металлов или с тусклой матовостью дерева:

Дубовый стол с гербом фамильным,
Прибором мраморным чернильным,
С холодным греческим божком
И золочёным сапожком.
Сверкает вещь ручной работы
Огнями тусклой позолоты –
Старинный букочный багет.

Получается, что прошлое и настоящее объединены не просто эпифанией, но ее отражениями, то в зо-

лочености, то в позолоте, то в холоде – в том варьировании отражений и ипостасей, которое только и позволяет признать, что вещи, будучи отчуждены от дружелюбных к ним владельцев и тем самым от привычной приписываемой им семантики, всё равно могут оказываться свидетелями эпифании. Перед нами вовсе не материализм, а скорее телеология, объясняющая, как соседство вещей, даже произвольное, не противоречит начальному содержанию вещей, связанному не с частным употреблением, а с умением любоваться как вещами, так и словами:

На стенде выставка монет
Мерцает блеском красной меди.
Её ближайшие соседи –
Потёртый карточный валет (...)

Стихотворение «В магазине “Старой книги”» содержит экспозицию, в которой свет проникает через окно и витраж; и который раз непосредственный блеск из окна соединяется с рассмотрением собственной природы витража, который выцвел под действием солнца и потому как бы производит настоящее чувство прошлого. Здесь эпифаническое и историческое уже не намекают друг на друга, а переплетаются до неразличимости при всей возможности стилистических и семантических частных характеристик вещей. Солнце не может не привести к выцветанию, а выцветший витраж не может не напомнить об истории:

Лучи полуденного солнца
сквозь задымленное оконце
и полувыцветший витраж
полуподвала осветили
в уютном, старомодном стиле
в углу устроенный стеллаж.

Нам видны золотые корешки и атлас вселенной:
золотые звезды напоминают о золотых корешках:

Здесь средь гербариев и схем
есть звездный купол мирозданья.
Полузабытые издания,
давно не чтимые никем
потухшим золотом горят.

Еще сильнее эти мотивы проведены в стихотворении «Музей музыкальных инструментов», где, например, узоры инкрустаций на клавиатурах вспыхивают, но благодаря этому узоры древесины, годовые кольца, считываются как действие времени, а значит, как исторический текст, но принадлежащий доступной всем эпифании. Это стихотворение заканчивается описанием компании, дружного круга читателей музыки, и финальное «веселый список их трудов» может прочитываться как латинизм (труды – музыкальные произведения), но и как указание на то, что все труды, исполнительские и импровизаторские, нашли свое историческое осуществление, в том числе в состоянии спасенности людей, как прежде спасены были инструменты. Так социология Брандта венчается в его рассмотрении необоримых аффектов искусств, таких как музыка.

Выводы

Таким образом, поэзия Брандта – это исследование того, как именно вещи оказываются не частными символами, носителями отдельных семантических решений, но частью более общего порядка, где могут быть явлены общие для прошлого и настоящего общеобязательные символы. Эти символы принадлежат языку, и могут быть реализованы в правильной речи, более того, восстановить прекрасный и заслуживающий любования национальный язык, благодаря сложной системе образов, отображений, ценностных впечатлений – всё то, что принадлежит сложному экфрасису, описанию бытования вещей искусства в интерьере. Брандт – не новый символист, а метафизик, который при этом учитывает и всю реформу, произошедшую в мировом искусстве второй половины XX века, связанную с критической дистанцией по отношению к репрезентации и ее возможностям.

Метафизика Брандта полностью отвечает той его социологии, которую он высказывает в немногочисленных статьях и интервью. В этой социологии задачей соотечественников является восстановление литературного языка как полновесного и привлекательного, отказ от клише и низовых оборотов повседневного общения. Но это осуществимо только в дружеском кругу, в котором соединяются фигуры потребителей языковой информации и ценителей языковых красот. Аутопойетичность языка и социальной жизни, становление их как самостоятельных сущностей, имеющих свою цель, размыкает эти круги и устанавливает общее поле действия. Но так же устроены сложные экфрасисы Брандта: эпифания как явление красоты соединяет информативное прошлое и несущее отблеск красоты настоящее.

Так образуется аутопойетическая дружба вещей, которая при этом разрывает привычные границы репрезентации и позволяет проследить в том числе за аффектами, которые неизбежно вызовут эти вещи. Эти аффекты производятся сложным соединением темпоральности и впечатлений от материальных поверхностей, так что в игре блеска, отблеска, света как некоего объективного ассоциирования материалистические ассоциации наделяются метафизической телеологией. Аутопойесис языка оказывается параллелен аутопойесису способов вспышек памяти и наблюдения. А уже это наблюдение разрешает видеть то, как устроены память, переживание, ассоциация, что они могут не подчиняться рутинным клише, но становиться частью того поля, в котором и развернут сложный экфрасис.

Литература

1. Брандт, П. Собрание стихотворений. Книги «Люди пустыни», «Вино одиночества», «В Петербурге время блюза» / П. Брандт. – URL: <https://stihi.ru/avtor/petrbrandt> (дата обращения: 27.03.2022). – Текст : электронный.
2. Брандт, П. Вознесенский сделал шаг в сторону свободы / П. Брандт // Росбалт.ру. 01.06.2010. – URL: <https://www.rosbalt.ru/piter/2010/06/01/741554.html> (дата обращения: 27.03.2022). – Текст : электронный.
3. Брандт, П. Мы не позволяли угнетать себя идеологией / П. Брандт // Портал Преображенского братства. 03.06.2016. – URL: <https://psmb.ru/a/poet-petr-brandt-my-ne->

pozvolyali-ugnetat-sebya-ideologiyu.html (дата обращения: 27.03.2022). – Текст : электронный.

4. Брандт, П. О Саше Попове / П. Брандт. – URL: <http://seredina-mira.narod.ru/brandtprov.html> (дата обращения: 27.08.2020). – Текст : электронный.

5. Завьялов, С. Натюрморт с атрибутами петербургской поэзии / С. Завьялов // Новое литературное обозрение. – 1998. – Т. 32. – С. 323–348.

A.V. Markov

SPECIFICS OF COMPLEX EKPHRASIS IN PETR BRANDT'S POETRY

For the first time in world science, the poetry of one of the leading contemporary poets of St. Petersburg, Petr Brandt, is read in close manner, the main properties of his poetics and the originality of his work with pictorial material are discussed. It is proved that in Brandt's poetry a special type of ekphrasis is realized, in which things are described as part of the historical interior, but this description is not a representation of things and images, but their critical undermining. Brandt fully accepts the logic of contemporary art, which criticizes representation, but at the same time forges a kind of sociology, where the model of the interior and the complex play of light, shade and color is part of the ideas about social development. Brandt thinks of the development of society as the opening of friendly circles, under the influence of the general laws of epiphany, which is not limited to private meanings, while the friendly circle is formed by the imposition of a semantic and aesthetic relationship to language. Generally, Brandt illustrates his concept of social action in poetry, but presenting it as a kind of theater of things. In the space of admiring things, of affects, which at the same time are subject to the general laws of compositional relevance, it is conceived how it is possible to act within the language. Speech strategies far from the normal literary language here are the subject of an ironically detached look, and the literary language is understood as illustrating teleological metaphysics of things.

Petr Brandt, the image of St. Petersburg, metaphysical poetry, philosophy of language, ekphrasis, unofficial poetry, samizdat.

В.А. Черкасов

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

ПОЛЕМИКА ТЫНЯНОВА С ВЕРЕСАЕВЫМ О ПОЭТЕ И ПОЭЗИИ

В статье рассматривается проблема полемически-пародийной направленности научно-художественного творчества Тынянова на концепцию «двупланного Пушкина», созданную Вересаевым. Выясняется конструктивное значение научных работ Тынянова для выяснения пародийного плана в ряде ключевых эпизодов его романа «Пушкин».

Ю.Н. Тынянов, В.В. Вересаев, А.С. Пушкин, пародия, полемика.

В нашей работе, тематически примыкающей к статье «Взгляды Пушкина и Гоголя о поэте и поэзии в интерпретации Вересаева», опубликованной в первом номере журнала, рассматриваются произведения Ю.Н. Тынянова как выразившие впервые возникшую в русской науке и литературе 1920–1930-х гг. антибиографическую методологию. Формулируя данную основополагающую для нашей работы установку, мы исходили из результатов научных исследований таких авторитетных тыняноведов, как Г.А. Левинтон и А.С. Немзер. Особенно актуален вывод последнего, сделанный в статье «Из наблюдений над романом Тынянова “Пушкин”. Явление героя», о семантической многомерности, «неуловимости» образа Александра – главного героя романа Тынянова «Пушкин» [5, с. 491–492]. Эта полисемантическая исключает какое-либо биографическое решение этого героя (к аналогичному выводу пришел Левинтон, проанализировавший образ Грибоедова – заглавного героя романа Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» (1927–1928) [3]).

В этой же статье Немзер также делает весьма актуальное для нашей работы указание на пародийную направленность образа отца Пушкина – Сергея Львовича. По его словам, «Сергей Львович пародийно предсказывает и в какой-то мере детерминирует соответствующие черты мировоззрения и творчества сына» [5, с. 490]. При этом, по Немзеру, имя поэта послужило Тынянову полемической рамкой для пародирования феномена «многого Пушкина», возникшего в результате противоречивого осмысления его личности и творчества со стороны современников. Именно для этой цели, как показал исследователь, писатель использовал гоголевский код, контаминировав, через Сергея Львовича, образ Пушкина с полисемантическим Носом – главным героем повести «Нос».

Однако Немзер не назвал ни одного актуального для 1920–1930-х гг. литературного факта, спародированного Тыняновым в романе «Пушкин». В статье Левинтона «Еще раз о комментировании романов Тынянова» содержится конкретное указание на одно из таких актуальных явлений, ставших объектом пародирования в романе «Смерть Вазир-Мухтара». Ком-

ментируя тот эпизод романа, где Пушкин оправдывается перед Грибоедовым в написании «Полтавы» политико-дипломатическими соображениями, Левинтон указывает на возможность «иронической игры» писателя с современной ему критикой: «Тынянов “бросает кость” своим современникам и подчеркивает это словом Пушкина» [3, с. 128]. Между тем, согласно следующему фундаментальному положению тыняновской теории пародии, только они, как правило, и подлежат пародированию: «...пародийные произведения обыкновенно бывают направлены на явления современной литературы или на современное отношение к старым явлениям» [8, с. 371].

Кроме того, известно конкретное указание самого Тынянова на монтаж В.В. Вересаева «Пушкин в жизни» как на основной пародируемый объект в романе «Пушкин». Это указание было сделано писателем в единственном источнике, а именно – в лекции, состоявшейся в первой половине ноября 1935 г. в Центральном доме Красной армии, и дошло до читателя в передаче репортера «Литературной газеты». Отсюда, в частности, выясняется, что одной из основных задач тыняновского пародийного дискурса в романе «Пушкин» является демифологизация сложившегося за прошедшие десятилетия образа бытового, пошлого Пушкина, ставшего актуальным литературным фактом благодаря упомянутой книге Вересаева. Этой концепции писатель намеревался противопоставить образ поэта, построенный с учетом его творческой судьбы [2].

В нашей статье мы намереваемся раскрыть полемически-пародийный план в тыняновской концепции поэта и поэзии, как значимого для ее формирования фактора, на примере романа «Пушкин» (1935–1943). Мы попытаемся показать, что в этом романе Тынянов обнажает структурный образец вересаевского дискурса на тему «царственного положения поэта», а именно – собственные выводы и наблюдения по поводу пародийной направленности образа Фомы Опискина, сделанные им в статье «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)» (1921). Как известно, ученый считал, что в этом образе Достоевский акцентировал «невязку» между морально-религиозными целями «Выбранных

мест из переписки с друзьями» и художественными приемами для их реализации, до сих пор употребляемыми Гоголем в комической функции. В частности, Тынянов в этой связи обратил особое внимание на утверждение Гоголя в статье «О лиризме наших поэтов» по поводу высокой нравственной репутации писательского звания в народном мнении, которое поддается трактовке и в комическом плане как акцентирующее чисто словесный характер этого самого звания, часто не отвечающий моральным качествам его носителя – превозносимого русского писателя.

Для этой цели Тынянов прежде всего придает Сергею Львовичу Пушкину портретное сходство с Фомой Опискиным. Как он показал в статье «Достоевский и Гоголь...», внешность этого героя Достоевского была списана с Гоголя. Ученый в этой связи цитировал следующие портретные характеристики Фомы: «Гаврила справедливо назвал его плюгавеньким человечком. Фома был мал ростом, белобрысый <...> К удивлению моему, он явился в шлафроке, правда, иностранного покроя...». «Фома Фомич сидел в покойном кресле, в каком-то длинном, до пят, сюртуке, но все-таки без галстука» [9, с. 327].

Такие портретные характеристики, как «плюгавость», «белокурый цвет волос», «малый рост», могут быть без натяжки переадресованы биографическому Сергею Львовичу Пушкину. В романе Тынянова последняя из упомянутых деталей внешности Сергея Львовича гротескно выделена, в частности посредством сопоставления с ростом его более высокой супруги: «Сергей Львович бледнел от ярости на балах, когда она танцевала с каким-нибудь высоким гвардейцем, – говорится в романе. – Он вполне чувствовал тогда, что его рост мал» [7, с. 51].

Гротескная заостренность Тыняновым в данной сцене таких мотивов, как малый рост героя вкупе с его ревнивой яростью по поводу собственной невозможности составить достойную пару в балетных танцах своей супруге, очевидно, имеет своим адресатом соответствующие свидетельства современников о Пушкине, которые Вересаев посчитал возможным включить в свою книгу в качестве «подлинных». Так, здесь приводится следующая запись П.И. Бартенева со слов княгини В.Ф. Вяземской: «Пушкин не любил стоять рядом со своею женою и шутя говаривал, что ему подле нее быть унижительно: так мал он в сравнении с нею ростом» [1, т. II, с. 504]. Мотив «ярости» Сергея Львовича метит, например, в сообщение Н.М. Смирнова по поводу ревности Пушкина, вызванной долгими танцами Натальи Николаевны с другим гвардейцем высокого роста – Дантесом. По Смирнову, когда Пушкин заметил удовольствие, с которым его жена принимает ухаживания Дантеса, он с ней объяснился дома. Однако она «снова принимала приглашения Дантеса на долгие танцы, что заставляло ее мужа хмурить брови» (Там же, с. 133). В этот же ряд можно поставить следующий рассказ племянницы П.А. Кикина, опубликованный, кстати сказать, только в 1909 г.: «П.А. Кикин с увлечением рассказывал, что, пригласив однажды на *lancier* очаровательную Н.Н. Пушкину, находил удовольствие изводить бросающего на него негодующие взгляды стоявшего неподалеку – ревнивого поэта» (Там же, т. III, с. 31).

Таким образом, Тынянов в сцене «ярости» Сергея Львовича по поводу танцев супруги с партнером, подходящим ей по росту, обнажает анекдотический характер подобных «свидетельств современников», приводимых в сводке Вересаева в качестве «подлинных».

В изображении Тынянова, одет Сергей Львович тоже, как Фома. Например, в сцене чтения героем произведений Мольера, одной из тех сцен, где он проявляет себя как «литератор», Тынянов называет его верхнюю одежду то «халатом» (тот же самый «шлафрок»), то «сертуюком» [7, с. 75–76].

Что касается «внутреннего» портрета Сергея Львовича, то, очевидно, что, судя по поведению этого героя в сцене с «архивными», ему вполне можно переадресовать следующую характеристику Фомы, данную Тыняновым для обоснования своего тезиса о контрасте как конструктивном приеме для создания этого образа Достоевского: «Он не только плут, не только тартюф, ханжа, притворщик, но “это человек непрактический; это тоже в своем роде поэт”» [9, с. 325].

Далее. В статье «Достоевский и Гоголь...» Тынянов цитирует упомянутое утверждение Гоголя о высокой нравственной репутации писательского звания в народном мнении в качестве возможного источника для мотива «литератора, пострадавшего за правду», пародийно переосмысленного Достоевским в образе Фомы Опискина. Ученый пишет по этому поводу: «Фома прежде всего литератор, проповедник, нравственный учитель – на этом основано его влияние. Дядя в ученость же и гениальность Фомы <...> верил беззаветно. <...> Перед словом “наука” или “литература” дядя благоговел самым наивным и бескорыстнейшим образом...»; «Фома пострадал за правду» (Там же, с. 325).

В романе «Пушкин» в роли «литератора, пострадавшего за правду» оказывается Сергей Львович в эпизоде своего вынужденного пребывания в провинциальном Нижнем Новгороде, где его до сих пор никто не знал. При этом Тынянов замыкает «правдолюбие» своего героя на приписываемое им самому себе звание «поэта». Писатель подчеркивает, что Сергей Львович действительно поэт «в душе» [7, с. 371]. Он пишет стихи в альбомы нижегородских дам наравне с признанным среди москвичей поэтом – Василием Львовичем.

Однако, в соответствии с замечанием Гоголя, нижегородское общество совершенно не интересовалось качеством стихов Сергея Львовича или нравственными свойствами его личности: сколь бы ни был он пошл, достаточно было ему объявить себя поэтом, чтобы утвердить во мнении окружающих свой высокий социальный статус.

Затем Тынянов обнажает в образе Сергея Львовича Пушкина словесную маску «поэта».

Вскоре нижегородцы узнали от Василия Львовича и кузена Алексея Михайловича Пушкина настоящее положение Сергея Львовича в московском обществе, где он не «числился в поэтах». В результате Сергей Львович был принят за самозванца и тут же потерял свой авторитет (Там же, с. 372).

Пародийный мотив «литератора, пострадавшего за правду» Тынянов вводит посредством грибоедов-

ского кода: внутренняя речь возмущенного поведением нижегородцев Сергея Львовича демонстративно построена по образцу монолога Чацкого «Вон из Москвы!»: «Пора положить конец злостью. На край света, но только вон из Москвы. Москва не существует ныне, – но в таком случае – вон из Нижнего Новгорода!» [7, с. 373].

Разумеется, возмущенная реакция Сергея Львовича по поводу «отвержения» обществом его «внутренней правды» является травестированным вариантом соответствующего возмущения Чацкого. Как было показано выше, Сергею Львовичу в романе приписано амплу Репетилова. В данном случае, в отличие от протагониста «Горя от ума», герой Тынянова не сам отвергнул общество, а сначала был отвергнут им. То есть его возмущенная реакция носит вынужденный характер; сам он, как всегда, выступает «на вторых ролях», в соответствии со смыслом говорящей фамилии его литературного прототипа. На самом деле, Сергей Львович, как и Репетилов, удовлетворяется любым слушателем, лишь бы тот внимал его речи.

Недовольство Сергея Львовича поведением нижегородцев вызвано также тем, что было задето его литературное самолюбие. Он всегда тайно завидует славе своего брата, считая себя несправедливо обойденным судьбою. Это качество Сергея Львовича имеет своим источником опять же образ Фомы Опискина. Тынянов в статье «Достоевский и Гоголь...» отметил литературное самолюбие Фомы как его характерную черту и привел в качестве иллюстрации ряд цитат из книги Достоевского, которые вполне можно переадресовать Сергею Львовичу: «Кто знает, может быть, это безобразно вырастающее самолюбие есть только ложное, первоначально извращенное чувство собственного достоинства, оскорбленного в первый раз еще, может, в детстве гнетом, бедностью, грязью <...> Но <...> Фома Фомич есть к тому же и исключение из общего правила. <...> Он был когда-то литератором и был огорчен и не признан; а *литература способна загубить и не одного Фому Фомича* – разумеется, непризнанная» [9, с. 326].

В статье «Достоевский и Гоголь...» Тынянов отметил, что характерный для творчества Гоголя мотив «бегства от неприятностей» был контаминирован Достоевским в образе Фомы Опискина с мотивом «приживальщика». Ученый обнаруживает аналогичный мотив также в образе Степана Трофимовича Верховенского – героя «Бесов». В данном случае, по его наблюдению, мотив «приживальщика» связан, как и в случае с Фомой, с мотивами «странничества», «котомки». Этим частным мотивам, по Тынянову, в «Бесах» сопутствует пространственный сдвиг: действие, имеющее национальное значение, совершается в губернском городе, а не в столице, как следовало бы ожидать (Там же, с. 325).

В нижегородском эпизоде рассматриваемого романа «Пушкин» указанный мотив «бегства» Сергея Львовича, поданный посредством «репетиловского» кода, также контаминирован с мотивом «приживальщика»: герой в это время живет временно вместе с семьей (за исключением Александра) в «грязной избе» [7, с. 370].

В контексте романа данный эпизод связан с эпизодом пребывания Сергея Львовича с семьей в подмосковном имении Захарово. Сергей Львович не может вынести даже недолгого пребывания в деревне и стремится оттуда уехать обратно в город: «Сергею Львовичу мирная жизнь в Захарове, да и самое Захарово очертели. Он не был рожден для сельской тишины. Как-то он сказал за обедом, что должен спешить в Москву и, если в Захарове задержится – карьер его потерян» [7, с. 113].

На наш взгляд, в данном эпизоде Тынянов гротескно заостряет отвращение вересаевского «Пушкина в жизни» от деревенской жизни, его эгоистического стремления оградить себя от «семейных неурядиц». Писатель инвертирует смысл литературного источника эпизода – LV строфы главы первой «Евгения Онегина» (*Я был рожден для жизни мирной, / Для деревенской тишины...*) – в точном соответствии с тактикой Вересаева, вскрывшего условность данной стихотворной декларации Пушкина. Ситуация Сергея Львовича в Захарове – это пародийная реализация сравнения из концовки предыдущей, LIV строфы «Евгения Онегина»: «Хандра ждала его на страже, / И бегала за ним она, / Как тень, иль верная жена». Надежда Осиповна в Захарове была в ссоре с мужем из-за его измены и с ним не разговаривала и «хандрила»: «...сидела над прудом и часами смотрела в воду» (Там же, с. 110).

Комплекс пародийных мотивов «бегства от неприятностей» и «приживания» повторяется в романе Тынянова в сцене внезапного отъезда семейства Пушкиных из московского Елохова в Петербург. Пародийный эффект достигается «невязкой» ничтожной причины отъезда (протекла крыша в доме) и крайним средством решения этой проблемы – переездом в другой город. На наш взгляд, стремление Сергея Львовича в Петербург для решения семейных проблем симметрично аналогичному стремлению вересаевского «Пушкина в жизни» в деревню. Психологически решение Сергея Львовича о переезде мотивировано, в точном соответствии с указанным в свode Вересаева мнением Надежды Осиповны и А.Н. Вульф, сумасбродной любовью к путешествиям как к способу освобождения от «тягостных» дел: «Сергею Львовичу захотелось осмотреться. У него была в крови эта легкость передвижения: он любил освобождаться разом от всех тягот, сев в рессорную коляску или даже в наследственный рыдван. Он все позабывал тогда. При виде облаков и полей во взгляде у него появлялась неопределенная решительность – он любил дорогу» (Там же, с. 45).

Упоминание «рессорной коляски» является знаком «чичиковского» кода. Этот код реализуется в последующем повествовании. Герой таким образом собирается посетить своего тестя – Осипа Абрамовича Ганнибала. В сцене посещения Сергей Львович оказывается в ситуации Чичикова, которому Ноздрев показывал неопределенные границы своего имения: «В последний день он повел зятя погулять. Опираясь на тяжелую палку, он показал ему лес и границу своих владений <...> он взглянул на зятя и, как будто угадав его мысли, широко повел палкой по озеру, соснам, лесу.

Все вам оставляю.

Тестевы владения остались для Сергея Львовича загадкой. Господский дом, который по рассказам Марьи Алексеевны был велик и хорош, – крыт был соломой. Длинный, шитый тесом, он походил на сарай. <...> Но жест старого арапа был широкий, озеро полноводно – и Сергей Львович уехал с недоумением, увозя на щеке влажный равнодушный поцелуй тестя» [7, с. 46]. Обманчивость границ имения «ноздревского типа» соответствует неопределенности материального состояния имения Ганнибала.

В других сценах романа Тынянов разрабатывает в пародийном плане травестийную «чичиковско-наполеоновскую» версию «пушкинско-гоголевской» концепции поэта, которую предложил Вересаев в своем монтаже. При этом писатель модифицирует эту версию в соответствии с «хлестаковским» статусом своих пародийных героев – Сергея Львовича и Василия Львовича Пушкиных.

Братья «заявляют» о своем превосходстве над Наполеоном уже во время пика его военных и политических успехов. Так, Василий Львович, только что вернувшийся из путешествия в Париж, где ему довелось увидеть Наполеона, в ту пору еще консула, убеждает дам-москвичек в том, что тот меньше ростом даже него, человека весьма невысокого (как и все Пушкины): «Никто не хотел верить, что Бонапарт так мал ростом. Василий Львович приседал и подносил ладонь ко лбу, козырьком, чтоб показать рост консула. Потом с законным самодовольством он давал нюхать женщинам свою голову» (Там же, с. 78). Очевидно, литературным образцом данной сцены является хвастовство Хлестакова по поводу собственных западных отношений с российскими сановниками и иностранными послами.

Однако московские дамы, судя хотя бы по их скептической реакции на данное сообщение Василия Львовича, не были убеждены даже модным запахом его головы и про себя считали поэта (каковым на самом деле был В.Л. Пушкин), так сказать, «не более чем Наполеоном». В самом деле, как показывает Тынянов, успехи в свете Василия Львовича связаны с удачами Наполеона на международной арене: у московских дам он ассоциируется со всем французским (Там же, с. 120). Наоборот, при падении популярности Наполеона, Василий Львович также теряет в своем значении. Его никак не могут принять, несмотря на все старания, за патриота.

Аналогично построена в рассматриваемом аспекте упомянутая выше сцена рисовки Сергея Львовича перед своей матерью Ольгой Васильевной. Этот герой, так сказать, с высоты своего «роста», то есть своего «шестисотлетнего дворянства», «расправляется» с высшими российскими сановниками в царствование Александра. При этом «высокомерные» отзывы Сергея Львовича о царских администраторах монтируются Тыняновым с его сообщениями об успехах Бонапарта и намеками на сходство их семейного положения: «Он рассказывал старухе о Петербурге и придворных новостях и пугал заграничными событиями: говорил о французских победах, о Бонапарте и консульше Жозефине, креолке. Матушка косилась: Сергей Львович сыпал именами самых высоких пе-

тербургских людей, как будто только что с ними расстался. Случалось, он поругивал их:

– Се coquin de Кочубей, – говорил он» [7, с. 54].

Конечно, для такого родовитого дворянина, как Сергей Львович, Наполеон является не более чем «высочкой», подобно Кочубею либо упомянутому выше Чарторижскому.

Однако для Ольги Васильевны самым убедительным аргументом в рассказе сына оказалась женитьба Бонапарта на креолке. Она провела аналогию между судьбами Сергея Львовича и французского консула: «Сын уже не казался ей более свистуном <...> Вот сидит сын с этим его коком надо лбом и с арапкою своею, а потом, смотришь, и в чести» (Там же). Если до сих пор она считала свою невестку главной причиной неудачной служебной карьеры сына, то теперь Наполеон, возвысившийся благодаря своей жене-креолке, оказывается знаменем времени. И Сергей Львович может оказаться в фаворе. «Арапки теперь большую силу взяли, – говорит Ольга Васильевна доверенной служанке Уляшке. – В Париже у наибольшего ихнего – как зовут, не упомню, – тоже арапка в женах». И в сознании Уляшки Сергей Львович ничем не отличается от Наполеона: «Все как один – нового захотели, свежинки» (Там же, с. 55).

Таким образом, Ольга Васильевна вкупе с Уляшкой выразили квинтэссенцию мнения московских дам по поводу претензий Сергея Львовича и Василия Львовича Пушкиных, так сказать, превзойти по «росту» самого Наполеона, если употребить «жукóвский» код, – «вознестись» «выше главою непокорной Наполеонова столпа».

Между тем, как показано Тыняновым в эпизодах романа, связанных с устройством Александра в лицей, братья и в самом деле «вознеслись» не только над «Наполеоновым столпом», но и над более значимым («победоносным») «Александрийским столпом»: они пренебрегли петербургским иезуитским коллежем, то есть посчитали ниже своего достоинства, так сказать, «связываться» с католическим духовенством, составившим, как известно, одну из *опор* (другое значение слова *столп*) правительственной системы Наполеона. (Брокгауз и Ефрон, статья *Наполеон I*); и они же «перехитрили» царских бюрократов во главе с самим царем, обеспечив посредством устройства в лицей Александра великое будущее для русской литературы.

Кроме того, поскольку, как заметил Немзер, именно взгляды Сергея Львовича на роль родового дворянства в обществе и государстве, пусть выраженные в комической форме, послужили «источником» для соответствующих представлений зрелого Пушкина, именно он оказался «победителем в заочном споре с другими Отцами (здесь Карамзин уравнивается не только с Энгельгардтом, но и с Аракчеевым, Александром и, в конечном итоге, со сложившимся государством)» [4, с. 594]. Под «Отцами» исследователь подразумевает соответствующую функцию упомянутых персонажей, интерпретируемую в корректном, по его мнению, для романа Тынянова фрейдовском ключе. Эти «Отцы» внушали Пушкину мысль о безусловной лояльности по отношению к монархии. Замечательно упоминание в этом ряду имени Александра I, важного для обсуждаемой темы.

Таким образом, Сергей Львович «победил» Александра, «вознесся» над ним¹, точно так же, как Василий Львович «вознесся» над Наполеоном в сцене хвастовства после поездки в Париж.

Подведем общие итоги нашего исследования.

Как явствует из проанализированных нами эпизодов романа Тынянова «Пушкин», пародийный дискурс этого произведения писателя направлен на деструкцию влиятельной в 1920–1930-е гг. концепции «двупланного» Пушкина, которую реализовал Вересаев в своем монтаже «Пушкин в жизни». Тынянов обнажил фикциональный статус свидетельств современников, включенных Вересаевым в свою книгу в качестве «подлинных», а также беллетристические приемы их монтирования. Тем самым Тынянов подчеркнул принципиальную неопределимость личности Пушкина для таких исследователей и очевидцев жизни поэта, которые исходят в своих заключениях из представления о решающей роли материальных факторов в деле формирования мировоззрения поэта. По Тынянову, если и искать четкого определения сути феномена Пушкина, то только, так сказать, «на поэтических путях», то есть ориентируясь на литературную личность поэта, созданную им в своем творчестве. Эти же «пути» доступны только людям, обладающим, по крайней мере, литературным вкусом.

На наш взгляд, Тынянов понял принципы работы Вересаева при составлении свода «Пушкин в жизни» как вульгаризацию его научных достижений. Подтверждением этому предположению является тот факт, что именно в работе «Достоевский и Гоголь...» (1921) содержится формулировка возможного структурного образца для пародирования личности Пушкина, как она представлена в монтаже Вересаева: «Характер Гоголя пародирован тем, что взят Гоголь времен “Переписки” и вдвинут в характер неудачника-литератора, “приживальщика”» [9, с. 325]. Этим пародийным героем является Фома Опискин.

Соответственно Тынянов выбирает из монтажа Вересаева «низкие» либо комические варианты сви-

детельств современников о Пушкине 1820–1830-х гг. и «вдвигает» их в образы Сергея Львовича и Василия Львовича Пушкиных из романа «Пушкин». Тем самым Тынянов не только обнажает условность созданного Вересаевым образа *Пушкина в жизни*, но и иронически подчеркивает результат вульгаризаторских попыток составителя свода *И в просвещении стать с веком наравне*². На наш взгляд, реципировав в романе «Пушкин» собственную теоретическую дефиницию пародийного дискурса Достоевского, Тынянов иронически актуализировал «плагиаторскую» установку Вересаева в своде «Пушкин в жизни».

Литература

1. Вересаев, В. В. Пушкин в жизни: систематический свод подлинных свидетельств современников / В. В. Вересаев // Вересаев В. В. Сочинения : в 4 томах. – Москва : Правда, 1990. – Т. 2, 3.
2. Дельман. Встречи с Юрием Тыняновым. «Жизненный путь Пушкина» / Дельман // Литературная газета. – 1935. – № 63 (554). – 15 ноября. – С. 6.
3. Левинтон, Г. А. Еще раз о комментировании романов Тынянова / Г. А. Левинтон // Русская литература. – 1991. – № 2. – С. 126–130.
4. Немзер, А. С. Карамзин – Пушкин. Заметки о романе Ю. Н. Тынянова / А. С. Немзер // Лотмановский сборник / Е. В. Пермяков. – Москва : ИЦ-Гарант, 1995. – Т. 1. – С. 581–595.
5. Немзер, А. С. Из наблюдений над романом Тынянова «Пушкин». Явление героя / А. С. Немзер // Тыняновский сборник. Выпуск 11. Девятое Тыняновское чтение. Исследования. Материалы. – Москва : ОГИ, 2002. – С. 486–496.
6. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : в 17 томах / А. С. Пушкин. – Москва : Воскресенье, 1994.
7. Тынянов, Ю. Н. Пушкин / Ю. Н. Тынянов. – Москва : Московский рабочий, 1988. – 574 с.
8. Тынянов, Ю. Н. О пародии / Ю. Н. Тынянов // Русская литература XX века в зеркале пародии: Антология / О. Б. Кушлина. – Москва : Высшая Школа, 1993. – С. 361–391.
9. Тынянов, Ю. Н. Литературная эволюция: Избранные труды / Ю. Н. Тынянов. – Москва : Аграф, 2002. – 496 с.

¹ В сцене хвастовства перед «архивными» символическим обозначением «вознесения» Сергея Львовича над символом царского величия является сравнение преуспевающего чиновника Дашкова с монументом [7, с. 158].

² Цитируется стихотворение Пушкина «Чаадаеву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...») (1821) [6, т. II(I), с. 168].

V.A. Cherkasov

**POLEMICS BETWEEN YU. TYNANOV AND V. VERESAEV
ABOUT THE POET AND POETRY**

The article deals with the problem of the polemical-parodic orientation of Yu. Tynyanov's scientific and artistic work on the concept of «two-dimensional Pushkin» created by V. Veresaev. The author reveals the constructive significance of Yu. Tynyanov's scientific works for clarifying parody in the key episodes in his novel «Pushkin».

Yu.N. Tynyanov, V.V. Veresaev, A.S. Pushkin, parody, polemic.

УДК 82.09

Т. Ф. Волкова

*Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина*

НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ СЮЖЕТОВ ПЕЧОРСКИМ КРЕСТЬЯНИНОМ XIX ВЕКА (ЛИТЕРАТУРНЫЕ РЕДАКЦИИ И.С. МЯДИНА)

В статье на материале целого ряда переработок древнерусских повестей печорским книжником XIX в. И.С. Мяндиным характеризуется отражение в них тем, идей, образов, волновавших усть-цилемско-старообрядца, выявляются вносимые им дополнения в древнерусский текст.

Усть-Цильма, И.С. Мяндин, переработки древнерусских повестей, старообрядческая книжность.

Древнерусская литература, создававшаяся в период русского средневековья (XI–XVII вв.), не исчезла за его пределами. Она продолжала жить в среде демократических слоев населения России вплоть до начала XX века. Особенно большую роль в ее активной жизни за пределами Средневековья сыграли старообрядцы: именно они не только активно читали старинные рукописи, но столь же активно их переписывали для себя в свои сборники, а порой и редактировали древнерусские тексты, внося в них новые фрагменты, меняя стилистику, добавляя отсутствующих в текстах источников персонажей, насыщая текст новыми идеями, отражающими представления старообрядческих переписчиков о том, какими должны быть правители государства, правильные отношения в семье, как нужно исполнять правила христианского бытия.

Такие переделки древнерусских и старообрядческих литературных текстов обнаружались в ходе археографического изучения Усть-Цилемского района Республики Коми – своеобразного «заповедника» старинной книжности – в 50–80-е годы XX века сначала ленинградскими учеными во главе с В.И. Малышевым, затем студентами Ленинградского университета под руководством Н.С. Демковой, а с конца 70-х гг. филологами Сыктывкарского университета под руководством автора статьи. В эти годы были собраны многочисленные рукописные сборники XVI–XX вв., бытовавшие в среде печорских старообрядцев. В настоящее время в государственных хранилищах Санкт-Петербурга и Сыктывкара хранятся свыше 1100 рукописей, найденных на Печоре (см. описания их: [18; 19; 22, с. 136–242; 24]). Изучение рукописей, переписанных в XVIII–XIX вв. печорскими крестьянами, выявило местные редакции древнерусских повестей, житий, поучений. Имена составителей этих литературных переделок средневековых текстов остаются в подавляющем большинстве неизвестными, тем ценнее открытие одного из них, сделанное В.И. Малышевым, – усть-цилемского крестьянина Ивана Степановича Мяндина (1823–1894), двухсот-

летний юбилей которого мы будем отмечать в 2023 г. (см. о нем: [20]). Он стал профессиональным писцом, помогавшим своим землякам писать жалобы на их притеснителей – местных богачей. В свободное от своей писарской деятельности время (Иван Степанович служил письмоводителем у богатого устьцилемца Прокопия Чупрова) Мяндин занимался переписыванием понравившихся ему литературных произведений из старинных сборников, различных литургических текстов, необходимых для домашнего богослужения. В настоящее время известно около 400 отдельных рукописных текстов, переписанных его рукой.

Для понимания характера восприятия в XIX в. в демократической читательской среде тем, образов и идей средневековой литературы представляют особый интерес те переписанные Мяндиным произведения, которые под его пером обрели, по сути дела, новое содержание. Изучением мяндинских переделок занимались многие ученые разных городов – Петербурга, Новосибирска, Сыктывкара, Петрозаводска (см.: [3, с. 842–846]). Накопленный материал позволяет дать представление об основных направлениях, в каких шла работа Мяндина по переработке источников, о тех идеях, которые он вносил в текст в ходе его переписывания, а также о его редакторских приемах [3]. Появившиеся за последние годы новые исследования о мяндинских переработках (см.: [28]) позволяют дополнить наш первый обзор исследований о них 2006 года.

Особый интерес представляют те переделки Мяндина, в которых выявляется его крестьянский взгляд на описываемые события [4; 7], причем взгляд крестьянина, выросшего и прожившего всю свою жизнь в районе, где были сильны и активны фольклорные традиции, бытовали многочисленные произведения разных жанров устно-поэтического творчества, что не могло не сказаться на мировоззрении печорского книжника, с детства жившего в атмосфере не только христианских идей, активно осмысляемых печорскими старообрядцами, но и фольклора, пронизывавшего жизнь каждой семьи.

В чем же и где проявлялся этот крестьянский взгляд Мяндина на описываемые события далекого прошлого? Во-первых, в мяндинских переделках отразились представления печорского крестьянина о трудолюбии и терпении как необходимых для человека качествах, которые могут его спасти в самых драматических жизненных ситуациях, на что впервые обратил внимание В.И. Мальшев [17]. Так, в мяндинской редакции Повести о царице и львице (см.: [29]), дошедшей в двух мяндинских вариантах (ИРЛИ, УЦ 66, л. 304–335 об. и РНБ НСРК О. 100, л. 26–53 об.)¹, оклеветанная царица, сосланная мужем с малолетними детьми в дремучий лес на растерзание диким зверям и в конце концов после долгих странствий по лесным дебрям оказавшаяся среди людей, в родном городе, зарабатывает себе на жизнь рукоделием. В основной редакции повести этого мотива нет, там царицу с сыном содержит богатый воин, а она только занимается воспитанием сына. Мотив рукоделия царицы введен Мяндиным, стремившимся подчеркнуть в главной героине-царице ее умение и стремление трудиться, качество, столь ценное в крестьянской среде.

В другой повести, трижды переработанной Мяндиным, – о гордом царе Аггее (см.: [23]) – возгордившийся царь, наказанный Богом за недоверие к евангельскому слову и на время превратившийся в бездомного бродягу, безуспешно пытается разными способами заработать на пропитание, в том числе и крестьянским трудом. Осваивая сюжет этой повести, Мяндин в первую очередь обратил внимание на эпизод работы царя у крестьянина. В основной редакции он сводится к одной фразе, а в северодвинском варианте, использованном Мяндиным, этот эпизод был более разработан, но Мяндину он показался, по-видимому, недостаточно конкретным, и он внес в этот эпизод, близкий ему по теме, целый ряд деталей и подробностей: царь у Мяндина, чтобы не умереть с голоду нанявшийся на работу к крестьянину, получил задание *ехати на поле орати ниву*, но оказалось, что он не знает *не токмо, как орати, но и волю впряци*, когда же наниматель отправляет Аггея *дрова сеци*, то царь *сечаше древо едино весь день, а дров не насече на день для затопки* (ИРЛИ, УЦ 67) [23, с. 352–353]. В итоге земледелец ему отказал и *найма никакого не вда, разве одинаго хлеба*, сопроводив «увольнение» царя назидательной репликой-вопросом: *Како служить наймуеиши, а работать не умееши?* (Там же, с. 353). Все эти подробности появляются только в Мяндинской версии Повести о гордом царе Аггее.

Иногда Мяндин, обращаясь к средневековому литературному источнику, почти полностью заменяет его текст, сохраняя лишь саму тему перерабатываемого произведения. Примером тому служат мяндинские списки Поучения против лени, исследованного по древнерусским спискам П.В. Владимировым [1]. Один из вариантов «Слова о ленивом» указывает его источником средневековый сборник афоризмов «Пчела». На основе именно этой версии «Слова о ленивом» на Печоре были созданы в XIX веке свои местные ре-

дакции, по-новому развивающие тему лени и ее губительных последствий для человека. Печорские крестьяне дополнили афоризмы своих средневековых предшественников личными весьма конкретными и реалистическими наблюдениями над жизнью и бытом некоторых своих обленившихся односельчан. Особенно ярко это проявилось в списке Слова, созданном И.С. Мяндиным ИРЛИ, УЦ 70 («О лѣнивыхъ», л. 35 об.–36 об.). Он имеет оригинальный текст и только в самом начале обнаруживается связь с известным «словом» из «Пчелы» – представлен с незначительными сокращениями лишь начальный фрагмент этого «Слова», заканчивающийся перечнем бед ленивого. Далее следует изобилующее конкретными деталями и зримыми подробностями описание разрушенного ленью хозяйства нерадивого крестьянина. Начинается оно, естественно, с дома – основного богатства крестьянина: *У лѣниваго хозяина в домѣ безпорядки: крыша худа, снѣгъ и дождь у него в гостяхъ, а изба стоитъ на боку...* (л. 36). Второй показатель благополучия крестьянского хозяйства – здоровая и ухоженная скотина. У ленивого же *голодная скотина стоитъ без сѣна* (Там же). Столь же неблагоприятно и в семье ленивого: его *робятишка* бегают *полунаги без хлѣба*. Если средневековое «слово» обрушивает всю силу своих обличений на ленивых хозяев-мужчин, то печорское «слово» «восстанавливает справедливость» и крупным планом рисует картину запущенной крестьянской избы, за состояние которой отвечает женщина-хозяйка: *У лѣнивой хозяйки в доми поль не мыть, печь и трубы едва стоятъ, а у самой платьишко едва закрываетъ стыдъ. У лѣнивой хозяйки в избѣ соръ и шаль во всякомъ углу, а из червѣй и торакановъ хошь уху вари* (л. 36–36 об.). Завершается это краткое описание указанием на ежегодно повторяющееся небрежение ленивых хозяев к крестьянскому труду: *Лѣнивыя хозяйева лѣтом росу просыпають, а зимой ни хлѣба, ни сѣна нѣ выдають* (л. 36 об.). Далее следует назидательная концовка, обращенная к «братьям» и «сестрам» с призывом не лениться, *да здѣ не будемъ гладни и жадни и в будущемъ не получимъ вѣчныхъ мукъ* (Там же), в которой снова, как и в начале этого поучения, слышатся отголоски «Слова» из «Пчелы», также завершающегося угрозой «вечных мук» (см. подробнее: [11]).

Крестьянский взгляд в некоторых переработках Мяндина проявился и в трактовке темы земной награды за добрые дела. Так в Повести о Тимофее Владимирском Мяндин меняет смысловые доминанты сюжета: если в древнерусской повести такой доминантой становится мысль о великой силе покаяния, спасающего даже самую грешную душу от гибели, то в мяндинской редакции на первый план выдвигается тема земной награды за спасение грешника: печорский книжник дважды подробно описывает драгоценности, которые оставляет русскому отроку казанский воевода – бывший русский священник Тимофей, внезапно умерший после получения прощения от митрополита и царя за свою политическую и религиозную измену Руси, привезенного ему отроком ([10]; издание текста см.: [2, с. 137–141]).

Некоторые повести, переработанные Мяндиным, отразили его крестьянский взгляд на идеального пра-

¹ Здесь и далее ИРЛИ, УЦ – Усть-Цилемское собрание рукописей ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН; РНБ – Российская национальная библиотека.

вителя – демократического, «народного» царя, который в главных вопросах советуется со своими подданными, прислушивается к их мнению и вовлекает «всенародное множество» (любимое выражение Мяндина) в праздники по поводу радостных событий в жизни государства и царской семьи (см.: [17]).

Часто эти мотивы появляются в переработанных Мяндиным или заново им сочиненных концовках повестей. Например, в Повести о царевне Персике ([16]; см. издание текста: [2, с. 175–196]), обращаясь на пиру к «всенародному множеству», царь отказывается от своей короны по старости и утверждает на царстве своего «приемного сына» Евгения – спасителя и избранника царской дочери Персики – и саму Персику *к великой радости всех граждан*. Такая концовка закрепляла в сознании читателя образ царя, близкого к народу, вовлекающего всех граждан в круговорот своих семейных и государственных дел.

Обратимся далее к отражению в художественном сознании крестьянина-старообрядца XIX в. поэтического мира русского фольклора [13]. На использование И.С. Мяндиным эпической образности впервые обратил внимание О.В. Творогов [27], исследовавший два печорских списка «Троянских сказаний» (ИРЛИ, УЦ 66, л. 116–139 об. и УЦ 267, л. 288–323 об. См. издание текста: [2, с. 238–260]). Отталкиваясь от наблюдений ученого, мы проследили, как в списке УЦ 267 развивается отмеченная исследователем тенденция к эпическому (сказочному и былинному) осмыслению сюжета [6].

Характеризуя эпическую тональность списка УЦ 267, О.В. Творогов указал на такие ее приметы, как «заповедный меч» Язона, с помощью которого он победил драконов, охранявших золотое руно, перстень-талисман, помогший ему вскрыть сундук, где хранилось это «сокровище», «звиздание», которым сопровождалось появление змея, пожирателя троянских «чад», «вороной жеребец», на котором скачет по полю боя Пирр [27, с. 233]. Можно привести и другие приметы сказочной поэтики, проявляющиеся в УЦ 267, главным образом, в первой части повествования, организованной сюжетом о добывании золотого руна. Уже в начальном фрагменте Троянских сказаний по списку УЦ 267, вводящем в повествование главного героя первой части произведения – «Азона» и тему золотого руна, ощущаются приметы эпического стиля с его поэтизацией героических качеств личности и абстрагирующими тенденциями. О Язоне здесь говорится: *Сей храбростию своею прославился во всем греческомъ царствѣ*, о месте, где хранится золотое руно, говорится по-сказочному неопределенно: «в нѣкоей странѣ», а само золотое руно характеризуется как *сокровище нѣкое пребогатое*, которое охраняется *страшными драконами, рекше змиями*; «Азон» отправляется в плавание *с многочисленною силою*; маршрут Язона также напоминает своею неопределенностью и труднопроходимостью маршруты сказочных персонажей: *чрезъ высокия и непроходимыя горы и пустыни*; пункт прибытия греков по-прежнему географически не определен, но определен эмоционально: *Наконецъ доехавъ до того страшнаго мѣста, гдѣ по преданию находится золотое руно*.

В ряде случаев сказочная поэтика прослеживается в концовках мяндинских переработок. Сказочный финал давал Мяндину прекрасную возможность счастливо завершить повествование в хорошо знакомых его землякам эпических формах. Так, например, в мяндинской редакции Повести о Тимофее Владимирском (ИРЛИ, УЦ 70, л. 55 об.–69 об.) мотив заслуженной героем награды за духовное спасение грешника приближен к сказочному. Это особенно явно ощущается в эпилоге, рассказывающем о возвращении отрока, которому достались богатства Тимофея, в Москву, его встрече с великим князем московским и митрополитом и получении от них вознаграждения за приведение к покаянию грешного священника. Мяндин подробно перечисляет все сокровища Тимофея, привезенные отроком и теперь представшие взору великого князя и митрополита: *Они же слышавше и видѣша драгоцѣнныя кони и одежды, и дорогия сруби, и злато, и серебро, и камени многоцѣнныя...* (л. 68 об.–69). Отметим, что в I и II редакциях Повести, исследованных и изданных М.О. Скрипилем [25], лишь кратко упомянуто об удивлении великого князя и митрополита, когда они услышали рассказ отрока: *...и остальшаяся вся показана имъ. Князь же и митрополитъ удивившася о семъ* (I редакция; во II ред. сходный текст).

В завершающем эпилог тексте печорского списка тема земной награды за духовный подвиг отрока получает оригинальное развитие в соответствии со сказочной традицией: великий князь женит его на «добродетельной» девице, отрок заводит себе дом «близ Москвы» и проживает в нем «в щастии и богатствѣ».

В связи с выявлением фольклорных элементов в переделках Мяндина мы обратили внимание на одно из сказаний о св. Николае, переписанное Мяндиным (ИРЛИ, УЦ 66 (л. 420–423 об.)), где нашла отражение одна из устно-поэтических легенд о знаменитом святом [15]. Оно рассказывает о поведении святого на Первом Вселенском соборе, проходившем летом 325 г. в Никее и осудившем ересь Ария. В списке Мяндина история о посещении св. Николаем Никейского собора не заканчивается, как в других списках Сказания, возвращением ему сана, которого св. Николай лишился из-за пощечины Арию, а получает дальнейшее развитие. Здесь противопоставляются нравственные позиции двух героев Сказания – св. Николая и «Касиана римлянина», один из которых (Никола) спас тонущего в море человека, несмотря на то, что тот в награду за спасение обещал только *дати малу свѣцу Господу Богу*, а другой (Касиан), комментируя на соборе поведение св. Николая, сказал: *Како ми итти малы ради свѣци в морѣ, азъ бы и за сий столтъ* (на который он опирался в момент произнесения этих слов – Т. В.), *...не пошелъ бы в море*. После этих слов участники собора решили, что *воистинну архиепископъ святыи Никола Божий человекъ есть и достоинъ по успѣнии его память творити трижды в лѣто*, в то время как «память» Касиану – *точно на четвертое лѣто*.

Эта часть мяндинского списка Сказания имеет явно устно-поэтическую, легендарную основу. Среди устных сказаний о Николае, записанных фольклористами, имеется сюжет, близкий к рассматриваемому фрагменту мяндинской версии Сказания, на который

обратила мое внимание Т.С. Канева. А.Н. Афанасьев в своей книге «Народные русские легенды» [21] под № 11 приводит рассказ «Касьян и Никола», повествующий о том, как «Касьян-угодник», встретив на дороге мужика, у которого в осенней грязи увяз воз, отказался ему помочь, не желая «марать райского платья», а «Николай-угодник» помог мужику, не побоявшись запачкаться в грязи. Когда оба угодника явились к Богу в рай и тот выслушал их объяснения о том, что с ними произошло на земле, и, подобно участникам Никейского собора в мяндинском Сказании, «назначил» им разное почитание на земле [21, с. 78–82]. Возможно, Мяндину была знакома одна из таких легенд про св. Николая, и он использовал ее в своей версии Сказания, придав «народному» святому Николе более демократические черты по сравнению с высокомерным Кассианом.

В мяндинских переработках получили усиление и дальнейшую разработку и некоторые темы, с которыми он соприкоснулся, переписывая старинные повести и поучения. Обратимся к тематическому комплексу, оформившемуся в разного типа литературные сюжеты, который был использован Мяндиным в разных переработках в трансформированном виде. Он включает темы предательства, клеветы (как одного из методов его осуществления) и зависти (как движущей силы, толкающей на предательство). В одних случаях в сюжете древнерусских произведений, которые были использованы Мяндиным, присутствуют все три названные тематические составляющие, в других актуализируется на сюжетном уровне какая-то одна из них. Проследим, в какой степени и как именно эти темы трансформировались под пером печорского книжника.

В произведениях, переработанных Мяндиным, тема предательства представлена в трех аспектах: *предательство родины* (Повесть о Тимофее Владимирском); *предательство веры* (Повесть о Тимофее Владимирском, Сказание об участии св. Николая Мирликийского в работе Никейского собора, в котором описывается «предательство» Арием истинной веры, каким воспринималось его учение участниками Собора и активная позиция на Соборе св. Николая); *предательство близкого человека в семейной сфере* – жены – мужем (Повесть о царице и львице), дочери – отцом (Повесть о царевне Персике), брата – родными братьями (Сказание об Иосифе Прекрасном), воспитателя – приемным сыном (Повесть об Акире премудром), спасителя – спасенной (Троянские сказания) [12, с. 12–15].

Наиболее полно все три рассматриваемые сюжетно-тематические составляющие – предательство-зависть-клевета – представлены в Повести о царице и львице. В основной редакции Повести, по нашим наблюдениям [5], особую роль играет скрытая сюжетная линия, описывающая все этапы развития душевного состояния царя, главного героя Повести, обнаружившего, казалось бы, очевидную измену его супруги, возлежавшей на постели с обнаженным слугой: удивление царя, как его любимая жена могла так поступить, неуверенность царя, какую меру наказания применить к царице, неспособность услышать то, что ему говорят его ближние советники. В основе этого внутреннего сюжета лежит евангельская идея: сердце

человеческое в руках Бога, кто слушает Бога, не ошибется в выборе решения при сложных жизненных ситуациях и не будет доверять «очевидному». Сердце же царево оказалось закрытым, не слышащим подсказок Бога, и при принятии решения относительно царицы победил разум и увиденное земными глазами.

Рассмотрим, в какой степени этот сюжет был воспринят и использован печорским редактором Повести. Проведенный нами анализ текста мяндинских списков «Царицы и львицы» показал, что перипетии внутренней жизни царя, его сомнения («недоумение») меньше заинтересовали печорского редактора, чем перипетии внешнего сюжета о клевете и зависти матери царя, приведших в конечном счете к изгнанию царицы. Благодаря целому ряду сокращений тема удивления царя изменой супруги, сохраненная в начале мяндинской версии Повести, не оформляется в дальнейшем (как в основной редакции) в сюжет о «поврежденном сердце» царя. Покажем, какая перестройка текста привела к такому изменению сюжетной структуры в редакции Мяндина.

Обработка текста Мяндиным заметна уже в первом фрагменте, с которого в основной редакции начинается развиваться внутренний сюжет о выборе царя между сердцем и разумом. Передавая состояние царя после увиденного в спальне, Мяндин сохраняет мотивы печали и страха царя, звучащие в этом фрагменте основной редакции, но опускает мотив «недоумения», формулирующий в основной редакции суть конфликта, лежащего в основе внутреннего сюжета Повести, при этом прямая речь царя переводится в косвенную, опускается эпитет «горькие», сопровождающий тему «изменений» царицы в основной редакции, а увиденное царем определяется однозначно: «злое дело»: *Царь же от полоть изыде, во мнозъй печали и стразь бывъ, и размышляше в себъ, чесо ради сотвори таковое зло дъло и изменение царица к нему* (РНБ, НСРК О. 100, л. 30). Тем самым акцент повествования у Мяндина переносится с размышлений царя о непонятных («горьких») изменениях, произошедших с любившей его царицей, на результат «измены», увиденной земными очами царя – «зло дъло».

Далее Мяндин производит и композиционные изменения. Во-первых, опускается третье, решающее обращение царя к вельможам с просьбой взять на себя решение судьбы царицы и детей, в котором прямо формулируется внутренний конфликт в душе царя: *Имѣхъ бо ю <царицу> благочестиву и добродѣтелну, но самъ видѣвъ таковое зло*. Соответственно опускается и третий ответ «царского сигклита», в котором снова, уже в третий раз звучат темы божественного всеведения и справедливого суда. Во-вторых, в Мяндинской редакции в молитвах царицы, ведомой из темницы на площадь с уготованным ей костром, а также в ее речи, обращенной к царю, опущены все ключевые фразы, развивающие внутренний сюжет в основной редакции: о «повреждении души» царя, о том, что сердце царя в руках Бога и потому царица ждет милости только от Него.

Всех этих мотивов нет в мяндинской редакции Повести, но зато на первый план, «очистившись» от перипетий духовной жизни героя, выступает тема зависти и клеветы как первопричины страдания геро-

ев. Передавая молитву царицы к Богу, Мяндин добавляет отсутствующее в основной редакции объяснение, почему на царицу и любимого ею супруга обрушилась «напасть сия» – *клеветы ради и зависти злых*, а в речи, обращенной к царю, Мяндин (после слов царицы о ее невинности) добавляет: *но оклеветана есть от злых людей*. Повторенная дважды на небольшом отрезке повествования фраза о клевете как источнике бед царицы переключает внимание читателя на это видимое зло, оставляя в тени другое, не столь очевидное зло – предательство царем, в силу «повреждения души», своей возлюбленной супруги, нежелание его обратиться за помощью к Богу, перейти от «недоумения», вызванного случившимся, к вере в любовь и преданность близкого человека.

В результате проведенной Мяндиным переработки текста сюжет древнерусской повести в его редакции лишается глубины, своей двухуровневой (внешний и внутренний сюжеты) структуры. Сокращая текст основной редакции, Мяндин убирает второй план повествования. Его сюжет концентрируется на раскрытии темы зависти и клеветы, а скрытый духовный аспект сюжета остается за пределами текста, лишь напоминая о себе в начальных фрагментах мяндинской версии Повести.

Очевидна работа Мяндина над раскрытием темы зависти, клеветы и предательства и в другой его переработке – Повести о царевне Персике, сохранившейся в двух мяндинских вариантах (НБ СГУ, УЦ р.² 46, л. 303–318; ИРЛИ, УЦ 67, л. 165–195 об.). В основной редакции Повести также звучит, хотя и не в столь сюжетно разработанном виде, как в Повести о царице и львице, тема сомнения героя повести – царя Михаила Болгарского – в недостойном поведении его дочери Персики, о котором он узнает, уйдя на войну, из письма своей второй жены – мачехи Персики Люции, стремящейся избавиться от ненавистной падчерицы, превосходящей ее в красоте. Но Мяндин и в этой переработке опускает тему сомнений героя, на этот раз в добродетели дочери. Эпизод о получении царем Михаилом письма Люции предельно сокращен им: опущены и все конкретные составляющие клеветы на Персику (ее хождение по домам блудническим, где она *многие дни и ночи провождает*), и реакция на это сообщение царя Михаила. Зато рассказ о действиях клеветницы Люции против вызвавшей ее зависть «красоты дела» падчерицы передан во всех ключевых моментах фабулы. При этом печорским книжником проведена такая стилистическая обработка текста основной редакции «Персики», в результате которой тема зависти, как и в Повести о царице и львице, оголяется и выдвигается на первый план повествования. Работу Мяндина над сюжетом Персики можно уподобить превращению живописного полотна в одноцветный рисунок: убираются все мелкие подробности, окружающие тему зла и зависти в основной редакции, и тема эта, лишённая лексического «кружева», отвлекающего внимание читателя, в графически оголенном сюжете выходит на первый план повествования.

В сюжете третьей повести – об Акире Премудром – мы встречаем тот же треугольник персонажей, насыщаемый темой клеветы и зависти с новым распределением ролей. Роль завистника и клеветника отведена здесь приемному сыну главного героя – мудреца Акира – Анадану, сам Акир становится жертвой клеветы и зависти своего воспитанника, а орудием в руках клеветника становится ливийский царь Синограф. Не прибегая к подробному анализу текста III редакции повести об Акире, послужившей источником для Мяндина в двух вариантах его переработки «Акира» (ИРЛИ, УЦ 67, л. 107–219 об.; ИРЛИ, УЦ н.³ 368, экспедиционная копия из мяндинского Цветника, составленная Н.С. Демковой), приведем наши наблюдения об осмыслении печорским книжником этого средневекового сюжета [8; 9].

Если в древнейшей редакции основной конфликт Повести, по замечанию О.В. Творогова, – это «борьба двух моралей: столкновение благородного и мудрого Акира и его неблагодарного и коварного племянника Анадана» [26, с. 174], а в III редакции главный герой – «не столько несчастный отец, вскормивший и воспитавший негодяя, сколько впавший в немилость, оклеветанный вельможа» (Там же, с. 175), то для Мяндина, воспитанного в строгих рамках старообрядческого семейного уклада, основанного на почитании родителей, послушании им, на первый план в сюжете «Акира» выдвигается проблема *сыновнего* предательства, причиной которого Мяндин считает зависть Анадана к богатству и славе его приемного отца Акира, поселившуюся в сердце воспитанника не без воздействия «злосозненного» «врага дьявола». После описания казни Анадана в списках Мяндина звучит наставление автора читателям: *необходимо, ...чтобы не токмо дЪти родных, но и усыновленные бы почитали названныхъ своихъ отцевъ и матерей и не оклеветали бы зависти ради* (ИРЛИ, УЦ 67, л. 219–219 об.). Тема нарушения этой моральной заповеди героем повести Анаданом в заключительных словах Повести выводится Мяндиным на философские высоты эсхатологической темы посмертной судьбы человеческой души, столь волновавшей старообрядцев: *за что не токмо здѣ примут* (непочитающие родителей – Т. В.) *достойную казнь, но и по смерти муку вЪчную* (Там же, л. 219 об.).

Таким образом, анализ трех мяндинских переработок древнерусских повестей, в которых звучат темы зависти, клеветы и предательства, показывает, что печорский книжник увидел за строками средневековых произведений свои картины, соотносящиеся с его личным крестьянским и человеческим опытом, по своему услышал диалоги героев старинных повестей. Упростив язык и в то же время добавив в повествование этикетные формулы, хранившиеся в «литературной» памяти начитанного в древнерусских текстах книжника, Мяндин придал своему повествованию напряженность, конкретность и зримость, усилив звучание волновавших его тем, сохранив, вместе с тем, в своем повествовании связь с литературной традицией.

Невозможно обойти в данной статье и еще одну тему, которая волновала печорского книжника. Это тема любви между мужчиной и женщиной, которая в

² НБ СГУ УЦ р. – Усть-Цилемское собрание рукописей Научной библиотеки Сыктывкарского государственного университета.

³ ИРЛИ, УЦ н. – Усть-Цилемское новое собрание ИРЛИ.

средневековых текстах разрабатывалась достаточно абстрактно и лишена была ярких подробностей. Поэтому Мяндин, встречая в средневековых сюжетах упоминания о любовных взаимоотношениях героев, стремился дополнить их своими деталями и комментариями. Обычно эти фрагменты легко вычлениваются из основного текста повестей, так как они написаны языком крестьянина XIX в. Приведем наиболее яркий пример таких «расширений» древнерусского текста из мяндинской переработки библейского сказания об Иосифе Прекрасном.

К Сказанию об Иосифе Мяндин обращался трижды (списки ИРЛИ, УЦ 267, л. 35 об.–55, УЦ 66, л. 29 об.–47 об. и РНБ НСРК О 100, л. 133 об.–146 об.; см. издание текста: [2, с. 277–296]). Наиболее интересны с точки зрения темы статьи вторая (УЦ 66) и третья (РНБ НСРК О 100) стадии переработки мяндиным сюжета об Иосифе. В списке УЦ 66 печорский книжник, с одной стороны, еще полностью следует за композицией своих источников, не подвергает текст последовательному сокращению, с другой – весьма существенно перерабатывает сюжет, вводя новые сюжетные мотивы и меняя акценты в обрисовке образов главных героев. В этой версии появляется новое вымышленное действующее лицо – некто Селима, возлюбленная Иосифа, сюжетная роль которой – мотивировать зависть, которую испытывал к Иосифу один из его братьев Симеон, также претендовавший на руку Селимы.

Введение И.С. Мяндиным нового действующего лица повлекло за собой и введение в дальнейшее повествование ряда новых сюжетных мотивов, развивающих тему Селимы, которые связали «египетскую» часть Сказания с началом рассказа. Так, образ Селимы появляется в сцене соблазнения Иосифа женой Потифара (которая здесь названа Далукой) и в сцене посещения ею Иосифа в темнице (также придуманной Мяндиным), в которой Далука слышит, как Иосиф во сне разговаривает со своей невестой, что лишает Далуку последней надежды завоевать его сердце.

Существенно переосмысливается во второй мяндинской версии Сказания и образ соблазнительницы Иосифа – Далуки. Из орудия сатаны, окаянной блудницы, какой она вслед за Словом Ефрема Сирина, одного из источников Мяндина, предстает в списке УЦ 267, Далука в новой версии сюжета превращается в любящую и страдающую от неразделенной любви женщину, которую только страх оказаться разоблаченной мужем толкает на оклеветание Иосифа. Эта перестройка образа Далуки начинается с первого эпизода ее появления. Здесь Мяндин вводит отсутствующую в источниках характеристику жены Потифара как первой красавицы Египта, «земной богини», что находит себе художественную параллель в последующем эпизоде соблазнения Иосифа, в котором из-под пера Мяндина появляются новые художественные детали: отчаявшись привлечь Иосифа своими нарядами и благовониями, Далука обращает внимание юноши на обнимающихся богов – Венеру и Марса, статуя которых как бы демонстрирует радость плотской любви. Так же, по художественной логике Мяндина, считает себя достойной любви и «земная богиня» Далука. В этой мяндинской редакции в рассказе о Далуке И.С. Мяндиным сняты все упоминания о ее блудной

страсти, влекущей Далуку к Иосифу, об охватившем ее вождлении, которыми насыщен текст варианта УЦ 267. Вместо выражения «блудная страсть» появляется слово «любовь». Таким образом, здесь в Мяндине-редакторе побеждает писатель, пытающийся в духе нового времени по-крестьянски осмыслить любовные взаимоотношения своих персонажей.

В третьей версии Сказания (РНБ, НСРК О. 100) заметна дальнейшая работа печорского книжника над образами Иосифа и Далуки. Сцена соблазнения Иосифа женой Петерфия тщательно разрабатывается: во-первых, подробно описывается место действия. В источниках Мяндина – Слове Ефрема Сирина и Хронографе – оно никак не обозначено, в двух первых мяндинских версиях – это спальня жены Петерфия («ложница»), о чем упоминается вскользь. В третьей версии – это «нѣкий прекрасный садъ», куда однажды заходит Иосиф, а вслед за ним и Далука. Встреча эта рисуется Мяндиным как нечаянная, а не подстроенная Далукой, и все последующее ее поведение приобретает характер экспромта. Речь Далуки, обращенная к Иосифу, здесь сокращается, текст становится более энергичным, действия Далуки более стремительными. Тема Селимы, оставшейся на родине невесты Иосифа, вводится прямо в монолог Далуки, воспринимающей ее как соперницу: *И со словом обнажи всѢ свои члены донага и сказа: «Виждь, Иосифе, мои члены, нѢужели лучше моихъ у твоей Селимы?»* Меняется и рисунок поведения Иосифа. Из непоколебимого праведника он превращается в смущенного мужчину, который начинает колебаться в своей аскетической позиции, что сразу замечает влюбленная Далука: *Иосифъ же при такомъ зрѣлици весь измѣнися, то зря на идоловъ, то на Далуку обнаженную, но Далука восторжествовала, увидя Иосифа, яко соизволяюща, бросилась к нему в объятия.* И только после этого Иосиф *спомнилъ свою Селиму и Иякова, и какъ стрела из лука бросилъ вонъ из саду,* оставив свою ризу в руках Далуки.

Таким образом, от версии к версии в списках Мяндина образ главного героя Сказания – Иосифа – все более приближался к представлениям печорского крестьянина об Иосифе как реально существовавшем человеке, умеющем хранить верность любимой женщине, но способного и поколебаться в этой верности перед лицом ее красивой соперницы. Менялся в ходе работы над Сказанием и образ героини – соблазнительницы Иосифа: из злодейки, орудия дьявола, она превращалась в любящую женщину, поступки которой диктуются не греховным вождлением, а истинным сильным чувством, вызывающим сочувствие читателей. Так печорский книжник попытался наполнить древнерусские тексты описаниями чувств и душевных состояний своих героев, которые отсутствовали в его источниках (подробнее см.: [14]).

Мы рассмотрели далеко не полный спектр тем, которые получили переосмысление в мяндинских редакциях древнерусских повестей, остановившись на тех, которые особенно активно разрабатывались И.С. Мяндиным. Но и представленные здесь материалы позволяют увидеть ту новую жизнь, которую обрели древнерусские сюжеты за пределами Средневековья – во второй половине XIX в. – под пером писателя из старообрядческой крестьянской среды.

Литература

1. Владимиров, П. В. Древнерусское слово о ленивом и сонливом / П. В. Владимиров // Доклады, читанные на девятом археологическом съезде в Вильне: Отдельный оттиск из Трудов IX Археологического съезда в Вильно). – Москва, 1897.
2. Волкова, Т. Ф. Древнерусская литература в круге чтения печорских крестьян. Печорские редакции древнерусских повестей / Т. Ф. Волкова. – Сыктывкар, 2005.
3. Волкова, Т. Ф. Иван Степанович Мяндин – редактор древнерусских повестей. (Некоторые итоги изучения литературного наследия печорского книжника) / Т. Ф. Волкова // ТОДРЛ. – Санкт-Петербург, 2006. – Т. 57. – С. 839–890.
4. Волкова, Т. Ф. К вопросу о крестьянском взгляде на средневековые сюжеты (усть-цилемец И. С. Мяндин и усть-куломец И. С. Рассыхаев) / Т. Ф. Волкова // Народная культура в слове и тексте : сборник исследований и материалов памяти Валентины Викторовны Филипповой. – Сыктывкар : Издательство СыктГУ, 2013. – С. 43–51.
5. Волкова, Т. Ф. К вопросу о характере сюжета в «Повести о царице и львице» / Т. Ф. Волкова // Вестник Сыктывкарского университета. Серия 9. Филология. – Сыктывкар, 2003. – Вып. 5. – С. 4–17.
6. Волкова, Т. Ф. К изучению печорских списков Троянских сказаний (две редакции И. С. Мяндина) / Т. Ф. Волкова // ТОДРЛ. – Санкт-Петербург, 2004. – Т. 55. – С. 394–414.
7. Волкова, Т. Ф. Крестьянский взгляд печорского старообрядца И. С. Мяндина на сюжетные ситуации древнерусских повестей / Т. Ф. Волкова // Двадцатая годовичная сессия Ученого совета Сыктывкарского государственного университета (Февральские чтения) : сборник материалов. – Сыктывкар, 2013. – С. 16–21.
8. Волкова, Т. Ф. Осмысление усть-цилемским крестьянином И. С. Мяндиным средневекового сюжета об Акире Премудром / Т. Ф. Волкова // Рябининские чтения-2011 : Материалы VII научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. – Петрозаводск, 2011. – С. 425–428.
9. Волкова, Т. Ф. Повесть об Акире Премудром в печорской рукописной традиции / Т. Ф. Волкова // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2011. – № 2. – С. 113–129.
10. Волкова, Т. Ф. Повесть о Тимофее Владимирском в переработке печорского крестьянина И. С. Мяндина / Т. Ф. Волкова // Вестник Сыктывкарского университета. Серия 9. Филология. – Сыктывкар, 2001. – С. 4–21.
11. Волкова, Т. Ф. Поучения против лени в круге чтения старообрядцев Нижней Печоры / Т. Ф. Волкова // Старообрядчество: история, культура, современность. – Москва, 2004. – Вып. 10. – С. 55–79.
12. Волкова, Т. Ф. Средневековые сюжеты о предательстве, зависти и клевете в осмыслении печорского книжника XIX в. И. С. Мяндина / Т. Ф. Волкова // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2011. – № 2. – С. 11–17.
13. Волкова, Т. Ф. Фольклорные темы и образы в литературных переработках древнерусских сюжетов И. С. Мяндина / Т. Ф. Волкова // Рябининские чтения-2015. Материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. – Петрозаводск, 2015. – С. 463–465.
14. Волкова, Т. Ф. Сказание об Иосифе Прекрасном в обработке печорского книжника И. С. Мяндина / Т. Ф. Волкова, М. В. Михайлова // ТОДРЛ. – Санкт-Петербург, 2009. – Т. 60. – С. 529–555.
15. Волкова, Т. Ф. Печорские списки Повести о хождении святого Николая на Первый Вселенский собор / Т. Ф. Волкова, С. Е. Плехова // Слово и текст: история, культура, этнос : Сборник научных трудов памяти Лидии Яковлевны Петровой. – Сыктывкар, 2009. – С. 44–53.
16. Волкова, Т. Ф. К изучению Повести о царевне Персике / Т. Ф. Волкова, Г. В. Чупрова // Традиция и литературный процесс. – Новосибирск : Издательство СО РАН, Научно-издательский центр ОИГГМ СО РАН, 1999. – С. 16–25.
17. Малышев, В. И. Усть-Цилемская обработка Повести о царевне Персике / В. И. Малышев // Исследования и материалы по древнерусской литературе. – Москва, 1961. – Вып. 1. – С. 326–337.
18. Малышев, В. И. Усть-Цилемские рукописи XVII–XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания / В. И. Малышев // ТОДРЛ. – Москва ; Ленинград, 1961. – Т. 17. – С. 561–604.
19. Малышев, В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. / В. И. Малышев. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1960.
20. Малышев, В. И. Усть-Цилемский книгописец и писатель XIX в. И. С. Мяндин / В. И. Малышев // Древнерусская книжность. (По материалам Пушкинского Дома). – Ленинград, 1985. – С. 323–337.
21. Народные русские легенды А. Н. Афанасьева. – Новосибирск, 1990. – 266 с.
22. Памятники письменности в хранилищах Коми АССР : каталог-путеводитель / составитель Т. Ф. Волкова [и др.]. – Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1989. – Часть 1. Выпуск 1. Рукописные собрания Сыктывкарского государственного университета.
23. Ромодановская, Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII–XIX вв. / Е. К. Ромодановская. – Новосибирск : Наука, 1985. – С. 216–226, 350–361.
24. Рыжова, Е. А. Описание печорских рукописей из фондов библиотеки Российской академии наук / Е. А. Рыжова // Книжные центры Республики Коми : Усть-Цилемский район. – Сыктывкар : Издательство СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. – С. 230–285.
25. Скрипиль, М. О. Повесть о Тимофее Владимирском / М. О. Скрипиль // ТОДРЛ. – Москва ; Ленинград, 1951. – Т. 8. – С. 287–307.
26. Творогов, О. В. Переводная беллетристика XI–XII вв. / О. В. Творогов // Истоки русской беллетристики. – Санкт-Петербург, 1970. – С. 163–180.
27. Творогов, О. В. Троянская история в переработках усть-цилемских книжников / О. В. Творогов // Рукописное наследие Древней Руси : (по материалам Пушкинского Дома). – Ленинград, 1972. – С. 228–241.
28. Усть-Цилемская книжность в исследованиях филологов Сыктывкарского университета: тематический библиографический указатель // Книжные центры Республики Коми : Усть-Цилемский район. – Сыктывкар : Издательство СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. – С. 317–350.
29. Чалкова, Т. Ф. Повесть о царице и львице в обработке И. С. Мяндина / Т. Ф. Чалкова // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. – Новосибирск, 1987. – С. 234–248.

T.F. Volkova

A NEW READING OF ANCIENT RUSSIAN PLOTS BY THE PECHORA PEASANT OF THE 19TH CENTURY (LITERARY EDITING BY I. S. MYANDIN)

The article deals with a number of revisions of ancient Russian tales made by I.S. Myandin, a Pechora scribe of the 19th century. I.S. Myandin's literary editing reflects the themes, ideas and images that worried the Ust-Tsilma Old Believer. His additions to the Old Russian text are revealed.

Ust-Tsilma, I.S. Myandin, revisions of Old Russian tales, the Old Believers' literacy.

*Л.М. Голиков
Вологодский институт права и экономики
ФСИН России*

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ НОРМА В ДИСКУРСЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО АНТИСЕМИТИЗМА СССР (НА МАТЕРИАЛЕ ДОКУМЕНТОВ 1946–1953 гг.)

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00111
«Русский национализм в лингвоюридическом аспекте: прагматика, динамика, экспертиза»*

В статье описываются особенности репрезентации идеологической нормы в дискурсе государственного антисемитизма СССР периода позднего сталинизма. Автор приходит к выводу о семантической сложности интенциональной нормы и обязательной персуазивности ее выражения в антисемитском тексте.

Антисемитский дискурс, тоталитарный дискурс, идеологическая норма, персуазивность, образ врага.

В статье представлены материалы доклада, сделанного автором на Международной научной конференции «Слово, текст, источник: методология современного гуманитарного исследования» (22–23 апреля 2022 г., Москва, РГУ им А.Н. Косыгина, Институт славяноведения РАН). Актуальность настоящего исследования обусловлена чрезвычайной важностью проблем национализма в разных его проявлениях не только в современной России, но и в мире в целом. Тезис Л. Гринфельд о том, что национализм «определяет современность, а не определяется ею» [8, с. 22], отнюдь не устарел: «...во втором десятилетии XXI века происходило то, что уже не раз происходило в истории. Наблюдался реванш национализма, за которым в очередной раз последовало контрнаступление антинационалистических сил. Точка в давнем споре не поставлена...» [16, с. 28].

Институциональный антисемитский дискурс в качестве частного случая дискурса «этнического» национализма вызывает особый интерес, так как обладает значительной историей развития и, что самое ценное, преемственностью в этом развитии. Так, при всей очевидной разнице образцов государственного антисемитизма периодов Российской империи и Советского Союза на рубеже 40–50-х годов данные дискурсы обладают схожей персуазивной природой, базирующейся на представлении автора антисемитского текста о необходимости преодоления ситуации вреда, агенсом которой выступают евреи. Если в законе Российской империи о евреях такая необходимость истекает из религиозного противопоставления [6], то в антисемитских документах СССР – из политического. Однако и в том и в другом случаях это противопоставление несет фидеистический характер, основывается на идеологическом идеале, находящем свое отражение в идеологической норме. Именно по этой причине задачами настоящей статьи явились стремления описать семантическую структуру идеологической нормы в дискурсе государственного антисемитизма СССР (далее – ДГА) на примере документов позднего сталинизма и определить прагматические

потенции высказываний, реализующих идеологическую норму в антисемитском тексте.

Представляется, что дополнение сведений о наборе традиционных для антисемитского текста прагматических приемов, в том числе воспроизводимых в образцах XXI в., обладает определенным практическим потенциалом в области лингвистической экспертизы.

Источниками исследования послужили документы 1946–1953 гг., собранные в издании «Государственный антисемитизм в СССР. От начала до культуры, 1938–1953» [7].

ДГА рассматривается нами в качестве неотъемлемой части тоталитарного дискурса как «инструмента социальной власти» [2], несущего «лингвокультурный характер» [14, с. 3], обладает всеми его признаками: статусной ориентированностью [10, с. 278], идеологичностью [14; 19, с. 723], фидеистичностью [21, с. 76–78], ритуализированностью [11; 13; 15, с. 147–151], театральностью [21, с. 91], агрессивностью и персуазивностью [18, с. 72–139].

Для нашей работы важны прежде всего идеологичность, фидеистичность и ритуализированность ДГА, так как он предназначен выражать «особую идеологию» [19, с. 723] тоталитарного характера, которая порождает религиозную иррациональность и фантомность [21, с. 76], требует «соблюдения ритуала» [15, с. 147], имеющего определенный «магический» эффект [11]. Все эти особенности проявляются в таком семантическом феномене, как идеологическая норма, которая не находит в образцах ДГА прямого выражения, но репрезентируется высказываниями, реализующими истинностную оценку. Апелляция к истинности или ложности – традиционный прием для текстов, где истина репрезентируется как представление об идеальном мире, где осуществляется в высокой степени обязательное идеологическое регулирование, которое представляет собой тоталитарное давление «как в области мышления, так и в области языка» [17, с. 72]: *...Еврейский антифашистский комитет своими статьями и материалами за границу,*

создавая ложное представление о советской действительности, в которой будто бы ведущая роль принадлежит евреям, дает пищу для антисоветской пропаганды, клеветнически отождествляющей все советское с еврейским [7, с. 87].

При описании идеологической нормы, реализуемой в ДГА, мы исходим из представления о том, что она лежит одновременно в плоскостях эпистемического (это истинно), этического (это добродетельно) и нормативного (это обязательно), то есть представляет собой «правила идеала, говорящие о том, каким нечто должно, может или не должно быть», является «конъюнкциями оценочного и нормативного утверждений» [9, с. 169]: *2 февраля 1953 года я был арестован и мне было предъявлено обвинение в том, что я еврейский националист, враг Советской власти, американский шпион и убийца. <...> За свою беспринципную обывательскую болтовню и связанную с ней недопустимую ни с какой точки зрения оценку деятельности правительства в отношении евреев-специалистов (я убедился при этом благодаря разъяснению одного очень авторитетного юриста, старого коммуниста, в абсолютной ошибочности как всех слухов, так и моих предположений) я не только себя казню, но и морально тяжело переношу свой тяжёлый проступок* [7, с. 480–481].

Репрезентация идеологической нормы в ДГА в какой-то мере перекликается с онтологической интерпретацией права и морали Лейбница [5, с. 10–11], когда адресат идеологической нормы «мыслится идеально как разумное существо, которое наделено способностью проводить» некий идеологический идеал «в актах творения». Идеологическая норма, являя идеологический идеал, обладает «безусловностью и изначальностью» (Там же). То есть идеологический идеал – это не только абсолютная истина, «вечная, неизменная, единственная и принадлежащая к идеальному миру», открывающаяся человеку, а не открываемая человеком [1, с. 544, 545], но и нравственность [5, с. 10–11].

Как справедливо отмечает Н.Д. Арутюнова, этически «истинное противостоит недолжному, а не ложному» [1, с. 549], связывается с понятием долга [4; 12], то есть в дискурсе государственного антисемитизма прескриптивность идеологической нормы является прежде всего этической, когда автор антисемитского текста основывается на предположении о том, что субъект оцениваемого действия «знает истину» [20, с. 124] и соответственно должен являться носителем этических установлений, или долга. Идеологический долг – это «непосредственно осознаваемая внутренняя... необходимость» [3, с. 23] субъекта следовать идеологическому идеалу, быть преданным ему. Отсутствие идеологического долга или отказ от него позиционирует субъекта как находящегося вне данной этической системы: *У нас есть много оркестров, состоящих из преданных сынов нашего многонационального Советского государства, и нет необходимости возлагать эту миссию на народ (евреев), не показавший за всю историю своего существования образцов героизма и преданности. Единственное, что слышит и с чем сталкивается наш трудолюбивый народ, это воровство, жульничество, спекуляция,*

предательство и убийства со стороны этого малочисленного, продажного народа, одно слово о котором – «еврей» – вызывает чувство отвращения и омерзения [7, с. 346].

Такое внутреннее должное автору антисемитского текста затруднительно назвать, но возможно обозначить соответствие идеологическому долгу содержания какого-либо действия, преимущественно с помощью атрибута *правильный*. Таким образом замещается позиция истинного на позицию должного как добродетельного: *При голосовании в ЦК предложения об исключении из партии П.С. Жемчужиной я воздержался, что признаю политически ошибочным. Заявляю, что, продумав этот вопрос, я голосую за это решение ЦК, которое отвечает интересам партии и государства и учит правильному пониманию коммунистической партийности. Кроме того, признаю тяжёлую вину, что вовремя не удержал Жемчужину, близкого мне человека, от ложных шагов и связей с антисоветскими еврейскими националистами вроде Михоэlsa* (Там же, с. 162).

Особенностью идеологической нормы, функционирующей в ДГА, является то, что она не лишена нормативной утилитарности, которую автор антисемитского текста определяет необходимостью охранения идеологического идеала. Достижение пользы в советском антисемитском тексте традиционно реализуется через преодоление ситуации вреда, агенсом которой являются евреи [6]: *Проверкой установлено, что деятельность Еврейского антифашистского комитета, как на заграничу, так и внутри СССР, приобретает все более сионистско-националистический характер и потому является политически вредной и нетерпимой. Вся деятельность ЕАК в настоящее время противоречит ленинско-сталинским взглядам на существование еврейского вопроса* [7, с. 91].

Нормативная утилитарность прежде всего подразумевает принуждение, определяемое условными социальными конвенциями [4, с. 19], то есть предполагает регулирование аномальных действий: субъект извне принуждается следовать идеологическому идеалу. В этом плане идеологический идеал понимается как истина, которая ставится в оппозицию ко лжи, или несоответствию содержания [20, с. 111–133] действия субъекта и идеологического идеала, определяемой враждебной аномалией: *Вам предъявлено обвинение в том, что вы, являясь еврейской буржуазной националисткой, проводили организованную вражескую работу против Советского государства, возводили клевету на политику партии и советского правительства, распространяли антисоветские националистические измышления и, имея изменнические намерения, предпринимали попытки к бегству за границу, т.е. в совершении преступлений, предусмотренных статьями 19-58-1 «а», 58-10, ч. II и 58-11 УК РСФСР* [7, с. 410–411].

Компонент 'враждебное' можно трактовать как обладающая злонамеренным характером неискренность субъекта, или несоответствие между «содержанием предложения» и «мыслью» говорящего» [20, с. 121].

Атрибуты, указывающие на враждебность действия (*антисоветский, вражеский (враждебный)*),

противостоя определению *правильный*, выстраивают идеологическую оппозицию, которая ложится в основу репрезентации идеологической нормы в ДГА, что вполне отвечает принципу семантического (идеологического) примитивизма [14, с. 9]: ложное, порочное, аномальное (враждебное) противостоит истинному, добродетельному, обязательному (правильному).

Таким образом, выражая идеологическую норму, говорящий выступает субъектом эпистемической оценки и деонтического должествования (S), который знает идеологический идеал, или идеальное представление о советской действительности (P). Объектом эпистемической оценки выступает содержание (Q) действия субъекта (S1). Важно отметить, что в представлении S S1 обладает знанием о P. Своим речевым актом S определяет соответствие/несоответствие Q и P, искренность/неискренность S1, то есть реализует семантику, представляемую в наиболее общем виде как тождество/нетождество «отношений между элементами в различных совокупностях/множествах/сериях/рядах/комплексах и т.д.» в целом [20, с. 111, 113]. Если взять за основу определение И.Б. Шатуновского, то P, Q и «мысль» S1 представляют собой некие структуры.

P, благодаря своему идеальному характеру, является универсальной для антисемитского дискурса структурой действительности (отражает идеологический идеал – «истину»). Q и «мысль» S1 как интенциональные структуры (Там же, с. 116) несут частный характер и, следовательно, соотносятся/не соотносятся только с фрагментом P.

Деонтическое должествование реализует общее значение обязанности (этического и нормативного характера), предполагающего такую «идеальную структуру, “форму” действий и процессов» (Там же, с. 115), при которой не только Q соответствует P (Q=P), но и «мысль» S1. Важно, что нормой в данном случае является не сама по себе «форма» действия, а ее способность реализовать соответствующее идеологическому идеалу содержание.

В целом идеологическую норму как интенциональную норму, реализуемую в ДГА, можно условно описать в виде формулы, состоящей из двух компонентов. Первый – оценочный, отражает «истину», или идеологический идеал: истинно, что «советское» есть P. Второй – деонтический, подразумевающий обязывающее правило: «советское» должно быть P.

Любое действие, Q которого не соответствует P, является абберацией, получающей обязательное наименование в антисемитском дискурсе: «Ненормативные явления... не только имеют право на прямую номинацию, но они не могут быть обойдены речевыми сообщениями» [1, с. 85].

Наименования интенциональных действий, нарушений идеологической нормы, образуют ряды десемантизированных синонимов: *клевета – слух – измышление – извращение – вымысел; оклеветать (клеветать) – охаять (охаивать) – извратить (извращать)*. Эти ряды можно продолжать. «Десемантизация – это не полное обесмысливание... слова ритуального языка часто теряют не весь смысл, но часть его, как правило, сохраняя или даже приобретая оценочное значение» [13]. Так, члены указанных вы-

ше рядов в антисемитском тексте СССР не представляют каким-либо образом дифференцированные аномалии, а называют типизированное враждебное (злонамеренное) действие, Q которого не соответствует P. Их общими семантическими компонентами являются 'ложное', 'порочное', 'аномальное', которые в целом представляют идеологический макрокомпонент 'враждебное «советскому»', позволяющий в рамках ДГА рассматривать подобные слова в составе идеологем, реализующих идеологическую «установку (предписание)» [14, с. 43]: *После того, как Комитет не получил положительного ответа на свой проект, еврейские националисты стали усиленно распространять слухи о том, что антисемитизм в стране не пресекается, растет и приобретает уже форму государственного антисемитизма. Распространялись клеветнические антисоветские измышления по адресу руководителей партии и правительства, которых обвиняли в антисемитизме [7, с. 126]; Умышленное извращение ЗИЛЬБЕРШТЕЙНОМ и РУТЕНБЕРГОМ нашей советской действительности, передового советского производства, оснащенного самой передовой техникой, свидетельствуют о их прямом соучастии в клевете и дискредитации американским империализмом Советского Союза (Там же, с. 221–222); Участники сборищ также враждебно отнеслись к борьбе с космополитизмом и в этой связи распространяли различные враждебные вымыслы (Там же, с. 439); Будучи враждебно настроенным к КПСС и существующему в СССР государственному строю, АЛЬТМАН длительное время проводил подрывную работу в области театрального искусства. Клеветал на постановление ЦК КПСС, с националистических позиций охаивал советскую драматургию» (Там же, с. 316); *Пытаясь извратить политическую важность проводимых мероприятий по ликвидации вредоносной деятельности космополитов, еврейские националистические элементы распространяют различные версии о якобы имеющем место притеснении интеллигенции и скрытом походе против евреев (Там же, с. 327).**

Очевидно, что высказывания, констатирующие в антисемитском тексте интенциональные абберации, представляют евреев, агентов таких аномалий, в качестве идеологических врагов. Если учитывать базовую оппозицию евреи – неевреи, определяющую этнический характер ДГА, то следует отметить, что здесь реализуется общий политический принцип: «всякая... этническая противоположность» трансформируется в идеологическую [22, с. 312]: *Некоторые представители еврейской интеллигенции из числа писателей, журналистов, врачей, адвокатов, пользуясь популярностью и авторитетом, ведут линию на националистическое единение евреев, разжигают вражду к украинцам и русским. В кругах этой еврейской интеллигенции возродится антисоветская клевета на руководителей ВКП(б) и Советского правительства, которыми якобы не созданы необходимые условия для национального существования евреев в СССР... [7, с. 101].*

В прагматическом плане такие примеры выступают в функции *argumentum ad personam* благодаря прежде всего этическому компоненту идеологической нормы, предполагающему оценку содержания действия в качестве идеологически порочного, что поз-

воляет определять подобные высказывания регулярным персуазивным средством, а антисемитский текст – преимущественно персуазивной формой.

Итак, идеологическая норма в ДГА представляется сложным семантическим комплексом, сочетающим эпистемический и деонтический модальные планы: объединяя истинное, добродетельное и обязательное (правильное), являет собой интенциональный образец и «форму» действия, способную это образец реализовать.

Идеологическая норма в ДГА репрезентируется посредством апелляции к враждебной «советскому» злонамеренной ложности действий евреев. Подобные констатации идеологических aberrаций евреев, которые в ДГА выступают в функции идеологемы, являются обязательным персуазивным приемом, направленным на формирование образа идеологического врага.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Блакар, Р. М. Язык как инструмент социальной власти / Р. М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – Москва : Прогресс, 1987. – С. 88–120.
3. Бочкарев, А. Е. О чувстве долга как лингвоспецифичном концепте русского языка (в фокусе Национального корпуса русского языка) / А. Е. Бочкарев // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2019. – № 1. – С. 20–32.
4. Булыгина, Т. В. Концепт долга в поле должностования / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Культурные концепты. – Москва : Наука, 1991. – С. 14–21.
5. Герасимова, И. А. Деонтическая логика и когнитивные установки И. А. Герасимова // Логический анализ языка: Языки этики. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 7–16.
6. Голиков, Л. М. Закон Российской империи о евреях как националистический текст / Л. М. Голиков. – DOI 10.24224/2227-1295-2020-7-40-54 // Научный диалог. – 2020. – № 7. – С. 40–54.
7. Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953 / составитель Г. В. Костырченко ; под редакцией А. Н. Яковлева. – Москва : Материк, 2005. – 592 с.
8. Гринфельд, Л. Национализм. Пять путей к современности. / Л. Гринфельд. – Москва : ПЭР СЭ, 2012. – 528 с.
9. Ивин, А. А. Основания логики оценок / А. А. Ивин. – Москва : Издательство Московского университета, 1970. – 229 с.
10. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2009. – 406 с.
11. Кассирер, Э. Техника современных политических мифов / Э. Кассирер // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 1990. – № 2. – С. 58–65.
12. Кошелев, А. Д. О языковом концепте 'долг' / А. Д. Кошелев // Логический анализ языка: Языки этики. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 119–124.
13. Кронгауз, М. А. Бессилие языка в эпоху зрелого социализма / М. А. Кронгауз // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. – Текст : электронный. – URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/krongauz1.htm> (дата обращения: 23.03.2022).
14. Купина, Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. – Екатеринбург ; Пермь : Изд-во Уральского университета. – ЗУУНЦ, 1995. – 144 с.
15. Левин, Ю. И. Истина в дискурсе / Ю. И. Левин // Семиотика и информатика. – Москва, 1994. – Вып. 34. – С. 124–164.
16. Малахов, В. С. Национализм: ускользающий объект / В. С. Малахов // Социология власти. – 2021. – № 2. – С. 8–30.
17. Мамардашвили, М. К. Мысль под запретом / М. К. Мамардашвили // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 70–78.
18. Михальская, А. К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике / А. К. Михальская. – Москва : Academia, 1996. – 192 с.
19. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – Москва : Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
20. Шатуновский, И. Б. Семантика предложения и нереперентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика) / И. Б. Шатуновский. – Москва, 1996. – 400 с.
21. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса // Шейгал Е. И.: Семиотика политического дискурса : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Шейгал Е. И. – Волгоград, 2000. – 440 с.
22. Шмитт, К. Понятие политического / К. Шмитт. – Санкт-Петербург : Наука, 2016. – 567 с.

L.M. Golikov

IDEOLOGICAL NORM IN THE STATE ANTI-SEMITISM DISCOURSE IN THE USSR (ON THE MATERIAL OF DOCUMENTS OF 1946–1953)

The article describes the features of the ideological norm representation in the discourse of state anti-Semitism in the USSR in the period of late Stalinism. The author comes to the conclusion about the semantic complexity of the intensional norm and obligatory persuasiveness of its representation in the anti-Semitic text.

Anti-Semitic discourse, totalitarian discourse, ideological norm, persuasiveness, image of the enemy.

С.А. Громько
Вологодский государственный университет

БИБЛЕЙСКИЙ ИНТЕРТЕКСТ В РУССКОМ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00111
«Русский национализм в лингвоюридическом аспекте: прагматика, динамика, экспертиза»*

В работе исследуются библейские фразеологизмы, крылатые выражения, цитаты, имена, сюжеты, которые использовались в публичной парламентской дискуссии начала XX века в Государственной Думе. Библейский интертекст анализируется с позиции его функционирования в интенциональном и персуазивном аспектах.

Интертекст, библеизмы, парламентский дискурс, интенциональность, персуазивность.

Библеизмы в русском националистическом дискурсе – явление частотное и заметное, особенно если речь идет о текстах начала XX века. Различного рода публичные выступления членов и руководителей правомонархических движений и партий вообще крайне насыщены интертекстом. Исследованные ранее такие источники прецедентности, как художественная литература [10] и факты истории [8], позволили говорить не только о богатстве, но и специфичности интертекстуального уровня националистической коммуникации, в отличие от дискурса левых и кадетов, чему есть несколько объяснений. Во-первых, социальным ядром русских националистов было консервативное высокообразованное дворянство, ориентированное в своем мировоззрении на русскую культуру начала-середины XIX века. В публичных дискуссиях это проявлялось в использовании цитат и аллюзий из художественных и публицистических произведений А.С. Пушкина, И.А. Крылова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина и резком неприятии текстов Л.Н. Толстого и М. Горького [10]. Во-вторых, правые монархисты стремились выработать исключительно свой инвентарь прецедентности, который мог бы служить маркером принадлежности автора текста к русскому праворадикальному крылу. Наконец, в политическом смысле русский национализм объявлялся его сторонниками логическим продолжением как русской классической литературы, культуры, науки, так и русской истории, хотя концепция последней и была неоднозначной [8].

В этой связи библейский интертекст играл очень важную роль. Русские националисты, действовавшие в институциональном публичном поле, всячески демонстрировали преемственность уваровской триаде «Православие. Самодержавие. Народность», поэтому библейская прецедентность выполняла идеологическую функцию. Религиозная риторика также являлась одним из средств мобилизации аудитории. Не стоит забывать, что важное место среди членов и сторонников «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела» занимали авторитетные и харизматичные

священники, например митрополит Евлогий и архиепископ Никон Рождественский. И если первый, будучи членом Государственной Думы, выступал с политическими речами, используя приемы церковно-проповеднического стиля, то второй целиком трансформировал проповедь под идеологические задачи [9].

Под библеизмами в самом широком смысле понимается любая интертекстуальная реализация библейского текста в любом другом тексте культуры [2, с. 54]. В современной отечественной филологии намечилось несколько направлений изучения библеизмов. Во-первых, это межкультурное и переводоведческое направление, представленное многочисленными сопоставительными работами, посвященными изучению библейских фразеологизмов в русском, английском, немецком, чешском и других языках [15; 16; 1; 14; 26; 19; 11 и др.]. Во-вторых, продуктивно исследование библейского интертекста в художественном тексте: в творчестве М.И. Цветаевой [20], М.А. Булгакова [22], М.М. Пришвина [13], Н.П. Гилярова-Платонова [21] и других писателей и публицистов. Кроме того, в последние два десятилетия активно изучается функционирование библеизмов в медиатекстах [17; 18; 23; 24 и др.].

Ниболее полным и комплексным исследованием библейского интертекста в политическом дискурсе на сегодняшний день является диссертация Е.И. Боллигер [2]. Это сравнительное исследование современных американского, европейского и российского дискурсов позволило сделать вывод о насыщенности библеизмами американских политических текстов и сравнительной бедности российских. «На основании проведенного сопоставительного исследования библеизмов в речах американских, британских, российских, а также немецких и швейцарских политиков нужно отметить факт ограниченного употребления библеизмов в российском и немецкоязычном институциональном дискурсе» [2, с. 123]. Особенно интересными следует признать наблюдения (к сожалению, единичные и разрозненные) над функционированием библейского интертекста в речах российского поли-

тического лидера. Библизмы здесь являются либо цитатой, либо аллюзией, появляются они в качестве давно деэтимологизированных крылатых слов с целью отступления от официального тона и перехода к разговорной речи: «В речах президента В. Путина периодически встречаются библизмы, но сам президент не усматривает в них библейского наследия, относя их к оборотам живого русского языка» [2, с. 109–112]. Последнее замечание основывается на наблюдениях над маркированием этих оборотов в устной и письменной речи президента.

Действительно, важным фактором функционирования библейского интертекста в институциональном дискурсе является уровень его осмысления. Универсальность библизмов, значимость Библии как религиозного и морально-этического прототекста для всей европейской культуры не вызывает сомнений. Однако у этой универсальности есть и обратная сторона: высокая частотность библейского интертекста, проникновение его в различные сферы коммуникации вызывает как существенные смысловые трансформации библизма, так и его отрыв от первоисточника в сознании говорящего/пишущего. Эта ситуация особенно актуальна для политического дискурса и медиадискурса, где коммуниканты могут целенаправленно или неосознанно изменять маркеры прототекста. Так возникает вторичное маркирование библизма, характеризующееся отнесением его не к первоисточнику, а к иным социально-политически значимым текстам.

Например, в «Энциклопедическом словаре библейских фразеологизмов» К.Н. Дубровиной выражение *грабить награбленное* в значении «незаконно присваивать чужую собственность, грабить кого-либо под видом восстановления социальной справедливости» возводится к нескольким фрагментам Ветхого Завета, в частности к текстам книг пророков Иезекииля, Исаяи, Иеремии. При этом иллюстративный материал современного употребления не демонстрирует актуальности маркирования выражения как библейского, наоборот, на первый план выходит вторичное маркирование: «Как известно, во время войн и революций всегда происходит оживление криминальных элементов. Это их время. И многие из них искренне воплощали в дело *большевистский лозунг* (выделение наше. – С. Г.): “*Грабь награбленное!*” Он пришелся всем преступникам по вкусу, правда, они не разбирали, кого грабят – буржуя или вождя революции? Ю. Безелянский. Рождественская быль. Старая история, рассказанная заново // Вечерняя Москва. 18.12.2003» [12, с. 160].

В другом лексикографическом труде – «Энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений» В.В. Серова – этот же фразеологизм в форме *грабь награбленное* возводится к речи В.И. Ленина, произнесенной 24 января 1918 г. перед отправляющимися на фронт агитаторами. При этом сам Ленин в своей речи, естественно, не маркировал в качестве библизма фразу, а отнес ее авторство предположительно донскому казаку Шамову: «Прав был старик-большевик, объяснивший казаку, в чем большевизм. На вопрос казака: “А правда ли, что вы, большевики, грабите?” – старик ответил: “Да, мы грабим награбленное” [25, с. 149]. Автор словаря не видит в высказывании биб-

лейского прототекста и предлагает возводить его к фразе Прюдона «Собственность – это воровство», что представляется сомнительным. Сам же фразеологизм толкуется В.В. Серовым как «фраза-символ примитивного, неэффективного решения проблемы распределения материальных благ в современном обществе, *аллюзия на теорию и практику большевизма* (выделение наше. – С. Г.) [25, с. 149].

Эти примеры показывают, что в процессе анализа библейского интертекста в медиадискурсе и политической коммуникации необходимо учитывать позицию говорящего/пишущего по отношению к прецедентному феномену, степень осознания им этого феномена, определения его как концептуального либо выполняющего вспомогательные функции в тексте. Только в этом случае можно делать какие-либо выводы в отношении персуазивности библизмов в конкретном дискурсе. Целью данной статьи является анализ функционирования библизмов в русских националистических текстах в интенциональном и функциональном аспектах. Для целей нашего исследования важно было не просто выявить библизмы в выступлениях русских националистов, но сделать акцент в первую очередь на их осмыслении говорящими и понять, является библейский интертекст для них просто стилистическим оборотом или выполняет другие функции.

Материалом для исследования послужили устные публичные выступления российских политиков в Государственной Думе начала XX века, придерживавшихся идеологии русского национализма (члены крайне правых и умеренно правых фракций): Н.Е. Маркова, В.М. Пуришкевича, Г.Г. Замысловского, А.Н. Хвостова, А.С. Вязигина, Н.С. Левашева и других. В качестве источника использовались официальные стенографические отчеты о работе Государственной Думы 1908–1916 гг., то есть практически за весь период существования дореволюционной Думы. На первом этапе нами было выбрано и проанализировано 54 библизма, среди которых встретились фразеологизмы, крылатые выражения, цитаты, имена, сюжеты. Далее определялись дискурсивные характеристики высказывания, содержащего библейский интертекст: жанр, тема, политический контекст, адресованность, степень агональности. На третьем этапе анализировался широкий контекст употребления библизма для определения степени трансформации прецедентного феномена, адекватности его использования прототексту. На четвертом этапе устанавливалось наличие маркеров речевой рефлексии по поводу использования библизма. В результате делался вывод об интенциональных особенностях библейского интертекста, то есть о его встраиваемости в определенные коммуникативные стратегии и тактики, применявшиеся оратором.

По результатам исследования были выделены следующие функции библизмов.

1. В абсолютном большинстве случаев библизмы в выступлениях думских националистов использовались для прямого обозначения негативных с моральной и религиозной точек зрения поступков и ситуаций. Подобный интертекст функционировал в агональных речах, адресованных политическим оппонентам. В первую очередь обращает на себя внимание

частотность обозначения при помощи библеизмов обвинения в предательстве. Так, например, один из лидеров правых в Четвертой Думе А.Н. Хвостов, выступая 3 августа 1915 года с предложением о создании комиссии для борьбы с немецким засилием, по сути, обвинил министра финансов в предательстве национальных интересов во время войны: *Но министр финансов не всем торгово-промышленным предприятиям разрешает иметь странствующих приказчиков, а только тем старым немецким акционерным компаниям, которые платят не менее 500 рублей в год промыслового налога. Вы знаете, что такое 500 рублей для какой-нибудь акционерной компании. Таким образом право шпионажа, как я скажу попросту, получают те промышленные немецкие предприятия, которые платят 500 рублей. Не напоминают ли вам, господа, эти 500 рублей по современному курсу известных библейских 30 серебряников?* (Голоса справа: *Браво! Рукоплескания справа, в центре и на отдельных местах слева*) [5, с. 368]. Сюжет, связанный с предательством Христа Иудой за тридцать серебряников, также встречается в качестве прототекста в речах В.М. Пуришкевича и Н.Е. Маркова, но, кроме того, и в выступлениях депутатов других фракций, что объясняется его известностью и распространённостью. Интенциональная функция расхожих библеизмов чаще всего раскрывается через механизм дисфемизации обозначаемого ими действия: если обвинение в предательстве само по себе агрессивное, то упоминание тридцати серебряников, а тем более навешивание ярлыка «иуда», направлено на существенное понижение политического статуса оппонента.

Правые члены Думы использовали в этой функции и другие библеизмы: «дать просящему камень вместо хлеба» (жестко насмеяться), «соблазнить единого от малых сих» (развращать народ, крестьян), «служить не Богу, а мамоне» (неправедно обогащаться), «служить золотому тельцу» (ставить финансовую прибыль выше интересов государства и общества), «продать первородство за чечевичную похлебку» (поступаться политическими принципами за сиюминутную выгоду) и т.д. Так, В.М. Пуришкевич, выступая 12 декабря 1908 года по результатам доклада министра иностранных дел, дал следующую оценку признания министерством аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией: *Но признать аннексию – одно, а ездить на съезды и создавать конференцию – другое, и вот, я позволяю себе думать, что большая часть русского общества правого направления, стоящая на национальной почве, помня горькие уроки прошлых лет, будет высказываться и выскажется всегда против того, чтобы мы ездили куда ты то ни было на конференции, не потому, господа, даже, что мы могли бы за чечевичную похлебку, за компенсацию продать права своего первородства. Это было бы в высокой степени позорно* [3, с. 2654]. Во всех подобных случаях библеизмы призваны усугубить негативную оценку политических оппонентов, усилить экспрессивный характер этой оценки. Таким образом, самая частотная функция библейского интертекста – дисфемизация и усиление экспрессивности высказывания с целью обвинить, опорочить и понизить политический статус оппонентов. К таковым национа-

листы относили кадетов, социалистов и отдельных членов правительства. Степень осознанности библейского прототекста при этом проследить достаточно сложно, так как ораторами использовались в основном такие «базовые» библеизмы, которые были известны даже человеку, знакомому с Библией только по урокам Закона Божия, а также ставшие фразеологизмами.

2. Отдельную функциональную группу составляет ироническое употребление библеизмов. Оно основывается на несоответствии между высокими событиями и героическими персонажами Священной истории, с одной стороны, и политическим дискурсом с его актантами – с другой. Эта группа библеизмов существенно уступает первой в общей численности употреблений – менее 25%. Такая сравнительная малочисленность объясняется необходимостью владения библейским прототекстом в высокой степени: ирония действительна только тогда, когда у современных и библейских событий есть общее основание для сопоставления, а видеть такие параллели может лишь такой оратор, который хорошо знает Библию, а не ограничивается набором фразеологизмов и крылатых слов. Неудивительно, что практически все факты такого употребления приходится на двух ораторов – Н.Е. Маркова и В.М. Пуришкевича. *Н.Е. Марков: Господа, я понимаю вас, в особенности я хорошо понимаю этого чистого теоретика депутата Ефремова. Когда господин Ефремов вышел на кафедру, я наслаждался, слушая его: вот человек, который говорит буквально то, что думает и чувствует, человек, в котором нет лукавства, чего, к сожалению, не могу сказать о других его друзьях (Смех)* [6, с. 1445]. Пафос похвальных слов Христа по отношению к Нафанаилу («вот подлинно израильтянин, в котором нет лукавства») в данном случае соотносится говорящим с радикальностью высказываний оппонента. Параллель между праведным Нафанаилом и депутатом Ефремовым, высказывавшим без политических обиняков взгляды своей фракции, произвела комический эффект в зале заседаний. *Н.Е. Марков: Но, господа, кому защищать русскую деревню? Курское земство пробовало это сделать... Но ведь курское земство вы именуете зубрами, вы серьезно не хотите и слушать того, что исходит из Курска. Вы всегда говорите: из Назарета может ли быть что доброе, а между тем только из Назарета доброе и выходит* [7, с. 4516]. В данном случае оратор при помощи слов Нафанаила иронизирует над неверием оппонентов в политические и хозяйственные успехи правых. Объектом такой иронии, как правило, также являлся политический оппонент, но, в отличие от первой функции, он подвергался осмеянию, а не демонизации. Подобная трансформация библейских сюжетов, как правило, связана с их правильным пониманием говорящим, с достаточным глубоким осознанием контекста евангельских событий и персонажей, так как комический эффект возникает именно благодаря параллелям между библейскими событиями и политической повесткой дня.

3. Небольшое количество библейских крылатых выражений регулярно употреблялось националистами для экспрессивного обозначения речевой деятельности ораторов и Думы в целом. Малочисленность этих

выражений компенсировалась их высокой частотностью и распространенностью в прениях на самые разные темы. Например, знаменитая фраза из Книги пророка Исаии использовалась, чтобы указать Думе на ее невнимание к верным и важным предложениям правой фракции. *Левашев: Мы призывали вас принять... самые энергичные меры против внутреннего немецкого засилия, дошедшего, отчасти вследствие ошибок власти, отчасти вследствие попустительства Государственной Думы до невероятных размеров и являющегося серьезным препятствием даже для дела государственной обороны. К сожалению, при царствовавшей здесь атмосфере партийности и политических страстей наш призыв остался гласом вопиющего в пустыне* [7, с. 1261]. Для обозначения выступлений оппонентов из фракций кадетов и социалистов несколько раз использовалось существительное «иеремиада», отсылающее слушателя к Книге Плача Иеремии.

Отдельно следует отметить речевые образования, которые условно можно назвать псевдобиблеизмами. Правые радикалы активно внедряли в повестку работы парламента дело Бейлиса, а в свои речи – образ русского мальчика, зверски убитого евреями. С 1912 г. наблюдается сакрализация образа Андрея Ющинского. В националистической риторике вырабатывается устойчивая номинация мальчика-жертвы, связанная с православным ликом святости мученика. Поскольку жертва не была канонизирована, ее нельзя было называть мучеником, однако, чтобы подчеркнуть близость Андрея Ющинского к этому лику святости, использовались формулы «умученный», «умученный отрок», «невинно умученный отрок». *Н.Е. Марков: ...Я протестую против всего того, что раздавалось с этих скамей слева, и я заявляю, что возмущен этой защитой, защитой тех, кто умучил русского христианского отрока (Шум слева)... Светлая память умученного отрока Андрюши Ющинского!* [4, с. 1755]. Убийство Андрея Ющинского помещалось в библейский контекст за счет стилистики высказывания (возвышенная лексика, церковнославянизмы) и искусственного сближения современности с библейскими событиями. *Н.Е. Марков: Совершенно правильно, иудей Азман прав. Если бы «Русские ведомости» были распространенной газетой, если бы по ним жила Россия, тогда бы у нас было бы то же самое, что творится в Австро-Венгрии, где младенцы находятся, младенцы с источенной кровью обретаются, но где дел вроде дела Бейлиса не возбуждают* (Там же, с. 237).

Псевдобиблеизмы об умученном отроке или младенцах с источенной кровью представляют собой смешение библейского архетипа детской жертвы (сюжеты об Аврааме и Исааке, об избииении младенцев по приказу Ирода и др.) с мифом о еврейских ритуальных убийствах и делом Бейлиса. Подобные персуазивные образования лишь на первый взгляд могут показаться невежественным обращением с библейским текстом. На самом деле, такие ассоциативные сближения являются умышленными и нацеленными в первую очередь на массы, а не на политических оппонентов. Церковнославянская стилистика проанализированных фрагментов позволяет говорить о сознательной стилизации современных говорящему событий под библейские сю-

жеты с целью сакрализации этих событий, вызова эмоционального отклика аудитории.

Таким образом, можно сделать вывод, что русский националистический дискурс начала XX века отличался не только насыщенностью библеизмами, но и их специфическим функционированием. Библейский интертекст использовался не просто как стилистический прием, но как средство речевого воздействия на политических оппонентов и массового адресата. Некоторые функции, как, например, ироническое употребление библеизмов, выходили далеко за рамки содержания курса Закона Божия и требовали от ораторов высокого уровня знания и осмысления библейских сюжетов, эрудиции и широкого кругозора. В основном библейский интертекст использовался для реализации деструктивных коммуникативных стратегий, в первую очередь дискредитации и обвинения. Манипулятивным следует считать создание псевдобиблеизмов с целью инспирирования негативного отношения к евреям и политикам, которые их защищали.

Литература

1. Беликова, Г. В. Библеизмы как способ актуализации русско-французского межкультурного диалога : диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологических наук / Беликова Г. В. – Ярославль, 1999. – 232 с.
2. Боллигер, Е. И. Сопоставление использования библеизмов в институциональном дискурсе разных культур : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Боллигер Е. И. – Тверь, 2005. – 141 с.
3. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1908 год. Сессия вторая. Часть первая. Заседания 1–35. – Санкт-Петербург, 1908. – 3152 с.
4. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1913–1914 годы. Сессия вторая. Заседания 1–28. – Санкт-Петербург, 1914. – 2095 с.
5. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1914 год. Сессия четвертая. – Петроград, 1915. – 1399 с.
6. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1916 год. Сессия четвертая. Заседания 17–37. – Петроград, 1916. – 3502 с.
7. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1916 год. Сессия четвертая. Заседания 38–60. – Петроград, 1916. – 5813 с.
8. Громько, С. А. Обращение к истории как риторический аргумент в русской парламентской речи (на материале выступлений депутатов-националистов в дореволюционной Государственной Думе) / С. А. Громько // Медиариторика и современная культура общения: наука-практика-обучение : сборник статей XXII Международной научной конференции (Москва, 30 января – 01 февраля 2019 г.) / под редакцией В. И. Аннушкина. – Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2019. – С. 339–345.
9. Громько, С. А. Риторика русского национализма начала XX века / С. А. Громько, А. В. Матвеев. – Вологда : Вологодский государственный университет, 2021. – 147 с.
10. Громько, С. А. Художественная литература как источник прецедентности в русском парламентском дискурсе начала XX века (на материале речей депутатов-националистов) / С. А. Громько // Научный диалог. – 2018. – № 7. – С. 40–52.
11. Дубровина, К. Н. Библейские фразеологизмы в русской и европейской культурах / К. Н. Дубровина. – Москва, 2012. – 264 с.

12. Дубровина, К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К. Н. Дубровина. – Москва, 2010. – 808 с.
13. Зубова, Ж. А. Библейская фразеология в художественных произведениях М. М. Пришвина / Ж. А. Зубова, М. А. Анзина // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2015. – Т. 21, № 3. – С. 137–140.
14. Кислякова, Е. Ю. Варьирование эмотивных смыслов английских библеизмов (на материале текстов художественной литературы) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кислякова Е. Ю. – Волгоград, 2004. – 24 с.
15. Корнеева, А. П. Английские фразеологические единицы библейского происхождения в языке и речи : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Корнеева А. П. – Москва, 2009. – 19 с.
16. Назарова, И. П. Функционирование библеизмов в русском и немецком языках и лингвопрагматические особенности вариантов перевода : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Назарова И. П. – Краснодар, 2001. – 178 с.
17. Прибытько, Е. Н. Библеизмы в языке современных газет : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Прибытько Е. Н. – Воронеж, 2002. – 20 с.
18. Пыстина, О. В. Функционирование библеизмов как прецедентных феноменов в современном медиатексте (на примере региональных СМИ) / О. В. Пыстина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2016. – № 10 (64), ч. 3. – С. 137–141.
19. Реунова, Е. В. Лингвопрагматический анализ библеизмов в русском, испанском, итальянском, французском и английском языках : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Реунова Е. В. – Москва, 2015. – 255 с.
20. Романова, Г. В. Использование библеизмов в поэзии Марины Ивановны Цветаевой : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Романова Г. В. – Воронеж, 2003. – 20 с.
21. Рудакова, В. А. Трансформация библейских фразеологизмов в публицистике Н. П. Гилярова-Платонова / В. А. Рудакова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2011. – № 3–2. – С. 18.
22. Хрячкова, Л. А. Отбор и использование библеизмов в художественном наследии М. А. Булгакова : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Хрячкова Л. А. – Воронеж, 2004. – 24 с.
23. Худякова, Е. С. О функциях религиозной лексики и библеизмов в текстах современных печатных СМИ / Е. С. Худякова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – Вып. 49. – 2008. – С. 226–234.
24. Шихова, Т. М. Употребление эврисемичных фразеологизмов библейского происхождения / Т. М. Шихова // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 4. – С. 102–109.
25. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / автор-составитель Вадим Серов. – Москва, 2004. – 877 с.
26. Яцевич, К. И. Библеизмы в чешском литературном языке: На фоне русского и немецкого : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Яцевич К. И. – Санкт-Петербург, 2003. – 20 с.

S.A. Gromyko

BIBLICAL INTERTEXT IN THE RUSSIAN NATIONALIST DISCOURSE OF THE EARLY 20th CENTURY

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-012-00111 «Russian nationalism in the linguistic aspect: pragmatics, dynamics, expertise»

The work examines biblical phraseological units, winged expressions, quotations, names, plots that were used in the public parliamentary discussion of the early twentieth century in the State Duma. The biblical intertext is analyzed from the standpoint of its functioning in the intentional and persuasive aspects.

Intertext, bibleisms, parliamentary discourse, intentionality, persuasiveness.

А.С. Румянцева
Вологодский государственный университет

ПОНЯТИЕ О МЕТАФОРЕ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ПРОТОТИПА

Статья рассматривает особенности интерпретации коммуникантом переносных значений единиц языка с точки зрения теории биологии познания. Язык рассматривается как одна из биологических функций организма, обеспечивающих его успешное приспособление к окружающей среде и дальнейшее выживание. В этом контексте индивид создает актуальное значение слова каждый раз заново на основе предыдущего опыта интерпретации подобных случаев и с применением наиболее лаконичной ментальной структуры хранения минимальных интегральных и дифференциальных признаков единицы языка – лексического прототипа. В ходе интерпретации метафорических (переносных) употреблений коммуникант, прежде всего, выделяет один признак из совокупности своих знаний о сущности (метонимический перенос). Далее этот признак становится основой для метафорического переноса, в основе которого лежит осознаваемое нарушение привычного положения дел в мире.

Биология познания, биосемиотика, язык, речь, процесс коммуникации, лексический прототип, метафорический перенос, метонимический перенос.

Процесс коммуникации представляет собой чрезвычайно сложный процесс. Для его основательного анализа необходимо принять во внимание огромное количество факторов, условий и ограничений, что достаточно сложно учесть в рамках одной концепции. Вероятно, поэтому в современной лингвистике существует большое разнообразие концепций и теорий, которые позволяют приблизиться к пониманию основ процесса общения между людьми.

Говоря о процессе коммуникации в целом, можно анализировать разные его аспекты: в частности, особенности и условия построения высказывания говорящим или интерпретацию полученного сообщения слушающим и его дальнейшее поведение.

Наиболее потенциально интересной плоскостью для изучения и анализа при этом является процесс восприятия, обработки и генерации смысла полученной информации, поскольку от правильного понимания смысла сообщения зависит успех коммуникации в целом, а также дальнейшее поведение обоих носителей языка и достижение цели общения.

Однако прежде чем анализировать особенности интерпретации смысла высказывания, необходимо разобраться в сущности понятия «язык» и условиях протекания речевого взаимодействия между коммуникантами.

Наиболее перспективной концепцией здесь является «теория биологии познания» – направление, представители которого рассматривают язык как механизм познания, который является частью сознания и лежит в основе поведения людей для приспособления к окружающей среде [21]. При этом наличие сознания служит предпосылкой для выживания и специфической чертой человека, которая определяет его способность к коммуникации [3, с. 102; 21, pp. 29–30]. Обратимся к основным положениям данной теории.

Так, с этой точки зрения, «живые системы» («living systems»), к которым принадлежит человек, – это «когнитивные системы» («cognitive systems»), то есть системы, для которых познание является средством адаптации к окружающему миру [21, p. 13]. Человек обладает нервной системой, позволяющей в процессе эволюции в его ДНК накапливать информацию о среде, в которой он живет (Там же, p. 6). ДНК хранит знание, которое остается «стабильным для организмов на протяжении нескольких поколений». В процессе жизнедеятельности каждый человек также постоянно приспосабливается к переменам окружающей среды [10, с. 204]. При этом любое изменение отражается в его нервной системе в виде определенного измененного состояния активности нервных клеток – нейронов, отвечающих за определенный тип чувств. Это обуславливает поведение организма. Следует отметить, что нервная система постоянно изменяется за счет роста личностного опыта. Это объясняет, почему два представителя одного рода не обладают идентичной нервной системой и, следовательно, структурой тела, которая предопределяет его функции, влияющие на характер процесса коммуникации в целом [21, pp. 18–19, 23].

В течение всей жизни и в процессе общения, в частности, тело человека непрерывно воспринимает сигналы как его внешней, так и внутренней среды, то есть оно выполняет «функцию наблюдателя» («observer»), описывающего свою среду (Там же, p. 14). По всей видимости, без наблюдателя среда неструктурирована. Давая реалиям имена, наблюдатель наделяет их структурой [8, с. 92].

Каждый живой организм не создает окружающую действительность сам, но в момент рождения оказывается окруженным этой действительностью [22, p. 1]. Следовательно, он имеет свою «нишу» («niche») среды – область взаимодействий, в которые данный ор-

ганизм вступает, чтобы поддерживать свою жизнедеятельность [16, р. 1, 6, 12]. В описываемой ситуации он представляет собой *замкнутую* систему, которая существует в уникальных условиях. Учитывая свою организацию и структуру, живая система определяет сферу взаимодействий с окружающей средой, в которую она может вступать, сохраняя свою идентичность [21, pp. 9-10, 32]. Из этого следует, что живая система и среда составляют единое целое и не могут существовать изолированно [19, pp. 115–117]. Условия ниши по сравнению с условиями среды других подобных организмов и во многом похожи, и различны. При этом не существует ни одного известного способа, обеспечивающего передачу объективной информации о нише и готовых знаний человека об условиях его среды другому. Это – уникальные данные, которые индивидуальная личность должна учитывать, чтобы выжить. Единственным способом обмена информацией между людьми является обмен сигналами, на основе интерпретации которых знание самостоятельно выводится коммуникантами – язык [21, pp. 9–10, 32].

Согласно мнению представителей теории биологии познания, наличие нервной системы расширяет сферу взаимодействий организма. По этой причине возможными становятся взаимодействия со своими собственными внутренними состояниями – результатами внешних и внутренних контактов со средой, как если бы они были независимыми сущностями. Эти процессы лежат в основе формирования мышления, в том числе абстрактного (Там же, р. 13, 29). Нервная система также позволяет осуществлять нефизические («non-physical») взаимодействия между организмами – ориентирование друг друга на определенные действия внутри своих собственных когнитивных областей. Это, в свою очередь, становится предпосылкой для реализации процесса коммуникации (Там же, pp. 13–14, 26).

С изложенной точки зрения, процесс познания рассматривается как взаимодействие организма со своей нишей среды, а жизнь – как процесс познания, поскольку на человека оказывает влияние абсолютно все, что его окружает, то есть вся его «экологическая ниша» («ecology») [16, р. 1, 6, 12]. По этой причине конечная цель жизнедеятельности организма в целом и его познавательной деятельности в частности заключается в адаптации к среде («environment») для поддержания целостности своей системы как таковой в постоянно меняющихся условиях существования [21].

Необходимо остановиться на том, что в рамках теории биологии познания возникает новое направление лингвистических исследований, занимающееся изучением природы языка и получившее название «биосемиотики» (от греч. «bios» – жизнь, «semeion» – знак). Оно изучает механизмы использования всевозможных естественных и искусственных факторов, которые в процессе коммуникации становятся знаками во взаимодействиях субъектов общения и окружающей среды [10, с. 203]. Сущность становится знаком – обретает ценность («value») для выживания организма, когда происходит неоднократное взаимодействие этого организма с ней [20, р. 358]. Таким образом, биосемиотика позволяет (примерно) обозначить круг факторов, которые учитывает носитель

языка в процессе вывода значения речевого высказывания.

Согласно мнению представителей теории биологии познания, внимание к роли личностного фактора в ситуации общения и осмыслении высказывания обуславливает, прежде всего, изменение взгляда на понятие «значения». Так, значение рассматривается как оценка влияния изменений окружающей и/или внутренней среды человека на приспособление к ней. Только живые системы способны выводить значение, поскольку только они могут видеть, слышать, чувствовать и говорить [14, р. 195]. Клетки тела постоянно воспринимают сигналы среды и отвечают на них запуском множественных физиологических процессов, позволяющих организму интерпретировать любое воздействие [18, pp. 29–30]. Это позволяет выводить значения поступающих сигналов из совокупности личностных смыслов и реакций организма и эффективно приспосабливаться к среде [14, р. 188, 191; 16, р. 1, 4, 6, 10, 15].

В процессе создания значения языковая личность активно использует свой врожденный потенциал формировать его. При этом значение является «коррелятом индивидуального сознания, не наблюдаемым и не переносимым от коммуниканта к коммуниканту» [4, с. 37]. Оно выводится в результате воспоминания, какой смысл возникал раньше при появлении данных сигналов в ситуациях, подобных этой, то есть в результате догадки, творческого акта, процесса «самосоздания» или «аутопоэза» смысла. Следовательно, тело человека «натренировано» на запоминание опыта коммуникации в прошлом и создание аналогичного смысла [4, с. 45; 21, р. 82].

Интерпретация поступающих сигналов зависит от разных факторов. Среди наиболее важных выделяются особенности познающей структуры; знания, уже существующие на основе индивидуального опыта общения; оценка человеком результатов взаимодействия с окружающей средой; оценка степени соответствия языкового поведения отправителя сообщения потребностям организма получателя. Кроме того, при выводе значения коммуникант учитывает мимику, жесты, интонацию, язык тела, темп и тембр звучащей речи. Все это соединяется («couples») с контекстом – условиями общения – и способствует выведению соответствующего смысла поступающих извне сигналов [3, с. 109; 14, р. 189; 16, р. 12, 15, 16].

Таким образом, мы приходим к выводу, что для правильного понимания и интерпретации смысла полученного высказывания носитель языка каждый раз заново обращается прежде всего к прошлому опыту взаимодействия с окружающим миром и прошлому опыту взаимодействия с другими коммуникантами и таким образом самостоятельно выводит смысл сообщения.

При интерпретации смысла индивид, помимо прочего, обращается и к некоторым механизмам, помогающим ему правильно понять высказывание. В рамках описанной концепции человек усваивает их на основе получаемого опыта интерпретации подобных сообщений в процессе развития, поэтому он просто знает их. В частности, это касается случаев так называемого переносного значения многозначных

слов языка, когда для понимания смысла необходимо применить механизмы переноса наименования, под которыми традиционно понимаются механизмы метафорического и/или метонимического переносов. Обратимся к природе этих механизмов.

Рассматривая эту проблему, В.Г. Гак предлагает следующий механизм метафоры. Так, в примере «Она – лиса» суть процесса употребления многозначного слова «лиса» в значении «хитрый человек» сводится к следующему. Номинативно-непроизводное (далее – ННЗ) или прямое значение слова «лиса» включает ряд сем: категориальную архисему (одушевленное существо) и родовую сему (животное) с видовой дифференцирующей семой (животное с определенными биологическими признаками). Вместе они составляют ядро значения. Периферия слова состоит из потенциальных сем (например, приписываемое лисе качество – хитрость), которые чаще всего служат основой для метафоризации. В результате метафоризации говорящий выстраивает языковой контекст таким образом, что родовая и видовая семы устраниаются и актуализируется потенциальная сема [7, с. 461]. Однако при этом остается неясно, как устраниаются одни семы и как при этом появляются другие. В качестве возможных ответов на поставленные вопросы, принимая во внимание достижения когнитивной лингвистики, можно предположить следующее: располагая знаниями потенциальных сем, при метафоризации говорящий выстраивает языковой контекст таким образом, что в значении слова слушающий прежде всего воспринимает периферийные признаки. Он переносит эти признаки – семы – в ядерную часть («a shift in perspective») [15, pp. 50–52, 69], что обеспечивает понимание слова в необходимом, то есть метафорическом, значении. Более того, при интерпретации смысла метафоры «Она – лиса» как скрытого сравнения («comparison theory of metaphor») индивидуальная личность осознает, что, характеризуя человека, метафорическое высказывание не соответствует реальному положению дел в мире. Это, в свою очередь, подсказывает слушающему поискать вероятные связи между человеком и животным. В результате носитель языка приходит к выводу, что основанием для сравнения в этом случае является признак «хитрость» [17, р. 62]. Очевидно, метафорический перенос основан на выделении *одного* или нескольких признаков, а не их совокупности.

Таким образом, мы приходим к выводу о необходимости учета роли говорящего при анализе механизма метафоры: распознать разницу между интерпретацией смысла предложений, в которых слова используются в прямом смысле, и высказываниями, где сочетаемость компонентов не соответствует онтологии мира, посильно только человеку. Это так, поскольку человек обладает способностью описывать окружающий мир только через призму своего восприятия. Данный процесс имеет две формы: говорящий переносит наименования, связанные с ним самим, на иные предметы и явления или переносит названия других объектов и процессов на себя самого и свои действия, если видит сходство с ними. Коммуникант выбирает «носитель метафоры, донора, тело знака» – то языковое выражение, которое «делится» своей

формой с новым понятием [6, с. 125–126]. Также индивидуальная личность в качестве основы метафоризации извлекает из семантической структуры слова одну или несколько сем. Этот компонент получает название «символа метафоры» («vehicle», «meaning focus»).

Принимая во внимание положения теории биологии познания, можно добавить следующее. Познание не отражает связи объективного мира, а создает те, которые соответствуют восприятию субъективной человеческой природы. Однако несмотря на это, имеющиеся у человека знания достаточно адекватны, если они обеспечивают его успешное приспособление к среде и в конечном счете выживание [4, с. 38; 21, р. 5]. В некоторых случаях индивидуальная личность осознает необходимость в номинации такой реалии, для которой в ее сознании нет подходящего наименования. Обязательным условием выхода из сложившейся ситуации является осознаваемое или неосознаваемое нарушение коммуникантом привычного положения дел в окружающей его среде. По этой причине появляются метафорические высказывания, построенные на ассоциациях сравнения, которые по своей природе неточны, противоречивы и указывают на субъективно устанавливаемые связи между предметами и признаками [5, с. 221]. Понимание происходит благодаря тому, что говорящий переносит наименование с одного объекта на другой на основе общих и наиболее ярких ассоциаций сравнения. Они разделяются большинством носителей языка в силу сходного опыта взаимодействия со средой [4, с. 39].

Аналогичным образом работает и метонимический перенос. Человек воспринимает явления поверхностно и недостаточно точно их анализирует: индивидуальная личность выделяет какую-нибудь черту объекта и называет по ней весь предмет в целом. Это выражается в смещении двух различных, но постоянно связанных между собой понятий – метонимии. Она основана на сходстве опыта взаимодействия с миром разных людей, поэтому она столь популярна [5, с. 222, 226].

В рамках описанного механизма понимания метафорических и метонимических значений необходимо также проанализировать, что собой представляет лексическое значение единицы языка, в частности ее ядро. Наиболее актуальной в описанном контексте является теория лексического прототипа, разработанная И.К. Архиповым.

Так, «лексический прототип» является наиболее оптимальной и компактной ментальной структурой, поскольку он обобщает семантические признаки, лежащие в основе всех речевых актуализаций слова. В основе его формирования лежит наивная картина мира обыденных носителей языка. В связи с этим подчеркивается видение объекта *типичными* носителями языка, принадлежащими к определенному обществу и культуре [12, с. 6]. Это и служит основой формирования лексических прототипов слов. В них отражаются наиболее существенные, с точки зрения большинства носителей языка, интегральные и дифференциальные признаки [2; 12, с. 18]. Лексический прототип позволяет отказаться от учета узких и редко встречающихся значений слова в пользу того, что известно в связи с

определенной формой любой индивидуальной личности. При этом природа значения и механизм его формирования, очевидно, остаются идентичными во всех языках в силу тождественности человеческой природы и, в частности, нейрофизиологических процессов восприятия и категоризации чувственного опыта.

Под лексическим прототипом И.К. Архипов понимает «наилучший представитель» семантики слова на уровне лексико-семантической системы языка, то есть инвариант. Он является «минимальным пучком интегральных и дифференциальных признаков, необходимых для идентификации предмета или понятия» [1, с. 25]. При этом признаки, входящие в лексический прототип, примитивны и не могут быть выведены один из другого. Все это дает возможность представить совокупность необходимых для каждой ситуации общения смыслов, которые известны любому носителю языка [1].

Природа лексического прототипа такова, что он оказывается единицей значительно более высокого уровня обобщения и отвлечения от конкретных признаков предмета. Исходя из этого лексический прототип является основой для формирования всех лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ) конкретной словоформы (номинативно-непроизводных, метафорических и метонимических) [2, с. 117–119].

Лексический прототип реализуется в двух разновидностях: «ближайший» и «дальнейший». «Ближайшим лексическим прототипом», характеризующим индивидуальную систему языка, является номинативно-непроизводное значение – значение многозначного слова, которое первым приходит на ум большинству носителей языка, когда им предьявляют соответствующую языковую форму. Расширив содержание ближайшего лексического прототипа слова (например, прилагательного *hot* – *having a high temperature* [9]), И.К. Архипов предлагает ввести компонент сравнения, лежащий в основе метафорических значений. Это делается, чтобы сформулировать инвариантное значение или «дальнейший лексический прототип», характеризуемый высшей степенью обобщения (*hot – having a high temperature or a feature like high temperature* (Там же)). Это придает лексическому прототипу статус семантического ядра, достаточно компактного для хранения в долговременной памяти. «Прикладывая» лексический прототип к ситуациям общения, коммуникант получает возможность мгновенно выводить семантические признаки сущности, релевантные в данном контексте [1]. Таким образом, лексический прототип обеспечивает основу для вывода всех значений и словарных дефиниций, доступных коммуниканту.

В результате, согласно теории лексического прототипа, все возможные значения слова – в том числе метафорические и метонимические – оказываются равнозначными – актуализациями, равноудаленными от прототипа и не зависящими друг от друга.

Рассмотрим функционирование описанного механизма на примере интерпретации значений современного многозначного прилагательного «hard», лексический прототип которого можно сформулировать как *ассмотрим/смотрим функционирование описанного механизма were* [13]. Применим данное содержательное ядро для анализа возможных актуальных значений прилагательного, в том числе метафорических.

Итак, реконструкция механизма вывода значения исходит из того, что коммуникант в процессе анализа высказываний и их контекстов понимает, что смысл составляющих их слов соответствует или не соответствует реальному положению дел в окружающем мире. В случае примеров прямых употреблений прилагательного индивидуальная личность осознает, что речь идет о признаках конкретных предметов. Соответственно обозначающие их семы совпадают со сформулированным «усредненным» ННЗ.

He shuffled his feet on the **hard** wooden floor (COBUILD) = He shuffled his feet on the wooden floor that offered resistance to an external physical pressure.

This ice-cream is as **hard** as rock (Longman Dictionary of the English Language and Culture) = This ice-cream offers resistance to an external physical pressure.

Для вывода значения переносных ЛСВ носитель языка предположительно использует следующий механизм. Логично предположить, что у каждого человека есть полное (более или менее полное в зависимости от его личностного опыта) представление о массе признаков, которые характеризуют некоторую сущность. Поэтому у носителя языка есть и теоретически неограниченная возможность обсуждения этих признаков. Исходя из этого совокупность всех знаний индивидуальной личности о признаках некоторого твердого предмета можно обозначить словом *hard*.

Однако коммуниканты в любой ситуации общения говорят о конкретных признаках, существующих в конкретных условиях, а не об абстракциях и потенциальных качествах. Следовательно, основой формирования значения в данном механизме является *один* аспект опыта носителя языка (то есть выделяется только один признак твердого предмета), полученный при освоении твердых предметов и взаимодействии с ними. Он обозначен *hard₁ object₁*. Так, в частности, коммуникант знает, что твердые предметы обладают свойствами, которые обеспечивают их устойчивость к внешним воздействиям: «A hard object is resistant enough to withstand an external pressure». Выделение именно этого аспекта опыта в памяти человека является основой построения *метонимического* значения: *hard* → *metonim hard₁ object₁*.

Знание ННЗ, а также описанного метонимического значения, основанного на опыте, точнее, на воспоминаниях о реакциях тела на определенное воздействие, могут быть использованы коммуникантом при формировании некоторых актуальных значений прилагательного в некоторых речевых контекстах. При этом выделенный признак твердого предмета (*hard₁ object₁*) является основой для обозначения признака другого предмета: *hard₂ object₂*. Если два сравниваемых предмета онтологически различны (и даже противоположны), то переименование может происходить только на основе метафоризации:

- при описании качества характера человека (*hard₂ object₂*): «*Not easily impressed or moved, unfeeling, callous, hard-hearted*» (Shorter).

He can be such a **hard** taskmaster (Shorter) = As a taskmaster, he can be resistant to influence like a physical object subjected to an external pressure.

Чтобы вывести актуальное значение «бесчувственный», слушающий рассуждает следующим обра-

зом. Восприняв подобную форму прилагательного на фоне данного речевого контекста, языковая личность видит в нем несоответствие обычному положению дел в окружающем мире – прилагательное «hard», изначально обозначающее свойства твердых предметов, употребляется с одушевленным существительным. Поскольку большинство носителей языка обладают сопоставимыми картинками мира и знаниями конкретного языка, участники коммуникации по умолчанию воспринимают нарушения системных норм как проявления языковой игры, в первую очередь. Оценив ситуацию, слушающий ищет прежде всего вариант, альтернативный описанному несоответствию. При сопоставлении двух ситуаций, связанной с абстрактным описанием свойств твердых предметов, с одной стороны, и характеризующей качества личности – с другой, коммуникативный опыт носителя языка подсказывает, что предметом высказывания является характеристика черт поведения человека. Иными словами, прилагательное «hard» выступает в метонимическом значении «твердость», отражающем одно из свойств предмета ($hard_1 object_1$) – его устойчивость к внешним воздействиям. Одновременно в данном контексте это прилагательное оказывается соотносимым с понятием о свойстве характера человека ($hard_2 object_2$). Таким образом коммуникант снижает уровень неопределенности своего сознания в отношении описываемого объекта и останавливается на общей формуле соотношения конкретной связи и ее возможного переосмысления с помощью сравнения: «A characteristic of a person is **like** that of a physical object withstanding an external pressure». Учет всего сказанного подсказывает вывод актуального значения прилагательного на основе метонимического и метафорического переносов: $hard \rightarrow_{mmn} hard_1 object_1 \rightarrow_{mmf} hard_2 object_2$.

Можно предположить, что в рассматриваемом контексте коммуникант имеет возможность привлечения прагматического компонента. Из этого следует, что взаимодействие как с твердым предметом, так и с черствым человеком оставляет в памяти носителя языка воспоминания. Вероятнее всего, в описанной ситуации они будут неприятными. Однако если поменять условия общения, то эта ситуация может стать источником положительных эмоций. Следует помнить, что рассмотрение и анализ в рамках коммуникативной ситуации прагматического эффекта не является языковым механизмом. Условия общения можно изменить «за пределами системы языка», поскольку информацию о прагматическом отношении генерирует языковая личность, основываясь на собственной интерпретации характеристик общения;

- приведенное выше метонимическое значение ($hard_1 object_1$) может также использоваться в ситуации описания свойств согласных звуков ($hard_2 object_2$): «*Velar, guttural, not palatalized*» (*Webster's Third New International Dictionary*).

When «æ» is preceded by the gutturals **hard** «g» or «k» (Shorter) = When «æ» is preceded by the gutturals «g» or «k» that create a barrier for the airstream flow **like** a physical object.

Создавая речевой контекст и рассуждая аналогичным образом, говорящий осознает, что прилагательное «hard» будет описывать свойства «твердых» согласных. Известно, что физические свойства звуков

носят опосредованный характер и не могут напрямую влиять на фонетические свойства других звуков речи. Поэтому, используя логику сравнений, коммуникант представляет твердую согласную как звук, произносимый без смягчения и стоящий в таких условиях в слове, которые позволяют сохранять присущие ему характеристики: «A consonant creates a barrier for the airstream and retains its properties **like** a physical object». Это напоминает ситуации взаимодействия с твердыми предметами. Следовательно, обобщая все сказанное, вывод актуального значения «твердая согласная» происходит в результате применения метафорического переноса ($hard_1 object_1 \rightarrow_{mmf} hard_2 object_2$).

Другой механизм основан на использовании иного аспекта «твердости». Так, коммуниканты знают, что твердые предметы обладают свойствами, которые обеспечивают их надежность и устойчивость к внешним воздействиям, а также позволяют быть опорой чего-либо ($hard_1 object_1$). Например, тогда, когда необходимо, чтобы предмет выдержал некоторое давление: «A hard object maintains its integrity when subjected to an external physical pressure». Этот опыт используется как основа формирования метонимического значения: $hard \rightarrow_{mmn} hard_1 object_1$.

В отношении этого значения в следующих речевых контекстах можно применять процедуру анализа, аналогичную механизму выше;

- при описании физического состояния живых существ ($hard_2 object_2$): «*Capable of great physical exertion and endurance*» (*Shorter*).

Nice animals in good **hard** condition (Webster's Third New International Dictionary) = Nice animals being in good condition that makes them *stable enough to withstand untoward influences of an external physical force, as it were*.

Носитель языка понимает, что в данном высказывании прилагательное «hard» описывает состояние животных. Известно, что оно является результатом интерпретации рецепторами тела влияний внешней среды. Это состояние обеспечивает способность длительное время выдерживать влияние внешних сил и обстоятельств и не может быть «твердым» в прямом смысле этого слова ($hard_1 object_1$). Несоответствие привычному положению дел в мире заставляет как слушающего, так и говорящего искать возможное сходство между твердостью физического предмета, с одной стороны, и состоянием животных – с другой: «The condition of animals makes them withstand untoward negative circumstances **as if** it were an external physical pressure». Такая логика рассуждения позволяет вывести актуальное значение «выносливый» на основе применения механизма метафорического переноса ($hard_1 object_1 \rightarrow_{mmf} hard_2 object_2$).

При попытке изменения свойств и целостности твердого предмета индивидуальной личностью необходимо приложить значительные усилия ($hard_1 object_1$): «One needs to make much effort to change the properties (including integrity) of a hard object by applying a physical pressure». Подобные действия являются основой метонимического значения прилагательного: $hard \rightarrow_{mmn} hard_1 object_1$.

Описанный опыт может использоваться коммуникантами для построения метафорических значений, например:

• при описании умственных процессов (*hard₂ object₂*): «*Difficult to penetrate with the understanding, not easy to understand or explain*» (*Oxford English Dictionary*).

A **hard** saying, no doubt, but it has its meaning (Webster's Third New International Dictionary) = A saying requires much effort to understand as if it involved changing of the integrity of a physical object by applying an external physical pressure.

Носитель языка знает, что трудоемкий умственный процесс работы требует затраты значительных мыслительных усилий. При построении актуального значения – «сложный» – говорящий или слушающий соответственно осознают, что в высказывании нарушается привычное положение дел в окружающем мире. Исходя из своего опыта они ищут аналогии с физическим процессом изменения целостности твердых предметов. В обоих случаях необходимо затратить большое количество сил и энергии: «A mental operation requires much mental effort like one needs much physical effort to change the properties of a physical object by applying an external pressure» (*hard₁ object₁ →_{mmf} hard₂ object₂*);

Наконец, коммуникант выделяет следующий аспект опыта (*hard₁ object₁*) для формирования метонимического значения: *hard →_{mmf} hard₁ object₁*. При столкновении человека с твердым предметом последний оказывает сопротивление и сохраняет свою целостность. В этих условиях он может непосредственно воздействовать на тело индивидуальной личности: «One is affected when dealing with a hard object, which can impinge on the body». Следует отметить, что влияние твердого предмета однократно, так как если противодействующая сила разрушает этот предмет, то он не возвращается к исходному состоянию.

Данное метонимическое значение используется коммуникантом в речевых контекстах, например:

• при описании радиоактивного излучения большой проникающей силы (*hard₂ object₂*): «*Characterized by radiation of relatively high penetrating power*» (*Webster's Third New International Dictionary*).

Hard x-rays can penetrate solid objects (Webster's Third New International Dictionary) = Such x-rays can penetrate solid objects that create an impression of as if walking through them.

В данном случае актуальное значение радиация «большой проникающей силы» формируется с учетом того, что рентгеновские лучи представляют собой особый поток энергии, образованный движением электронов. При этом коммуниканту достаточно знать, что такое излучение – радиация – может проникать через ткани тела и воздействовать на них, подобно твердому предмету. Однако радиация не наносит индивидуальной личности мгновенных повреждений, как это происходит в случае с твердым предметом. Она невидима и имеет отсроченное влияние на человека: «X-rays penetrate living tissues like a physical object when it impinges on a body» (*hard₁ object₁ →_{mmf} hard₂ object₂*).

С учетом всех значений, подвергнутых анализу, можно заключить, что лексический прототип является итогом формирования коммуникативного опыта создания речевых значений и одновременно основой для вывода значений формы слова, появляющейся в

зоне активного внимания слушающего. Из своего речевого опыта и опыта взаимодействия с окружающим миром языковая личность знает минимально необходимые признаки внешних данностей, а также схемы вывода необходимых речевых значений. Коммуникант в роли отправителя или получателя сообщения имеет возможность выделения и осмысления конкретного предмета и его признаков либо как абстрактной сущности, либо в виде прямых или переносных номинаций – последних посредством использования механизмов «like» «как», «as if» «как будто», «as it were» «как если бы» [11, с. 26], отработанных практикой миллионов носителей языка. Человек применяет именно этот простой механизм, доступный для всех членов языкового коллектива, так как он основан на очевидных аналогиях.

Кроме того, любой метафорический перенос всегда предполагает первоначальную метонимизацию и предпосылки для метафоры кроются в метонимической проекции, т.е. в метафоре исходная или/и конечная концептуальные сферы должны рассматриваться на основе метонимии. Это происходит потому, что для метафоры не свойственно структурировать всю концептуальную сферу исходного понятия, а только ее составные части, точнее, одну или несколько частей, соответствующих одному центральному признаку или признакам («salient feature(s)»). Человек выделяет для себя эти части или признаки из их совокупности и находит другую сферу, структура которой включает какие-то из подобных частей или признаков. Именно они используются как основа для сравнения, то есть метафоризации. При этом прямые связи между сущностями и их характеристиками устанавливаются на основе метонимических абстракций.

Таким образом, представленный механизм метафоры обладает следующим преимуществом: он учитывает специфику познания индивидуальной личности и категоризации ей окружающего мира: каждый человек имеет разный опыт взаимодействия со средой и поэтому структурирует окружающий мир по своему. Тем не менее, сходство условий, в которых живет и получает образование коммуникант, дает ему возможность успешно выводить значение поступающих извне сигналов [21].

Литература

1. Архипов, И. К. Лексический прототип, лексема и соотношение языка и речи / И. К. Архипов // К юбилею ученого : сборник научных трудов, посвященных юбилею Е. С. Кубряковой. – Москва : МГПУ, 1997. – С. 24–28.
2. Архипов, И. К. Язык и языковая личность / И. К. Архипов. – Санкт Петербург : Книжный Дом, 2008. – 248 с.
3. Архипов, И. К. Лексические прототипы и явление полисемии / И. К. Архипов // Прототипические и непрототипические единицы в языке : коллективная монография / под редакцией С. Ю. Богдановой, Т. И. Семенов. – Иркутск : ИГЛУ, 2012. – С. 101–124.
4. Архипов, И. К. Описание языка как отражение познания и самопознания / И. К. Архипов // Язык в парадигмах гуманитарного знания: XXI век. – Санкт Петербург : Издательство СПбГУЭФ : Лингва, 2009. – С. 37–55.
5. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли ; перевод с французского К. А. Долинина, под редакцией Е. Г. Эткинда. – Москва : Либроком, 2009. – 384 с.

6. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 648 с.
7. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
8. Имото, С. Ничто как наполненность: «Путь» Лао-цзы и «Субстрат» Матураны / С. Имото ; перевод с английского А. В. Кравченко // *Studia linguistica cognitiva: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания*. – 2009. – № 2. – С. 87–99.
9. Левчина, И. Б. Развитие семантической структуры синестезических прилагательных : специальность 10.02.04 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Левчина И. Б. – Санкт-Петербург, 2003. – 18 с.
10. Кравченко, А. В. Когнитивный горизонт языкознания / А. В. Кравченко. – Иркутск : Издательство БГУЭП, 2008. – 319 с.
11. Песина, С. А. Исследование семантической структуры слова на основе прототипической семантики : специальность 10.02.04 : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Песина С. А. – Санкт-Петербург, 2005. – 36 с.
12. Песина, С. А. Лексический прототип как содержательное ядро многозначного слова (на материале английских существительных лексико-семантической группы «тело человека») / С. А. Песина. – Магнитогорск : МГТУ, 2003. – 123 с.
13. Румянцева, А. С. Соотношение системных и речевых значений многозначных прилагательных в истории английского языка (на материале прилагательных strong, hard, tough) : специальность 10.02.04 : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Румянцева А. С. – Санкт-Петербург, 2013. – 182 с.
14. Arkhipov, I. K. Biology of cognition, biosemiotics and second language acquisition / I. K. Arkhipov // *Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions* ; ed. by A. Kravchenko. – Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2012. – P. 185–213.
15. Bartsch, R. Generating polysemy: Metaphor and metonymy / R. Bartsch // *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast* ; ed. by R. Dirven, R. Poerings. – 2002. – Vol. 20. – P. 49–74.
16. Cowley, St. J. Cognitive Dynamics: Language as Values Realizing Activity / St. J. Cowley // *Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions*; ed. by A. Kravchenko. – Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2012. – P. 1–33.
17. Gibbs, R. W. Speaking and Thinking with Metonymy / R. W. Gibbs // *Metonymy in Language and Thought*; ed. by K. Panther, G. Radden. – Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1999. – P. 61–76.
18. Hoffmeyer, J. A Biosemiotic Approach to Health / J. Hoffmeyer // *Signifying Bodies. Biosemiotics, Interaction and Health* ; ed. by St. J. Cowley, J. C. Major, S. Steffensen, A. Dinis. – Braga, 2010. – P. 21–43.
19. Järvillehto, T. The Theory of the Organism-Environment System as a Basis of Experimental Work in Psychology / T. Järvillehto // *Ecological Psychology* ; ed. by B. H. Hodges, C. A. Fowler. – 2009. – Vol. 21, Issue 2. – P. 112–120.
20. Kravchenko, A. V. How Humberto Maturana's Biology of Cognition Can Revive the Language Sciences / A. V. Kravchenko // *Constructivist Foundations*. – 2011. – Vol. 6, № 3. – P. 352–362. – URL: <http://www.univie.ac.at/constructivism/journal/3/352.kravchenko> (дата обращения: 27.09.2022). – Text : Electronic.
21. Maturana, H. R. Autopoiesis and Cognition / H. R. Maturana, F. J. Varela. – Dordrecht : Reidel Publishing Company, 1980. – 143 p.
22. Varela, F. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience / F. Varela, E. Thompson, E. Rosch. – Cambridge, Mass. : MIT Press, 1991. – 308 p.

A.S. Rumyantseva

METAPHOR NOTION IN THE LIGHT OF LEXICAL PROTOTYPE THEORY

The article deals with the mechanism of the speaker's interpretation of indirect word meaning from the point of view of biology of cognition. From this perspective, language is one of the biological functions of the organism which makes it possible to adjust to the environment and to survive. Indeed, the individual generates the actual word meaning every time anew taking into account their experience of interpreting similar cases and using the most laconic mental structure which generalizes minimal integral and distinctive word features, i.e. lexical prototype. When interpreting metaphoric (indirect) word usage the speaker first singles out one feature from the set of those characterizing an entity (i.e. metonymic transfer). Then this feature becomes the base for metaphoric transfer which relies on conscious departure from habitual world vision.

Biology of cognition, biosemiotics, language, speech, communication process, lexical prototype, metaphoric transfer, metonymic transfer.

И.А. Третьякова
Вологодский государственный университет

СИСТЕМА ТЕРМИНОВ ЖУРНАЛИСТИКИ В ЦИКЛЕ ОЧЕРКОВ В.А. ГИЛЯРОВСКОГО «МОСКВА ГАЗЕТНАЯ»

Статья посвящена анализу терминологии профессиональной сферы «журналистика». Цель анализа – восстановить тематическую группу «журналистика», опираясь на очерки В.А. Гиляровского «Москва газетная» (1935).

Термин, журналистика, В.А. Гиляровский.

Тематическая группа профессиональной сферы «журналистика» развивается уже на протяжении трех столетий, но специальных исследований, посвященных истории развития этой терминосистемы, пока нет. Например, доктор юридических наук, профессор И.А. Бойцов в научных трудах «Журнал – журналист – журналистика – журнализм (из истории некоторых терминов журналистики в современном русском языке)» описывает судьбу некоторых ключевых терминов названной дисциплины с точки зрения истории их происхождения, этимологии и функционирования в современном русском языке: *газета, журнал, журналист, журналистика, журнализм* [3, с. 39]. В своих работах, посвященных языку В.А. Гиляровского, Г.В. Судаков рассматривает профессиональные и сленговые диалекты и жаргоны, язык городской улицы [8, с. 235]. В статье Е.В. Янькиной и С.А. Ржановой анализируют формальную структуру и основные языковые характеристики репортажей В.А. Гиляровского [7, с. 3].

Цель нашей работы – восстановить и описать тематическую группу «журналистика», опираясь на очерки В.А. Гиляровского. Для реализации данной цели предусмотрено выполнение следующие задачи:

- 1) зафиксировать используемую систему терминов;
- 2) провести лексико-семантический и функционально-стилистический анализ некоторых групп лексики;
- 3) описать морфемную или синтаксическую структуры каждого наименования.

В нашем исследовании применяются такие методы, как: сравнительно-исторический, структурный, лексико-семантический.

Обратимся к истории. Итак, русская периодическая печать берет начало с газеты «Ведомости» (1702 г.). Российская журналистика развивалась, приобретая новые формы и виды. Исследования, «...связанные с описанием различных аспектов журналистики и журналистиковедения, которые являются составными и неотъемлемыми частями филологической науки, по-прежнему находятся в поле зрения филологов и журналистов» [3, с. 41].

На протяжении веков терминологический аппарат журналистики изменяется. Российский социолог и филолог, создатель советской, а затем и современной российской теории журналистики Е.П. Прохоров утверждал, что «развитие науки постоянно требует

содержательной, а потому и терминологической модернизации – введения новых терминов, изменения содержания устоявшихся (расширения или сжатия), уточнения соотношения между используемыми терминами. При этом важно стремление к хотя бы более или менее однозначному их употреблению разными специалистами вводимых (и даже привычных) терминов и т.д.» [6, с. 28].

Терминология сферы «журналистика» рубежа XIX–XX вв. отражена в цикле очерков русского и советского писателя, поэта, журналиста и краеведа Москвы В.А. Гиляровского «Москва газетная» (1935). В этом цикле отображены будни журналиста того времени: сам Гиляровский был королем репортажа, имел огромный профессиональный опыт, прошел все стадии роста журналиста от репортера до редактора. Книги Гиляровского, в том числе «Москва газетная», – это кладовая информации о терминологии того времени, в них отражается история журналистики и терминология, характеризующая ее.

Владимир Алексеевич Гиляровский родился 8 декабря (26 ноября по старому стилю) 1855 года в лесном хуторе в Вологодской губернии. С 1880 года до конца жизни работал в московских газетах и ряде других изданий. Он прошел суровую школу репортера в «Московском листке» Пастухова. Работал постоянным репортером в московских изданиях: «Русские ведомости» и «Русское слово». Владимир Алексеевич выпускал «Журнал спорта», который считался лучшим коннозаводско-спортивным журналом начала XX века.

В очерках «Москва газетная», ставших объектом нашего исследования, выявлено 28 терминов сферы «журналистика», они делятся по степени значимости на общепрофессиональные и частные. Порядок исследования слов и выражений будет зависеть от степени употребительности терминов в очерках Гиляровского.

В этом произведении из общих профессиональных терминов часто встречаются следующие: *журнал* (1878), *газета* (1912), *печать* (1835), *редакция* (1831), *подписка* (1886), *пресса* (1834), *публикация* (1836). В скобках стоит дата первой письменной фиксации слова, отмеченная БАС. Мы называем их общепрофессиональными, поскольку они появились в сфере этой профессии и имеют отношение к периодическому изданию, к книге, к рекламе – ко всем сферам дея-

тельности, которые связаны так или иначе с производством документов, книг, СМИ и т.д.

Термины *журнал* и *газета* исследовал И.А. Бойцов. Он пишет: «Газета и журнал как термины, обозначающие различные виды периодических изданий, часто смешивались в русском языке XVIII–XIX вв. Причина этого, видимо, кроется в том, что внутренняя форма слова *журнал* (от франц. *journal* – «газета, журнал», образованного от слова *jour* – «день») больше соответствует характеру издания газетного (ежедневного) типа; у слова же *газета*, также заимствованного, внутренняя форма русским человеком почти не ощущается» [4, с. 1].

В «Новом словотолкователе, расположенном по алфавиту» слово *газета* описывается как «под сим словом разумеются ведомости; листы печатные, выходящие по известным дням и содержащие в себе разные любопытные известия, действия военные, происшествия политические и проч., в разных областях случившиеся» [11, с. 498].

Историк журналистики, литературовед В.Г. Березина утверждает, что слово *газета* начинает активно использоваться в русском языке (на равных правах со словом *ведомости*) в первой половине XIX века [2, с. 211].

Все общепрофессиональные термины не утратили своего значения спустя много лет и используются в настоящее время. Их основное назначение – характеристика сферы «издательское дело», в том числе сферы «журналистика».

Следующие группы слов имеют частный характер:

- 1) названия субъектов журналистской деятельности;
- 2) названия жанров;
- 3) названия разновидностей журналистских материалов по содержанию;
- 4) слова, называющие потребителей информации;
- 5) названия элементов газеты;
- 6) термины издательского дела и технологии печати.

1. Названия субъектов журналистской деятельности (лица, участвующие в создании материала) – далее слова рассматриваются в порядке убывания частотности их употребления: *редактор, журналист, сотрудник, корреспондент, репортер, фельетонист, рецензент, критик, хроникер, автор, псевдоним, публицист, штат*.

Анализ начнем со слова *сотрудник* как наиболее частотного (у Гиляровского зафиксировано 120 употреблений): *Первая встреча с сотрудником «Московских ведомостей»; ...сотрудника этого журнала* [4, с. 18]. В БАС слово *сотрудник* толкуется как «тот, кто работает вместе с кем-либо, помогает в каком-либо деле», первая цитата в словаре относится к 1841 году [1, т. 14, с. 406–407]. Слово *сотрудник* имеет и второе значение: «лицо, принимающее участие, как автор, в работе периодического или многотомного издания», относящееся к началу XX века (согласно «Толковому словарю» под ред. Д.Н. Ушакова) [10].

Далее слово *корреспондент*. Оно встречается более 50 раз: *...на место катастрофы приехали... много разных корреспондентов разных газет...* [4, с. 130]. По БАС, первоначально слово *корреспондент* толковалось как «лицо, находящееся в переписке с кем-либо (1882)» [1, т. 5, с. 1473–1474]. С начала XX века корреспондент – чаще «автор корреспонденции в га-

зете или другом периодическом издании; сотрудник периодического издания, доставляющий корреспонденции». Слово *корреспонденция* «сообщение или статья о текущих событиях, присланные в газету, журнал» иллюстрируется цитатой из А. Островского «Таланты и поклонники» (1881) [1, т. 5, с. 1474–1475].

Иноязычное слово *репортер* (англ. *reporter*) и его производные *репортерчик, репортеришко* в очерках встречаются более 50 раз: *...приехал из Одессы маленький репортерик* [4, с. 93]; *Так, газетный репортеришко!* (Там же, с. 283); *Кормились объявлениями два мелких репортерчика Козин и Ломоносов* (Там же, с. 73). По БАС, *репортер* – это «автор репортажа; сотрудник газеты, журнала, радио, кино, телевидения, доставляющий информацию о происшествиях и событиях местной жизни» [1, т. 12, с. 1234]. Значение этого слова рассматривается в широком современном значении: «сотрудник газеты, журнала, радио, кино...». Фиксируется по данным БАС с 1884 года.

По толковому словарю Д.Н. Ушакова *репортер* – это «газетный сотрудник, доставляющий информацию о происшествиях и событиях местной жизни» [10]. В.А. Гиляровский в слово *репортер* вносит уменьшительно-пренебрежительный оттенок при помощи суффиксов *-ик, -ишк-, -чик*: *репортерик* [4, с. 93]; *репортеришко* (Там же, с. 283); *репортерчик* (Там же, с. 73). Используются фразеологизмы, такие как *летучий репортер*: *В типографии нас звали: Митропольского – «недвижимое имущество “Русских ведомостей”», а меня – «летучий репортер»* (Там же, с. 28); *репортерское дело: Сразу мне предложили настолько хорошие условия, что я, будучи обеспечен, мог все силы отдать излюбленному мной живому репортерскому делу* (Там же, с. 24).

Все эти термины имеют отношение к терминологии профессиональной сферы «журналистика» и используются по сегодняшний день, не утратив своего значения.

Фельетонист имеет 13 употреблений: *И эти два фельетониста создавали успех газеты* (Там же, с. 267). БАС фиксирует следующее значение слова *фельетонист* «лицо, пишущее фельетоны» (1873–1875) [1, т. 16, с. 1302]. О слове *фельетон* смотри подробнее в рубрике «жанры».

Рецензент употребляется 1 раз: *...театральный рецензент... ни по наружности, ни по взглядам, ни по статьям не был похож на своих соратников по изданию...* [4, с. 18]. По БАС, термин *рецензент* – значит «автор рецензии» (1834) [1, т. 12, с. 1271].

Слово *критик* (употреблено 6 раз): *Московские ведомости» была газета слишком известная по своему направлению, и сотрудники ее держались там скрытно и особняком, что из всех их только и появлялся в обществе, т.е., вернее, в театрах и на первых представлениях, лучший критик того времени С.В. Флеров (Васильев)* [4, с. 256]. По БАС, слово *критик* – «писатель, занимающийся критикой научных, литературных и художественных произведений» (1858) [1, т. 5, с. 1664–1665].

Хроникер употребляется 2 раза: *...писал хроникер, дававший важнейшие известия по Москве и место которого занял я: редакция никак не могла ему простить, что он доставил подробное описание освяще-*

ния храма Спасителя ровно за год раньше его освящения, которое было напечатано и возбудило насмешки над газетой [4, с. 24]. По БАС, термин *хроникер* – это «сотрудник газеты, журнала, радиовещания, дающий информацию в отдел хроники» (1859) [1, т. 17, с. 486–487]. Слово *хроникер* и Гиляровский созвучны. Ценность его произведений состоит в том, что практически во всех автор описывает реально существовавших людей. Гиляровский был очеркист и хроникер. Его книга напоминает журналистские очерки, а иногда рассказы от первого лица.

2. Жанры.

Журналистика, как и любая профессия, имеет свою основу, т.е. базовую сферу деятельности. Этой базой в журналистской деятельности выступает категория жанра. Здесь есть все, что нужно для профессионального творчества, – это реальная жизнь, реализация функций журналистики, проявление творческих способностей авторов материалов.

Анализируя тематическую группу «жанры», выделим следующие слова: *фельетон, заметка, репортаж, хроника, очерк, рецензия, корреспонденция, интервью*.

Термин *фельетон* употребляется более 50 раз: *Москва читала взапас эти фельетоны, дававшие огромный материал для излюбленных тогда сплетен* [4, с. 79]. По БАС, *фельетон* – «литературное произведение малой формы, имеющее сатирический или юмористический характер и помещаемое обычно в газетах или журналах» (1836) [1, т. 16, с. 1301–1302].

Слово *заметка* в произведении Гиляровского частотное (более 30 употреблений): *Здесь в это время я писал срочные заметки для набора...* [4, с. 58].

Репортаж употребляется 9 раз: *В газете наряду со сценами из народного быта печатались исторические и бытовые романы, лирические и юмористические стихи, но главное внимание в ней уделялось фактам и событиям повседневной московской жизни, что на газетном языке называлось репортажем* (Там же, с. 97). В БАС *репортаж* толкуется как «информация, рассказ; о текущих событиях, публикуемый в периодической печати или передаваемый по радио» (1905) [1, т. 12, с. 1234]. Немного истории: первые репортажи были посвящены известным людям в газетах Франции и Англии в XIX веке. «Под репортажем подразумевались любые оперативные сообщения из залов суда, парламентских заседаний, городских собраний и т. д.» [5, с. 173]. Н.М. Ким утверждал, что «первоначальные репортажи были похожи на современные отчеты, так как в них преимущественно отражались основные моменты собраний и их итоги. Термины выполняют строго номинативную функцию, функцию наименования специального понятия» (Там же).

Хроника также малочастотное (8 употреблений): *Коренная Москва, любившая легкое чтение и уголовную хронику, не читала ее* [4, с. 21]. В БАС *хроника* – это «краткая информация о текущих событиях (в газете, журнале, по радио)», приводится в пример цитата Ильфа и Петрова «12 стульев» (1927) [1, т. 17, с. 484–485]. *Хроника* как газетный термин в это время используется в значении оперативной и достоверной информации о событии. Термин *хроника* употребля-

ется до сих пор, но чаще всего в сочетании «уголовная хроника».

Термины *заметка, репортаж* и *хроника* относятся к профессиональной сфере «журналистика» и являются новыми в период конца XIX и начала XX вв.

Очерк встречается нечасто (5 употреблений): *Это был первый такой очерк из рабочей жизни в русской печати* [4, с. 33]. По БАС, *очерк* – это «небольшое повествовательное произведение, содержащее краткое описание реальных фактов, лиц» [1, т. 8, с. 1798].

Рецензия употребляется 5 раз: *...писал рецензию о вчерашнем спектакле* [4, с. 24]. *Рецензия* толкуется как «статья, содержащая анализ и оценку научного или художественного произведения, спектакля, концерта и т. п.» (1845) [1, т. 12, с. 1301–1302].

Встречается два раза образованный от *интервью* глагол *интервьюировать*: *меня интервьюируют; интервьюировали, расспрашивали, осматривали, фотографировали* [4, с. 71]. *Интервьюировать* – это «беседовать с кем-либо, опрашивать кого-либо с целью опубликования полученных сведений в газете, журнале», Толкование в БАС иллюстрируется цитатой из В. Короленко «Без языка» конец XIX века [1, т. 5, с. 394]. *Интервью*, по БАС: *предназначенная для опубликования в печати беседа политического, общественного и т.п. деятеля с корреспондентом по вопросу, имеющему общественный интерес*, приводится цитата 1913 года А. Крылова «Мои воспоминания» (Там же, с. 393). На практике в 1882 году Гиляровский пишет репортерские отчеты о пожарах (за Бутырской заставой, в Зарядье), а также отчеты о скачках. Эти отчеты были фотографичны, небольшого объема и имели признаки репортажа, но текст отличался наличием элементов оперативного интервью. Это была практика *интервью* XIX в.

3. Функция журналистики в обществе – показывать реальные события. Основные признаки этой информации – достоверность, актуальность, точность, что влияет на мировоззрение аудитории. Весь материал делится на жанры и объединяется в группы. К таким группам относится разновидность материала по содержанию: *сведение, новость, материал, сенсация, информация*.

В этом ряду обобщающим является слово *материал* (употребляется более 20 раз): *Здесь в это время я писал срочные заметки для набора и принимал моих помощников с материалом* [4, с. 58]. По БАС, *материал* – это «различного рода сведения, пособия, служащие источником, основой для чего-либо, доказательством чего-либо» (1862) [1, т. 6, с. 692–693]. В зависимости от информации материал может быть назван более конкретно, то есть синонимично понятию *сведение*.

Слова *известие* и *сведение* синонимичны и употребляются в равных количествах (более 30 употреблений): *Первая публикация появилась в Петербурге, куда я послал сообщение А.А. Соколову для «Петербургского листка», а потом его перепечатала провинция, а в Москве появились только краткие известия без упоминания о городском и разнесенной будке* [4, с. 77]. *Известие*, по БАС, – это «сообщение, весть» (1838) [1, т. 5, с. 109].

Сведение, по БАС, толкуется как «известие, сообщение, уведомление о чем-либо» (1889) (Там же,

т. 13, с. 275). *Н.И. Пастухов благодаря своим широким знакомствам добывал репортерские сведения и, написав, как умел на клочке бумаги, передавал их для газеты. Сведения эти переделывались и перепечатывались* [4, с. 101].

Новость употребляется более 30 раз: *Газета шла ходко, сообщая всякую московскую новость раньше всех других* (Там же). По БАС, *новость* – это «только что, недавно полученное сведение, известие, сообщение» (1841) [1, т. 7, с. 1363–1364]. Присутствует оттенок новизны.

Сенсация употреблено 11 раз: *...у меня были свои агенты из самых отчаянных бродяг, которые и сообщали свои сенсации* [4, с. 29]. По БАС, *сенсация* – это «событие, сообщение, производящее такое впечатление» (1915) [1, т. 13, с. 651–652]. *Сенсация* – это гигантский труд, где стоит поездка на место происшествия, маскировка, шпионство и прочие вещи, которые, собственно говоря, и привлекали Гиляровского в его профессии. *Сенсация* синонимична вышеперечисленным терминам, но стилистически окрашена.

Информация употреблена 3 раза: *Первого января 1881 года в Москве вышла самая большая по размеру и, безусловно, самая интересная по статьям и информации газета «Московский телеграф* [4, с. 81]. *...Газета составлялась великолепно и оживилась свежестью информации...* (Там же, с. 24). По БАС, *информация* толкуется как «сообщение, осведомление о чем-либо» (1943) [1, т. 5, с. 418]. Все слова объединяет термин *информация*, но каждое имеет свою стилистическую окраску.

4. Потребители информации.

К тематической группе «потребители информации» относятся такие слова: *публика, читатель, подписчик*.

Публика (употребляется 37 раз): *...особый любитель публики, дававший постоянных подписчиков* [4, с. 110]. Общекультурный термин *публика* в данном случае употреблен применительно к читателям. По БАС, *публика* – это «люди, народ, общество» (1879) [1, т. 11, с. 1646].

Читатель (употребляется 16 раз): *А.М. Пазухин имел большой успех у читателей этой газеты* [4, с. 180]. По БАС, *читатель* – это «тот, кто читает книги, издания, все опубликованное» (1852) [1, т. 17, с. 1085].

Подписчик (15 употреблений): *У «Курьера» было сразу восемь тысяч подписчиков на эти два месяца* [4, с. 195]. По БАС, *подписчик* толкуется как «лицо, подписавшееся на какое-либо печатное издание» (1886) [1, т. 10, с. 530].

Несмотря на то что эти слова объединены в одну тематическую группу, чувствуется существенная разница в их значении. *Подписчик* – статистический показатель печатного издания, имеющий цифровой показатель. *Читатель* – «живой» потребитель информации, имеющий свое мнение и отличающийся индивидуальностью. *Публика* – обобщающий термин подписчика и читателя и является объектом воздействия.

5. Элементы газеты: *название, заглавие, заголовок*.

Сразу обращаем внимание на то, что данные термины синонимичны.

Название (20 употреблений): *Сто девяносто первый номер вышел уже под названием «Курьер тор-*

говли и промышленности [4, с. 191]. По БАС, *название* – это «печатное произведение, имеющее одно заглавие, независимо от количества томов, из которых оно состоит» (1704) [1, т. 7, с. 208–209].

Заглавие (7 употреблений): *Труднее мне пришлось отстаивать заметку под заглавием «Продажная скачка* [4, с. 164]. По БАС, *заглавие* – это «название книги, журнала, статьи и т. п.»; *заголовок* – это «название, заглавие» (1869) [1, т. 4, с. 342].

Заголовок (3 употреблений): *На другой день с новым заголовком в сумках газетчиков лежал «Русский листок* [4, с. 185]. По словарю русского языка Грота-Шахматова *заголовок* толкуется как «название книги, сочинения, какой-либо статьи или отдела книги, сочинения; заглавие» (1859) [9, т. 4, с. 904].

Все эти термины взаимосвязаны и являются характеристиками друг друга, но *название* старше всех, и первое упоминание фиксируется с 1704 года, *заглавие* в первый раз упоминалось в XIX веке (1869 г.), *заголовок* впервые фиксируется 1859 году.

6. Термины издательского дела и технологии печати: *издание, издательство, издатель, типография, наборщик, гранка, подшибалы, корректор, метранпаж, вымарка*.

Слово *издание* частотное (более 70 употреблений): *...провинциального вида издание, почти не имевшее подписки* [4, с. 72]. По БАС, термин *издание* имеет 2 значения «1. Выпуск в свет; опубликование. 2. Устар. то же, что издательство» [1, т. 5, с. 150]. *В 1881 году ему было разрешено издание газеты* [4, с. 99]. Термины *издание, издательство, издатель* однокоренные, но обозначают разные понятия: *издание* применяется как процесс или организация, т.е. термин применяется как существительное и глагол, *издательство* – это предприятие и *издатель* – это физическое или юридическое лицо, которое совершает действие в сфере журналистики.

Применяются устаревшие термины, такие как *подшибал, метранпаж, вымарка*. Слово *подшибал* (жаргон) частотное, употребляется 17 раз. В словарях мы не нашли толкования этого термина, но В.А. Гиляровский в произведении «Москва газетная» сам раскрывает это понятие: *Подшибалами были стившиеся с круга наборщики, выгнанные отовсюду и получавшие работу только в некоторых типографиях поденно, раз в неделю, в случае какой-нибудь экстренности...* *Подшибалы – это, так сказать, яркие типы «рабов капитала». В старые времена на подшибалах наживали деньги типографчики...* *Подшибал использовали иногда типографчики при забастовках наборщиков, и они работали под защитой полиции. Отсюда и название: «Подшибалы!»* (Там же, с. 231–232).

Метранпаж употребляется 8 раз: *Закончив, сдал метранпажу на набор* (Там же, с. 69). По БАС, *метранпаж* – это «старший наборщик, верстающий страницы, распределяющий оригиналы между наборщиками и следящий за выполнением работы» (1886) [1, т. 6, с. 927]. Это устаревшее название верстальщика. *Вымарка*, по толковому словарю Д.Н. Ушакова, – это «вычеркнутое место (устар.)» [10].

В.А. Гиляровский фиксирует некоторые фразеологизмы профессиональной сферы «журналистика»:

свобода печати, желтая пресса. Фразеологизмы позволяют окунуться в атмосферу прошлых столетий.

«Дождались конституции, грянула *свобода печати*, стали писать по-новому» [4, с. 159]. По БАС, *свобода печати* – это «право граждан беспрепятственно выражать свои мысли в печати и распространять произведения печати» (1905) [1, т. 13, с. 396]. Впервые провозглашено во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года.

«Сенсации придумывались, сплетни печатались, и газета явилась в Москве первой представительницей *желтой прессы*» [4, с. 188]. По БАС, *желтый* в переносном значении «продажный, предательский, изменнический» [1, т. 13, с. 651]. «Желтая пресса» – низкопробные периодические издания, публикующие в погоне за сенсацией скандальные сообщения, дезинформацию. Термин «Yellow press» появился в конце XIX века в США.

Словосочетания «желтая пресса» и «свобода печати» актуальны и в наше время.

Из исследованных 28 слов с XIX века употребляются 19: *сотрудник, рецензия, критик, известие, сведение, читатель, заглавие, фельетонист, рецензент, хроникер, фельетон, материал, новость, публика, название, заголовок, издание, метранпаж, вымарка*. В эпоху активной деятельности Гиляровского появляются 11 слов: *корреспондент, репортер, заметка, репортаж, очерк, хроника, интервью, сенсация, информация, подписчик, подшибал*. Некоторые из этих слов, как показывают словари, употребляются до сих пор.

Следует отметить, что В.А. Гиляровский в своих произведениях использует общенаучные термины, т.к. пытается воздействовать на широкую аудиторию. «Москва газетная» В.А. Гиляровского воспринимается как своеобразная летопись давно минувшего в истории русской прессы, как художественная иллюстрация к истории русской журналистики конца XIX – начала XX века. Подбор зафиксированных групп слов и фразеологизмов мог бы составить словарь терминов в сфере «журналистика».

Важность изучения истории терминов журналистики бесспорна. Интерес к этой теме возрастает, так как она связана с нашей историей и историей всего мира, который меняется, как меняется и сама журналистика от печатных изданий до электронного. Влияние технической революции на структуру журналистики очевидно, как и влияние на изменение терминологии в этой системе. Изменились интересы СМИ и его аудитории. Например, в связи с появлением интернета изменились потребители информации – из «читателей» превратились в «подписчиков». Акту-

альность фельетонов упала, но вырос интерес к интервью. Слово «карикатура» стало исчезать вместе с сатирическими журналами. Причина в том, что журналистика XIX века заставляла читателя думать и самостоятельно анализировать информацию, а журналистика XXI века носит развлекательный характер, гонится за сенсацией. Весь поток информации имеет коммерческий характер. В связи с этим термины, которые становятся устаревшими, постепенно уходят из употребления, но они оставляют яркую память прежних времен.

Литература

1. Словарь современного русского литературного языка. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1948–1965. – Т. 1–17. (БАС)
2. Березина, В. Г. История слова журналистика / В. Г. Березина // Ученые записки Ленинградского университета. Серия Филологических наук. – 1957. – № 218, вып. 33. – С. 209–212.
3. Бойцов, И. А. Журнал – журналист – журналистика – журнализм (из истории некоторых терминов журналистики в современном русском языке) / И. А. Бойцов // Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербургский государственный университет : Инновационный центр развития образования и науки, 2016. – С. 39–41.
4. Гиляровский, В. А. Избранное в трех томах. Том 2. Москва газетная. Рассказы и очерки – Москва : Московский рабочий, 1961. – 432 с.
5. Ким, М. Н. Основы творческой деятельности журналиста / М. Н. Ким. – Санкт-Петербург : Питер, 2011. – 395 с.
6. Прохоров, Е. П. Терминологический аппарат – понятийно-смысловый скелет науки / Е. П. Прохоров // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2012. – № 1. – С. 27–38.
7. Ржанова, С. А. Структурные и языковые особенности репортажей В. А. Гиляровского / С. А. Ржанова, Е. В. Янькина // Огарев-online. – 2020. – № 4 (141). – С. 6.
8. Судаков, Г. В. В. А. Гиляровский как знаток русской речи (рефлексия писателя на речевые феномены своего времени) / Г. В. Судаков // Русский язык XIX века: от века XVIII к веку XXI. – Санкт-Петербург : Наука, 2006. – С. 228–236.
9. Словарь русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук / главный редактор Я. К. Грот. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1899–1926. – Т. 2, 4.
10. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. – URL: <https://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 27.09.2022). – Текст : электронный.
11. Яновский, Н. М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту: содержащий разные в техническом языке встречающиеся иностранные речения и технические термины / Н. М. Яновский. – Санкт-Петербург : Тип. Акад. наук, 1803–1806. – Т. 3.

I.A. Tretyakova

THE SYSTEM OF JOURNALISM TERMS IN THE CYCLE OF V.A. GILYAROVSKY'S ESSAYS «MOSCOW GAZETNAYA»

The article is devoted to the analysis of the terminology of the professional sphere «journalism». The purpose of the analysis is to restore the thematic group «journalism», based on V.A. Gilyarovsky's essays «Moscow Gazetnaya» (1935).

Term, journalism, V.A. Gilyarovsky.

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 82

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: РЕЙФИЛД ДОНАЛЬД. ЖИЗНЬ АНТОНА ЧЕХОВА / пер. с англ. О. Макаровой; испр. и доп. изд. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. 896 с.

Рецензия на книгу о Чехове британского литературоведа Дональда Рейфилда, написанную с целью создания максимально точного портрета писателя в окружении членов его семьи, близких и любивших его. Пристальное внимание к жизни Чехова, быту тех времен сопровождается введением большого количества архивных материалов, обнародованных впервые.

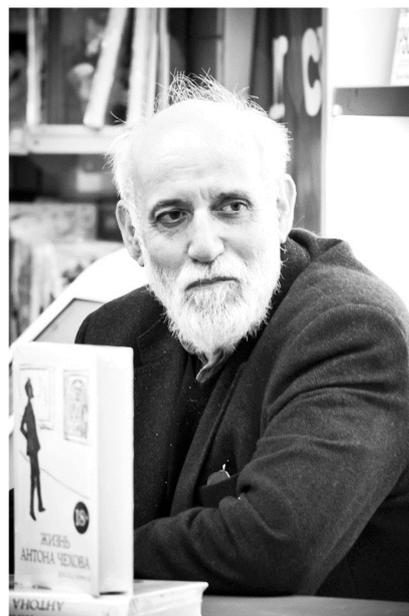
Дональд Рейфилд, Антон Чехов, жизнеописание, водевиль.

Книга была издана на английском в 1997, затем в 2018. На русском в переводе Ольги Макаровой она выходила в 2005, 2007, 2014. Данное издание – исправленное и дополненное. Ключ к прочтению задан эпиграфом. В стихотворении Ивана Бунина «Художник» (1908) нарисована картина сада в Ялте («За новым белым домом Хребет Яйлы...») – и совсем уже больной Чехов: хребет «и близок, и тяжел»... Светлая печаль пронизывает стихотворение: «Он, улыбаясь, думает о том, Как будут выносить его...», «Он снял пенсне и думает, перхая: “Да-с, водевиль... Все прочее есть гиль”». Водевильность и определила атмосферу 896-страничной книги.

Эпиграфом к предисловию Дональда Рейфилда стала выдержка из письма П.В. Быкова М.П. Чеховой от 7 апреля 1910 г.: «Антон Павлович, как-то обедая у меня, сказал, что “со временем все его вещи должны увидеть свет и что ему стыдиться нечего”» (с. 11). По мере чтения возвращаешься к этой мысли. Что значит «вещи»? Подготовленное к публикации? Частная корреспонденция? Когда Чехов умер, А. Суворин – при всем его горе – успевал позаботиться о многом: об отправке вагона-рефрижератора с телом в Москву, о панихиде и прочем, включая изъятие своих откровенных писем из чеховского архива. Рейфилд упоминает, как Суворину дважды приходится посылать Александра Чехова в Ялту «выручать» письма. Приходили ли остальным в голову мысль о возможности публикации их частных писем? В книге упомянуто, что Левитан послал друзьям и знакомым записки с просьбой по смерти все его письма сжечь. Мария Чехова последнюю волю друга исполнила, Антон – нет.

В предисловии подчеркнуто, что Чехов ревностно охранял от публики свою частную жизнь и – скрупулезно собирал буквально все клочки бумаги, включая письма, счета, расписки, имевшие отношение к нему и семье. Каждый год в Рождество он раскладывал по папкам переписку. Заботился о будущих читателях и исследователях? Думал о еще одном возможном ис-

точнике дохода для материального благополучия семьи?

Дональд Рейфилд

Мария Чехова, посвятившая жизнь заботе о брате и его наследии, опубликовала с купюрами переписку и посвященные Антону воспоминания.

Как относиться к купюрам? Рейфилд вспоминает советскую традицию избегания «дискредитации и опошления» образа писателя. Для него это формулировка из постановления Политбюро ЦК КПСС, и с ней он связывает сомнения российских ученых в необходимости предъявления публике чеховских архивов во всей их полноте (с. 14). У традиции, конечно, – гораздо более глубокие корни. Вспомним, например, как в сентябре 2013 г. пресса привлекала внимание к выпуску собрания сочинений Пушкина

московским издательством «Слово/Slovo». Высокое качество издания тиражом 300 экземпляров говорило о подарочном характере, но главной особенностью 11-томника стало то, что последние три тома впервые с 1911 г. были опубликованы в полном виде (переписка поэта). В 1911 г. по специальному распоряжению Императорской академии наук три тома переписки 1815–1837 гг. были изданы в двух вариантах: 10 комплектов – без купюр, остальные – с купюрами и многоточиями на месте «неприличных» слов и выражений. Для кого предназначались 10 «непричесанных» комплектов Пушкина, безусловно, любившего «крепкое слово» «живого языка»? Для избранных академиков.

Цензурно-охранительный характер издания чеховских писем нарушил Дональд Рейфилд (род. 1942, Оксфорд), почетный профессор русской и грузинской литератур Колледжа королевы Марии Лондонского университета. Говоря о чеховских биографиях (Е. Симмонза, Р. Хингли, А. Труайя, М. Громова, В. Притчета), Рейфилд отметил использование в них примерно одного и того же круга источников: «На сегодняшний день опубликовано около пяти тысяч писем Чехова, причем иные из них – с безжалостными купюрами» (с. 13). Рейфилда влекли не введенные в оборот источники. Зная, что в архивах, и прежде всего в отделе рукописей Российской государственной библиотеки, хранится около 7 тысяч писем, адресованных Чехову, и примерно половина из них никогда не упоминалась в печати (особенно касающаяся частной жизни писателя), Рейфилд три года провел в поисках документов, их расшифровке и осмыслении. Будучи уверенным в том, что «ничто в этих архивах не может ни дискредитировать, ни опозлить Чехова», он надеялся на обратный результат: «...сложность и глубина фигуры писателя становятся еще более очевидными, когда мы оказываемся способны объяснить его человеческие достоинства и недостатки» (с. 14).

Свое понимание Чехова Рейфилд отражает в первом же абзаце предисловия: «Мы знаем Антона Чехова как отца-основателя современного театра, в котором главенствует драматург, а не актер. Мы также признаем, что он внес в европейскую художественную прозу по-новому осмысленную неоднозначность, плотность текста и тонкую поэтичность. Из всех русских классиков он наиболее доступен и понятен, особенно для иностранцев, – как в книгах, так и на сцене. Он оставляет за читателем или зрителем право реагировать, как им заблагорассудится, и делать собственные выводы. Он не навязывает никакой философии. Однако Чехов столь же доступен, сколь и неуловим. Понять, что он “имел в виду”, совсем непросто, – так редко он раздает оценки или что-либо объясняет» (с. 11).

Пользуясь этой неоднозначностью и неуловимостью, Рейфилд предлагает свою версию жизни Чехова. Название книги «Anton Chekhov: A Life» подчеркивает, что автора интересует, прежде всего, жизнь – не творчество. На английском обращаешь внимание на неопределенный артикль (ожидаешь The Life) с его отсутствием дефинитивности. В предисловии Рейфилд отмечает: «Любая биография – это вымысел, который тем не менее должен быть увязан с докумен-

тальными данными» (с. 12). Попавшие в его распоряжение источники позволили ему по-иному увидеть и показать Чехова. Он оговаривает, что, если бы удалось найти сотни писем Суворина к Чехову, чеховскую жизнь и российскую историю (Суворин слишком много знал и многое поверял Чехову) можно было бы переписать заново (с. 15).

В книге 10 частей. Они хронологичны и при этом концептуальны. Первая часть «Отец человек» глубоко погружает в проблемы семьи. Павел Егорович Чехов – колоритная фигура. В начале книги содрогаешься от приводимых фактов, например, в рассказе о нем как о лавочнике: «...он, например, уверял сыновей, что мухи очищают воздух. Однажды в бочке с оливковым маслом обнаружил дохлую крысу. Замолчать это происшествие ему не позволила честность, а вылить масло – жадность, к тому же ему очень не хотелось возиться с маслом – процеживать и кипятить его. Тогда он решил пропавший товар освятить, и отец Федор Покровский отслужил в лавке молебен» (с. 47). Постепенно привыкаешь воспринимать все легче – в водевильном ключе. Понимая, что представляет из себя отец семейства, улыбаешься, читая: «На Масленицу Павел Егорович зорко следил за гостями: “Дроздова съела 10 блинов, Коля 6, Маша 4 блина”» (с. 616).

Зримость, обусловленная документальностью, в сочетании с интересной концепцией каждой из глав (Доктор Чехов, Сторож брату своему, Годы странствий, Цинциннат, Беглянка Лика, Полет «Чайки», Цветущие кладбища, Тройной успех, Любовь и смерть) способны заинтриговать читателя. В книге приведено огромное количество фактов – приглядных и неприглядных. Интересны комментарии англичанина там, где мы обыкновенно уважительно замолкаем. В продолжение известной цитаты из письма Чехова Суворину о выдавливании из себя по каплям раба, Рейфилд отмечает: «Однако рабская кровь все еще текла в жилах братьев Чеховых. Александр был невольником “Нового времени”, Ваня привязан к своему учительскому месту, Миша, кончавший университет, собирался надеть на себя хомут податного инспектора, Коля впал в полную зависимость от наркотиков и алкоголя. Свободу обрел, похоже, лишь Антон» (с. 265).

Самое пристальное внимание уделяется семье, друзьям, поклонницам (Мария придумала называть многочисленных подруг брата «антоновками»), сладострастию, болезням. Узнаешь много подробностей – бытовых, финансовых, эротических, медицинских. При этом со словами из аннотации к книге согласиться не можешь: «Уникальное по своей масштабности биографическое исследование представляет собой исчерпывающее жизнеописание Антона Павловича Чехова» (с. 4). Новые источники предьявлены, купюры устранены, но исчерпывающим исследование не становится. Количество не переходит в качество. Без тонких интуиций автора жизнеописание сам по себе «материал» не способен исчерпать неуловимого Чехова.

Оставляя смешные комментарии, например «Спал Антон в Ялте хорошо (хоть и один)...» (с. 434), Рейфилд хранит молчание по более серьезным поводам,

где действительно хотелось бы услышать мнение специалиста. Голословно или справедливо замечание Левитана из письма Чехову? – «Я склонен думать, что эта твоя лихорадка есть лихорадка самовлюбленности – твоей хронической болезни!» (с. 693).

Странный монтаж предложений сначала вызывал мое недоумение, потом – смех: «Париж, как и Сахалин, помог Чехову укрепить политическое самосознание. Тем временем Суворину захотелось привезти из

Парижа собственный бюст, и, пока скульптор трудился над ним, Антон с Дофином бродили по кафешантанам и созерцали обнаженных женщин» (с. 343). «Да-с, водевиль... Все прочее есть гиль». При этом ты никак не можешь избавиться от ощущения «Боже, как грустна наша Россия!» Неудержимо тянет перечитать самого Чехова и воспоминания о нем того же близкого ему Бунина с их не «водевильным» восприятием «До самой смерти росла душа его...».

L.V. Egorova

**BOOK REVIEW: RAYFIELD DONALD. ANTON CHEKHOV: A LIFE /
Trans. by O. Makarova. M., 2020. 896 p.**

Review of the book «Anton Chekhov: A Life» written by Donald Rayfield in order to create the most complete portrait of the writer surrounded by the members of his family and those who loved him. It is a very attentive look at Chekhov's life and his epoch. Rayfield introduced a large number of previously unpublished materials from the archives.

Donald Rayfield, Anton Chekhov, biography, vaudeville.

М.С. Черкасова
Вологодский государственный университет

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: СТЕПАНОВА Л.Г. ПРИРОДА И БЛАГОСОСТОЯНИЕ. ОСВОЕНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ РУССКИМ КРЕСТЬЯНИНОМ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ: монография. СПб.: Алетейя, 2021. 637 с.

В рецензии дан анализ новейшей монографии Л.Г. Степановой. Она представляет опыт экологической истории, основанной на широком комплексе массовых источников XVI–XVIII вв. Автор комбинирует методы и подходы макро- и микроистории, огромная по объему информация систематизирована в электронных Базах данных. Рассмотрено взаимодействие антропогенных и природных факторов в истории России Средневековья и Раннего нового времени.

Экологическая история, аграрная история, благосостояние, природа, писцовые книги, материалы Генерального межевания.

Одним из новейших направлений современного знания является *социоестественная* история. Она возникла на пересечении многих научных отраслей, а изучает динамику социоприродного взаимодействия на разных этапах исторической эволюции. Подсистемной отмеченного направления является геоэкологическая или просто *экологическая* история. Рецензируемая монография выполнена именно в рамках актуальной и новаторской в научном и практическом отношении «*Environmental history*». Будучи междисциплинарной, по сути своей, она предполагает интеграцию методов и подходов аграрной истории, экономики, исторической географии и исторической демографии, крестьяноведения, собственно экологии, исторического ландшафтоведения, истории климата, агрономии, почвоведения. Обширная библиография, приведенная в конце книги, показывает глубокое освоение автором отечественной и зарубежной историографии, включая ряд обобщающих, региональных, специальных и даже сугубо специализированных исследований (с. 547–575). И хотя развернутый анализ этой книги с общей высокой оценкой ее весомого вклада в аграрную и геоэкологическую историю уже появился в научной периодике [5; 6], она заслуживает того, чтобы вновь разобрать ее как незаурядный многоплановый, многоуровневый труд.

Книгу предваряет проникновенное посвящение памяти Учителя Л.Г. Степановой, выдающегося историка-аграрника, источниковеда, заведующего в течение многих лет кафедрой истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, председателя оргкомитета Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы академика Л.В. Милова (1929–2007). Именно Леонид Васильевич одним из первых акцентировал внимание ученых на влияние природно-климатического фактора на историю России. Наиболее развернуто представленные в новаторской монографии 1998 года издания (в 2006 г. переизданной) его взгляды и предложенные подходы,

несомненно, способствовали последующей разработке проблем экологической истории России эпохи Средневековья и Раннего нового времени [7–9].

Важно отметить значение пришедших в историческую науку в 1960-е годы квантитативных (количественных) методов исследования, а в начале 2000-х годов – компьютерного картографирования и составления карт в формате ГИС (геоинформационные системы) при обработке массовой информации поземельного кадастра (писцовых книг и материалов Генерального межевания), успешно внедренных в работы по историко-аграрной и демографической проблематике (Д.А. Хитров, А.А. Фролов, Д.А. Черненко, А.А. Голубинский и др.) [15–20]. В плане источниковедческом все это имело и по-прежнему сохраняет существенное значение для мобилизации более эффективных методов научного познания, повышения информационной отдачи традиционных и новооткрываемых источников, более оптимального сочетания качественного и количественного их анализа в широких хронологических пределах.

К рецензируемой работе (а это почти 40 авторских листов) Л.Г. Степанова шла не сразу: в 2004 г. ею была опубликована монография об уровне развития крестьянского хозяйства в Новгородской земле на рубеже XV–XVI вв. [12]. Не случайно в небольшом предисловии к ней Л.В. Милов поддержал успешно реализованный автором продуктивный метод поиска и анализа «скрытой информации» новгородских писцовых книг. Первая монография Л.Г. Степановой по ряду принципиальных положений была выстроена как оппонирующая коллективному трехтомному труду ленинградских историков под руководством А.Л. Шапиро [1; 2; 3]. Исследовательница иначе трактовала окладную единицу *обжа*, установила механизм ее архаичного «одабривания» (как компенсации низкого качества земли ее большим количеством), низкую урожайность озимых и яровых культур, обусловленную неблагоприятными природно-климатическими

факторами, предложила принципиально другие критерии для группировки крестьянских дворов (не по размерам посевов, а по нормам обложения). Это было важно в контексте более крупной проблемы экономической дифференциации, степени зажиточности и социального расслоения новгородских земледельцев [12, с. 216–218, 227–230].

Новая книга автора начинается с Проблемно-историографического очерка, образующего 1-ю главу (с.18–69). В нем историко-экологическая проблематика рассмотрена в общем пространстве научного поиска мировой социоестественной истории, зарубежной и отечественной. Помимо теоретико-концептуальных аспектов, в данном очерке четко прописаны современные подходы к рассмотрению проблем исторической демографии (особенно в связи со структурно-демографической теорией, развиваемой ныне известным ученым С.А. Нефедовым), а еще – вопросы хлебного бюджета в контексте более общей проблемы народного благосостояния, разрабатываемого Б.Н. Мироновым, А.Г. Гудковым и рядом других современных специалистов [4; 10].

Автор сформировала и разработала огромную источниковую базу – от новгородских писцовых и приправочных книг XVI в. до обширного и сложного по составу массива документации Генерального межевания в России второй половины XVIII – первой трети XIX в., выявленного во множестве региональных и федеральных архивохранилищ (с. 524–537). Обращается она также и к источникам XVII–XIX вв. (законодательным, нарративным, личного происхождения и др.). Развернутому анализу источников посвящена глава 2-я книги (с. 70–162).

Ряд содержательных линий, разработанных Л.Г. Степановой в ее первой книге, последовательно рассмотрен и развит в рецензируемой книге – 2021 г. изд. Это относится к сквозной теме обеих монографий – углубленный многомерный, многоуровневый анализ крестьянского хозяйства. В том, КАК это сделано в книге, очевидны *несомненная мастеровитость* автора в работе с обширными документальными массивами и общий системный подход к историографическому и источниковедческому контексту изучаемой проблематики. Сюжет об урожайности зерновых дополнен во второй книге разработками о колебаниях хлебных цен в XVI–XVIII вв. на основе Полных и Камеральных примечаний к Генеральному межеванию (с. 428–449). Помимо своей монографии 2004 г. изд., в рецензируемой книге автор всецело опирается на изданные уже после первой книги статьи (около 40, в том числе англоязычные) во множестве высоко-рейтинговых изданий, входящих в международную базу цитирования Scopus и Web of Science плюс ваковские журналы, а еще многочисленные выступления на международных и всероссийских конференциях и симпозиумах, в том числе и зарубежных (Англия, Швеция, Япония). Показательно активное участие Л.Г. Степановой с 2000 г. в регулярно проводимых аграрных симпозиумах, всероссийских конференциях по писцовым книгам, Миловских чтениях – это также способствовало распространению научных изысканий исследовательницы, их углублению и уточнению в ходе научных дискуссий по актуальным

вопросам аграрной и экологической истории. Не случайно в шести состоявшихся за 2009–2019 гг. Миловских чтениях отдельная рубрика отводилась проблемам источниковедческого и конкретно-исторического изучения материалов Генерального межевания [11; 13–14].

Автором удачно комбинируются макро- и микро-уровни воздействия крестьянства на природную среду (пятина – половина пятины – губерния – уезд – погост – двор), механизмы выживаемости, резистентности (устойчивости) крестьянского хозяйства к неблагоприятным природно-климатическим условиям, особенно в голодные и неурожайные годы, периоды социальных катаклизмов. С применением современных информационно-цифровых технологий Л.Г. Степановой проведена громадная по объему и трудоемкая работа по составлению и систематизации электронных Баз данных (БД) на основе Экономических примечаний, других материалов Генерального межевания о качестве земли, плодородии почвы, иными сведениями об окружающей природе. Представленный автором опыт ретроспективного сопоставления разных по времени материалов поземельного кадастра, несомненно, обогащает методику разработки ряда кардинальных проблем аграрной истории, эволюции аграрного строя России в XVI–XIX вв. и по крестьяноведению вообще.

Тщательно просчитанная информация массовых источников систематизирована автором в десятках таблиц, размещенных как в основном тексте, так и в Приложении. Такой же принцип формирования и расположения таблиц был реализован и в первой монографии автора. Думается, было бы целесообразно дать в конце книги их общий список: слишком много места он не занял бы, зато лучше сориентировал читателя в характере источниковой базы, способах ее обработки и структурирования, только нагляднее подчеркнул бы масштаб проделанной автором работы. Сказанное можно отнести и к приведенным в книге многочисленным графическим рисункам. Считаю также, что в монографии были бы уместны два указателя – имен и географических названий, а также предметно-терминологический словарь-тезаурус. Однако их отсутствие могло объясняться особенностями подготовки книги, ее объема и условиями финансирования РФФИ.

По ходу всей работы крестьянское хозяйство последовательно понимается автором как самодостаточный экосоциальный организм, существующий в исторической реальности на определенной территории и неразрывно связанный с природной средой, зависимый от нее и, вместе с тем, активно с ней взаимодействующий (с. 128 и др.). Так выстраивается природно-жизненное пространство крестьянского хозяйства, важнейшие параметры его функционирования – качество почв, обеспеченность земель, урожайность зерновых, хлебный бюджет, видовой состав деревьев и кустарников, животного мира, важного для компенсации продуктового дефицита. Анализу лесных, охотничьих, рыбных ресурсов и резервов крестьянского хозяйства посвящена 5-я глава монографии (с. 363–427).

Попутно у читателя книги возникает вопрос о значении такого фактора, как владельческая принад-

лежность самих крестьян (государственные, удельные, помещичьи, экономические – бывшие монастырские, какие-то еще?). Аналогично и в отношении налогово-фискальной политики государства: в какой степени и она должна быть учтена в разработке проблемы крестьянского благосостояния, ведь изучаемое время обычно характеризуется в научной литературе значительным усилением фискального гнета на крестьянство со стороны государства и помещиков. Разумеется, в задачу исследования Л.Г. Степановой эти вопросы отнюдь не обязательно должны были входить. В таком случае ряд оговорок на этот счет напрашивается в вводной части работы.

Проблеме крестьянских бюджетов и питания посвящена 6-я глава рецензируемой книги (с. 428–512). Обращение к этим вопросам вполне правомерно, ведь это весьма важные составляющие крестьянского благополучия, структуры потребления и повседневности. В главе речь идет исключительно о зерновом (хлебном, по сути) бюджете. В северо-западных губерниях при низкой урожайности он был невелик, что компенсировалось промысловыми занятиями крестьян. Это показывает глубокую натурально-хозяйственную «матрицу» крестьянской экономики, принципиальное ее значение в аграрном строе средневековой Руси и России Раннего нового времени. А в какой степени может быть учтен еще и денежный бюджет для более релевантного построения ее общей модели? Кадастровые материалы, скорее всего, о нем сведений не содержат, значит, и здесь были бы необходимы соответствующие вводные ремарки автора. Во всяком случае рецензируемая монография побуждает к размышлениям о соотношении натурально-хозяйственных и товарно-денежных тенденций в эволюции аграрного строя России в длительной исторической ретроспективе на протяжении XVI–XIX вв.

Рецензируемая книга имеет прекрасное полиграфическое оформление. На обширной цветной вкладке представлены картографические материалы (погосты Деревской пятины в начале XVI в.), локализованы земельные массивы по качеству земли, грунта, почвы в ней же в целом, а еще в Яжелбицком, Еглинском, Березайском, Сеглинском и Бологовском погостах. В Приложении приведены геометрические специальные планы Валдайского уезда, схематическая карта Боровичского уезда Новгородской губернии, красочные иконы, фрески, миниатюры из ряда рукописных книг и старопечатных изданий, сочинений иностранных послов и путешественников (Альбом Мейерберга и др.). Думается, что и список рисунков, иллюстраций, составивших цветную вкладку, также усилил бы научно-справочный аппарат данной монографии.

Книга Л.Г. Степановой существенно обогащает, продвигает вперед теоретико-методологические разработки геоэкологической истории как новаторского направления новейшей историографии, источниковедения массовой документации, методы повышения ее информационной отдачи для изучения кардинальных проблем аграрной и демографической истории, методу ретроспективного изучения разных по времени материалов поземельного кадастра, использования информационных технологий при картографировании и составлении Баз данных. Представленный в ней

опыт комплексного анализа крестьянского хозяйства, его взаимодействия с окружающей средой, несомненно, будет востребован в последующих историко-типологических, региональных и обобщающих исследованиях на данную тему. Он важен как для научно-теоретического осмысления многовекового народного опыта рационального природопользования, антропогенного и природного факторов в истории, взаимодействия Общества и Природы, Человека и Природы, так и для практического решения этой актуальнейшей проблемы современности.

Литература

1. Аграрная история Северо-Запада России. Том 1. Вторая половина XV – начало XVI в. / ответственный редактор А. Л. Шапиро. – Ленинград : Наука, 1971. – 404 с.
2. Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Том 2. Новгородские пятины / ответственный редактор А. Л. Шапиро. – Ленинград : Наука, 1974. – 324 с.
3. Аграрная история Северо-Запада России. Том 3. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. – Ленинград : Наука, 1978. – 220 с.
4. Гудков, А. Г. Загадки северного малоземелья: источники компенсации дефицита продовольственного бюджета крестьянского хозяйства Русского Севера в конце XVIII – первой половине XIX в. / А. Г. Гудков. – Москва : [б. и.], 2006. – 24 с.
5. Иванов, А. Г. Рецензия на монографию: Степанова Л.Г. Природа и благосостояние. Освоение окружающей среды русским крестьянином в эпоху Средневековья и раннее новое время (СПб.: Алетейя, 2021. 637 с.) / А. Г. Иванов, А. А. Иванов // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. Научный журнал. – 2021. – Т. 7, № 4. – С. 392–394.
6. Канищев, В. В. Новейшие подходы к изучению геоэкологической истории России XVI–XVIII веков / В. В. Канищев // *Agrarian History*. – 2021. – № 8. – Р. 92–103.
7. Милов, Л. В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса / Л. В. Милов // *Вопросы истории*. – 1992. – № 4–5. – С. 37–56.
8. Милов, Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л. В. Милов. – 1-е изд. – Москва: Наука, 1998. – 573 с.; 2-е изд. – Москва : Наука, 2006. – 573 с.
9. Милов, Л. В. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия: историография, компьютер, методы исследования / Л. В. Милов, М. Б. Булгаков, И. М. Гарскова. – Москва : Издательство МГУ, 1986. – 301 с.
10. Миронов, Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России (XVIII – начало XX в.) / Б. Н. Миронов. – Москва : Весь мир, 2012. – 844 с.
11. Степанова, Л. Г. Новгородская обжа по массовым данным писцовых книг конца XV – начала XVI в. / Л. Г. Степанова // *Материалы XIII Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников по истории России*. Научные чтения, посвященные памяти П.А. Колесникова (К 95-летию со дня рождения). – Вологда : ВГПУ. – 2003. – С. 19–24.
12. Степанова, Л. Г. Новгородские крестьяне на рубеже XV–XVI столетий (уровень развития хозяйства) / Л. Г. Степанова. – Москва : Древлехранилище, 2004. – 323 с.
13. Степанова, Л. Г. Экологическая история по материалам крестьянских «сказок» и Экономических примечаний к Генеральному межеванию / Л. Г. Степанова // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время*. Выпуск 4. Четвертые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. – Москва : Издательство МГУ, 2015. – С. 404–408.

14. Степанова, Л. Г. Региональная экологическая история по материалам Экономических примечаний к Генеральному межеванию земель Российской империи: сравнительный аспект / Л. Г. Степанова // Русь. Россия: Средневековье и Новое время. Материалы V Чтений памяти академика РАН Л. В. Милова. – Москва : Издательство МГУ, 2017. – Вып. 5. – С. 407–412.

15. Фролов, А. А. Новгородские писцовые книги: источники и методы исследования / А. А. Фролов. – Москва ; Санкт-Петербург : Альянс-Архео. – 648 с.

16. Хитров, Д. А. К вопросу об эволюции феодального владения в Центральном Нечерноземье в XVII–XVIII вв. / Д. А. Хитров // Вестник МГУ. Серия История. – 2004. – № 1. – С. 79–101.

17. Хитров, Д. А. Нечерноземный центр России в материалах Генерального межевания / Д. А. Хитров, А. А. Голубинский, Д. А. Черненко // Русь, Россия. Средневековье

Новое время. Вторые чтения памяти академика Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции (Москва, 17–19 ноября 2011 г.). – Москва : Издательство МГУ, 2011. – С. 255–259.

18. Хитров, Д. А. Леса Центрального Черноземья в материалах Генерального межевания / Д. А. Хитров, А. А. Голубинский, Д. А. Черненко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2013. – № 1. – С. 165–169.

19. Черненко, Д. А. Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII–XVIII вв. (опыт региональной типологии) / Д. А. Черненко. – Вологда : Древности Севера. – 2008. – 224 с.

20. Черненко, Д. А. Характеристика почв в книгах валового письма первой трети XVII в. (на примере Суздальского уезда) / Д. А. Черненко // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8, № 6, ч. 1. – С. 111–117.

M.S. Cherkasova

REVIEW OF THE MONOGRAPH: STEPANOVA L.G. NATURE AND WELFARE. THE DEVELOPMENT OF THE ENVIRONMENT BY A RUSSIAN PEASANT IN THE MIDDLE AGES AND EARLY MODERN TIMES. SPB.: ALETEIYA, 2021. 637 P.

The review analyzes the latest monograph by L.G. Stepanova. It presents the experience of environmental history based on a wide range of mass sources of the XVI–XVIII centuries. The Monograph is based on a combination of methods and approaches of macro- and microhistory, a huge amount of information is systematized in electronic Data Bases. The interaction of anthropogenic and natural factors in the history of Russia of the Middle Ages and the Early Modern Period is considered.

Ecological history, agrarian history, welfare, nature, scribes' books, materials of the General Survey.

А.В. Петров
Северный (Арктический) федеральный
университет имени М.В. Ломоносова

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «ПРИВЫЧНОГО ДЕЛА» В.И. БЕЛОВА:
монография / редактор и автор вступительной статьи С.Ю. Баранов.
Вологда: Полиграф-Периодика, 2021. 655 с.**

В рецензии рассматривается специфика специализированного научного справочного издания, ориентированного на выявление культурно-исторической содержательности одного из наиболее значимых произведений «деревенской прозы» – повести В.И. Белова «Привычное дело».

Василий Белов, «деревенская проза», энциклопедическая статья.

Энциклопедия одного литературного произведения – явление уникальное. В отечественном литературоведении пока существует только четыре подобных издания. «Энциклопедия “Привычного дела” В.И. Белова» впервые обращается к эпохе второй половины XX века, следовательно, она единственная в своем роде. Это издание призвано осветить и прокомментировать все, что связано с вершинным произведением выдающегося русского писателя, крупнейшего представителя «деревенской прозы» Василия Ивановича Белова (1932–2012).

Повесть «Привычное дело» стоит особняком в творческом наследии писателя, в «деревенской прозе» в целом, в ней сконцентрированы специфические черты этого важного литературного направления XX века, в ней находят достойное воплощение лучшие традиции русской классической литературы и русской народной культуры.

Создатели энциклопедии – коллектив авторов, в составе которого ученые Вологодского государственного университета: С.Ю. Баранов, Л.А. Берсенева, Т.Н. Воронина, С.Х. Головкина, С.Н. Патапенко, Ю.В. Розанов, А.В. Федорова. Выходу энциклопедии предшествовал серьезный подготовительный период, авторы опубликовали цикл статей, коллективную монографию, посвященные многоаспектному исследованию повести В.И. Белова «Привычное дело».

Рецензируемое издание отражает пристальный взгляд исследователей на общее и частное, на существенное и, казалось бы, незначительное. Получилось всеобъемлющее, цельное, глубокое исследование не только повести, но и вместе с ней времени, отражением которого она является. Подкупает тщательность, скрупулезность, хорошая введливость подхода к созданию этого, безусловно, ценного труда, имеющего научно-популярный справочный характер, в нем специалисты-исследователи, вузовские преподаватели и студенты, школьные учителя и учащиеся, широкий круг любителей словесности найдут полезную информацию.

Содержание любого литературного произведения потенциально неисчерпаемо, особенно если речь идет о знаковом, выдающемся произведении, к таковому,

безусловно, относится повесть В.И. Белова «Привычное дело». Ее содержательная актуальность и эстетическая ценность бесспорны, однако ее восприятие новыми поколениями читателей связано с определенными трудностями: необходимы историко-культурные и социально-экономические комментарии, поэтому в энциклопедии описываемая повесть включена в широкий исторический, социальный, культурный, литературный контекст, здесь прослеживаются и ее интертекстуальные связи.

В «Энциклопедии “Привычного дела” В.И. Белова» помещены самые разные энциклопедические статьи. Здесь можно обнаружить имена исторических деятелей, упоминаемых в повести (*Гитлер, Ф. Кастро, А. Матросов, А. Невский, Рузвельт* и др.), а также писателей, литературоведов, критиков, отзывающихся о ней (*Ф.А. Абрамов, В.П. Астафьев, И.П. Золотуский, Ф.Ф. Кузнецов, А.Я. Яшин* и др.); наименования географических объектов, так или иначе связанных с действием повести (*Алма-Ата, Воркута, Заполярье, Мурманск, Норвегия, Франция* и др.) или являющихся пространственными координатами в ее внутреннем мире (*Заозёрная деревня, Леоновская дорога, Леоновы стожья, Сосновка*); наименования произведений литературы и искусства, упоминаемых в повести или соотносимых с ней (*«В родных палестинах», «Матрёнин двор», «Называют меня некрасивою...», «Союз земли и воды»* и др.); требующие толкования историзмы, архаизмы, диалектизмы, профессионализмы и другие лексические единицы (например, *алтын, баской, мерёжа, очеп, райисполком*).

В энциклопедии, конечно же, представлена система всех персонажей повести – от главных до эпизодических, определяется место того или иного героя в художественном пространстве повести (*Иван Африканович, Катерина, Евстолия, Мишка Петров, Олёхасусед* и др.).

Издание обильно иллюстрируется примерами из повести и других произведений В.И. Белова, цитатами из справочной, научной, публицистической, художественной литературы. В приложении представлены графические рисунки к отдельным статьям (например, *бадья, барабанка, галифе, ворот, дровни*). На цветных

вклейках помещены иллюстрации к повести и репродукции работ вологодских художников, связанных с повестью тематически.

В энциклопедии дается не просто толкование понятия, а приводится важная информация, связанная с ним, именно для этого произведения. Так, статья «Библия» содержит анализ использования библейских мотивов во всем творчестве В.И. Белова и подробный комментарий всех упоминаний Священного Писания в повести «Привычное дело», при этом отдельные статьи посвящены библейской Притче о блудном сыне, Потопу, Марии Магдалине. Большой интерес представляет статья «Блуждание в лесу», пронизанная мифологическими народными представлениями о пограничном состоянии между жизнью и смертью.

Обращают на себя внимание статьи, посвященные анализу в контексте повести таких важных понятий, как *отцовство, материнство, родство, детство, близнецство, вдовство*; таких существенных концептов, как *война, город, деревня, деревья, дом, жизнь, звуки, колодец, лад, печь*.

Отдельная статья посвящена любимому выражению главного героя, давшему название повести, – *привычное дело*. В ней подробно анализируется употребление в контексте повести разных лексико-семантических вариантов слова *дело*, рассматриваются устойчивые выражения с ним: *дело житейское, дело обычное, ясное дело, странное дело*. Обращается внимание на принципиальную разницу между сочетаниями *дело привычное* и *привычное дело*. Прямой порядок слов в нем используется только в заглавии повести и седьмой подглавке ее последней главы: «“Привычное дело” становится синонимом слова “жизнь” в ее бесконечной повторяемости, показателем философских установок авторского мышления, восходящих к библейскому тексту Екклесиаста» [1, с. 421]. В тексте повести используется инверсионная форма сочетания: «...“дело привычное” раскрывает разные аспекты человеческой жизни, приглядные и неприглядные, ладные и неладные. “Дело привычное” как малый круг жизни человека входит в большой круг “привычного дела” мирового бытия» (Там же). Интересно, что о символике сочетания *привычное дело* говорится и в статье «Заглавие», однако в несколько ином ракурсе: «“Привычное дело” в повести обретает значение основного мотива произведения, его главной смысловой единицы» (Там же, с. 159). Заголовочное сочетание здесь рассматривается в контексте типологии заглавий в творчестве В.И. Белова, подобных афористичных формул в литературе, близкой по времени создания анализируемой повести.

В энциклопедии представлены литературоведческие (*внутренняя речь, время действия, диалоги, заглавие, комическое, одно вместо другого, предметный мир, пространство*), исторические (*декабристы, колхоз, налоги, недоимки, паспорт, сельсовет, уполномоченный*), этнографические (*катание белья, овся-*

ный кисель, отбивание косы, Петров день, похоронный обряд, сорочкины, Успенев день), культурологические (*экранизация*) статьи.

Большой интерес представляет статья «Маленький человек», в которой выявляются и характеризуются черты этого литературного типа в образе главного героя повести Ивана Африкановича: социальная ущемленность персонажа, ограниченность его личностных качеств, невзыскательность к условиям существования, покорность жизненным обстоятельствам и др. (всего 10) (см. [1, с. 280]).

В статье «Язык “Привычного дела”» анализируются языковые особенности повести, которые прежде всего связаны с сочетанием литературного языка и живой народно-разговорной речи, свойственной жителям севернорусской деревни. Рассматриваются диалектизмы на фонетическом, лексическом, словообразовательном, грамматическом уровнях. Особое внимание обращается на образный потенциал фразеологизмов, пословиц и поговорок, присказок и присловий в тексте повести. Отмечается широкое распространение разного типа сравнительных конструкций, повтора как выразительного средства, имеющего разную функциональную нагрузку.

Важно, что создатели энциклопедии сами в полной мере осознают актуальность, уникальность, большую теоретическую и практическую значимость своего труда. Во введении содержится основательный анализ подобного рода изданий, предшествовавших нынешнему, дается убедительное обоснование необходимости создания энциклопедии отдельного произведения на основе обобщения теоретических воззрений, выработанных литературоведением и культурологией, четкая мотивировка выбора именно повести «Привычное дело» В.И. Белова в качестве материала для создания энциклопедии, кроме того, здесь же указывается, чем может быть полезно данное издание разным категориям читателей – от специалистов-филологов до школьников. Книга содержит обширный библиографический список научной, критической, справочной и художественной литературы, использованной при ее подготовке, особо выделены разные издания повести и ее фрагментов. Большим подспорьем для читателей является словник энциклопедических статей с указанием страниц издания, на которых они опубликованы.

«Энциклопедия “Привычного дела” В.И. Белова», созданная учеными Вологодского государственного университета, представляет собой уникальное, единственное в своем роде, ценное, глубокое, полезное издание.

Литература

1. Энциклопедия «Привычного дела» В. И. Белова : монография / С. Ю. Баранов, Л. А. Берсенева, Т. Н. Ворони-на [и др.] ; редактор и автор вступительной статьи С. Ю. Баранов. – Вологда : Полиграф-Периодика, 2021. – 655 с.

A.V. Petrov

**BOOK REVIEW: ENCYCLOPEDIA OF «AN ORDINARY AFFAIR» BY V.I. BELOV:
MONOGRAPH / EDITOR AND AUTHOR OF THE INTRODUCTORY ARTICLE S.Y. BARANOV.
VOLOGDA, 2021. 655 P.**

The review examines the specifics of a specialized scientific reference publication focused on identifying the cultural and historical content of one of the most significant works of «village prose» – the story of V.I. Belov «An Ordinary Affair».

Vasily Belov, «village prose», an encyclopedic article.

В.А. Дозморов

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

**О НОВЫХ ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: УСТНАЯ ИСТОРИЯ: ИЗУЧЕНИЕ ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ 1940–1990-Х ГГ. ПО СВИДЕТЕЛЬСТВАМ ОЧЕВИДЦЕВ:
учебное пособие / сост.: Т.Н. Иванова, Н.Н. Агеева. Чебоксары: Среда, 2022. 196 с.**

В статье рассматривается учебное пособие преподавателей историко-географического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова Т.Н. Ивановой и Н.Н. Агеевой. Данное учебное пособие посвящено одному из наиболее востребованных направлений исторической науки – устной истории.

Устная история, устный исторический источник, воспоминания, интервьюирование, анкетирование, микроистория, история XX века.

Сегодняшний день сменил вчерашний и сам становится ступенькой в завтра. Так складываются биографии отдельных людей и история человечества в целом. Новейший период отечественной истории вызывает большой интерес среди представителей научного сообщества. И это не случайно. XX век отмечен грандиозными преобразованиями, которые коренным образом изменили облик нашей страны: «Двадцатый век был недолгим. Его началом стала русская революция 1917 г., а завершающим этапом – распад Советского Союза в декабре 1991 г. Конечно, были и другие события, имевшие весьма большое значение, – приход Гитлера к власти, мировая война, исчезновение империй Европы с политической карты, глобальное лидерство США. Однако все они в значительной степени были обусловлены влиянием экономического роста и политического вызова со стороны СССР» [1, с. 8].

Для более глубокого понимания и изучения данной эпохи следует обратиться к поиску новых методов исторического исследования. Не последнее место здесь отведено устной истории. В настоящее время это направление динамично развивается: «Сегодня устная история не просто модное направление, но целая индустрия исторических исследований» [2, с. 523].

Базовым принципом устной истории является введение в научный оборот таких исторических источников, которые созданы в результате бесед с участниками исследуемых исторических событий. Память личная и коллективная, жизненный опыт человека находятся в основе устной истории. Она отражает дух времени, дух эпохи, связанный прежде всего с эмоциональным восприятием событий.

Исходя из этого важным представляется издание книги «Устная история: изучение важнейших событий отечественной истории 1940–1990-х гг. по свидетельствам очевидцев», по типу данное издание заявлено как учебное пособие. Однако это несколько не умаляет его достоинства. Составителями данного

учебного пособия являются преподаватели историко-географического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова доктор исторических наук, профессор Т.Н. Иванова и кандидат исторических наук, доцент Н.Н. Агеева (рис. 1).

Рис. 1. Обложка учебного пособия

Прежде всего, авторы отмечают цели издания учебного пособия. Во-первых, изучение основ устной истории и методики создания устных исторических источников. Во-вторых, введение в научный оборот новых исторических материалов по отечественной истории новейшего периода. В-третьих, анализ исторических событий второй половины XX века сквозь призму эмоций их участников.

В свою очередь обозначенные цели определяют структуру учебного пособия. В рецензируемом издании можно выделить три части. Прежде всего, в первой части раскрывается понятие «устная история», рассматриваются этапы становления данного направления, дается классификация устных исторических источников. Так, Т.Н. Иванова и Н.Н. Агеева отмечают, что устная история – это «направление междисциплинарных исследований, предметом которого являются вопросы формирования, интерпретирования, изучения и использования устноисторических источников» [3, с. 8]. Кроме того, названы причины, способствующие, по мнению авторов учебного пособия, становлению и развитию устной истории как отдельного направления в исторической науке. Это, прежде всего, «актуальность проблем, связанных с “недавним” прошлым» (Там же, с. 10). В качестве научного метода устная история зародилась в США в конце 1940-х годов. В связи с этим в западной науке, как считают Т.Н. Иванова и Н.Н. Агеева, принято выделять четыре этапа в развитии этого направления. Первый этап: 1950–1960-е годы. Второй этап: 1960–1970-е годы. Третий этап: 1970–1980-е годы. Четвертый этап: с 1990-х годов по настоящее время. От этапа к этапу происходит охват все большего круга изучаемых проблем в рамках устной истории, развитие технических средств, помогающих в сборе устных источников. Отечественные исследователи, отмечают авторы учебного пособия, с данным научным направлением познакомилась в 1980-е годы, в эпоху перестройки. Что касается понятия «устный исторический источник», то авторы пособия объясняют его следующим образом: «Характерным признаком устного исторического источника является неповторимость и субъективность информации, которая отражает видение конкретного человека как очевидца или участника исторических событий. Принципиальным отличием устного исторического источника является то, что он возникает в процессе “говора”». Это источник фиксируется в виде аудио- или видеозаписи» (Там же, с. 18–19).

Во второй части пособия Т.Н. Иванова и Н.Н. Агеева отмечают, что «особенностью устной истории является изучение исторического времени посредством воспоминаний людей» (Там же, с. 27). Авторы дают рекомендации по созданию устных исторических источников посредством интервью с участниками тех или иных исторических событий. Описывают особенности поведения респондентов, виды вопросов. Кроме того, отмечают возможности устной истории с точки зрения воспитания подрастающего поколения: «Исходя из собственного опыта, можно утверждать, что в ходе

интервьюирования студентами ветеранов происходит диалог поколений, способствующий как социализации молодежи, так и важной рефлексии представителей старшего поколения» [3, с. 32].

В третьей части учебного пособия содержатся устные исторические источники: интервью, воспоминания, анкеты. Данные материалы затрагивают узловые события отечественной истории новейшего периода. Во-первых, Великая Отечественная война и процесс послевоенного восстановления народного хозяйства. В этом тематическом блоке представлены интервью с ветеранами боевых действий, тружениками тыла, детьми войны, всего 5 материалов. Во-вторых, влияние научно-технической революции на развитие системы образования. Здесь представлены материалы выпускников, преподавателей Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, всего 18 материалов. В-третьих, события в Афганистане, перестройка и распад Советского Союза, «лихие девяностые». В данном разделе представлены воспоминания современников конца XX века, ветеранов боевых действий в Афганистане, всего 5 материалов. Все представленные в учебном пособии материалы были подготовлены в период с 2014 года по 2020 год. Многие из них публикуются впервые.

Т.Н. Иванова и Н.Н. Агеева приходят к выводу, что устная история способствует появлению новых видов исторических источников, в частности характерных для микроистории и истории повседневности, которые могут дополнять, конкретизировать или оспаривать общепризнанные взгляды на исторические события.

Материалы, представленные в пособии, безусловно, могут быть использованы в методической и воспитательной работе, в том числе при разработке занятий по отечественной и региональной истории, а также по истории педагогики.

Литература

1. Аллен, Р. С. От ферм к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции / Р. С. Аллен ; перевод с английского Е. Володиной. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2013. – 300 с.
2. Ростовцев, Е. А. Российская наука об устной истории / Е. А. Ростовцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2018. – Т. 63, вып. 2. – С. 522–545. – URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.213> (дата обращения: 29.09.2022). – Текст : электронный.
3. Устная история: изучение важнейших событий отечественной истории 1940–1990-х гг. по свидетельствам очевидцев / составитель Т. Н. Иванова, Н. Н. Агеева. – Чебоксары : ИД Среда, 2022. – 196 с.

V.A. Dozmorov

**ABOUT NEW APPROACHES TO THE STUDY OF MODERN RUSSIAN HISTORY.
REVIEW OF THE TEXTBOOK: ORAL HISTORY: THE STUDY OF THE MOST IMPORTANT EVENTS
OF THE NATIONAL HISTORY OF THE 1940S–1990S ACCORDING TO EYEWITNESS ACCOUNTS /
comp. T.N. Ivanova, N.N. Ageeva, 2022. 196 P.**

The article discusses the textbook of teachers of the Faculty of History and Geography of the Chuvash State University named after I.N. Ulyanov T.N. Ivanova and N. N. Ageeva. This textbook is devoted to one of the most popular areas of historical science – oral history.

Oral history, oral historical source, memoirs, interviewing, questioning, microhistory, history of the XX century.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Волкова Татьяна Федоровна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской филологии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)
volkovatf777@gmail.com

Гехт Антон Борисович

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Россия)
a.geht@yandex.ru

Голиков Леонид Михайлович

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского и иностранных языков Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний России (Вологда, Россия)
LGolikov@mail.ru

Громько Сергей Александрович

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
ling2007@yandex.ru

Гриднева Наталья Александровна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики, межкультурной коммуникации и русского как иностранного Самарского государственного технического университета (Самара, Россия)
n.gavrilina83@mail.ru

Дозморов Валерий Александрович

аспирант кафедры истории России Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, ведущий специалист отдела методического сопровождения и анализа результатов государственной итоговой аттестации Центра оценки и мониторинга качества образования (Симферополь, Россия)
Dozmorov-Valeriy@yandex.ru

Егорова Людмила Владимировна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
lveg@yandex.ru

Зелезинская Наталья Станиславовна

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь)
zelennew@tut.by

Иванова Валентина Яковлевна

кандидат филологических наук, кандидат культурологии, доцент кафедры новейшей русской литературы Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)
i_valya@mail.ru

Котов Петр Павлович

кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар, Россия)
kotovpetr55@mail.ru

Кривуть Виталий Иванович

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и социально-гуманитарных дисциплин Барановичского государственного университета (Барановичи, Республика Беларусь)
krivut@mail.ru

Марков Александр Викторович

доктор филологических наук, профессор кафедры кино и современного искусства Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия)
markovius@gmail.com

Наумов Алексей Николаевич

независимый исследователь (Петрозаводск, Россия)
kemljak@mail.ru

Немчинов Антон Юрьевич

аспирант кафедры музейных технологий, истории и туризма Тюменского государственного института культуры (Тюмень, Россия)
AnYuNemchinov@gmail.com

Носова Татьяна Александровна

кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной работы и психологии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)
tannos@mail.ru

Петров Андрей Васильевич

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
a.petrov@narfu.ru

Румянцева Анна Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Института социальных и гуманитарных наук Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
smile_like_annie@yahoo.com

Саблин Василий Анатольевич

доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
sablin@inbox.ru

Столетова Анна Сергеевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета, доцент кафедры философии и истории Вологодской ГМХА (Вологда, Россия)
Stoletowa-A-S@yandex.ru

Телепень Сергей Валерьевич

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и обществоведческих дисциплин Мозырского государственного педагогического университета им. И.П. Шамякина (Мозырь, Республика Беларусь)
telepen_serg@mail.ru

Третьякова Ирина Александровна

магистрант кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
ira.tretiackowa2018@yandex.ru

Черкасов Валерий Анатольевич

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, Россия)
Cherkasov.valeri@mail.ru

Черкасова Марина Сергеевна

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
mscherkasova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Volkova Tatyana Fedorovna

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Philology, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russia)
volkovatf777@gmail.com

Gekht Anton Borisovich

Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of History and Regional Studies, the Bonch-Bruевич St. Petersburg State University of Telecommunications (Saint Petersburg, Russia)
a.geht@yandex.ru

Golikov Leonid Mikhaylovich

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Languages, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia (Vologda, Russia)
LGolikov@mail.ru

Gromyko Sergey Alexandrovich

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University (Vologda, Russia)
ling2007@yandex.ru

Gridneva Natalia Aleksandrovna

Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Pedagogy, Intercultural Communication and Russian as a Foreign Language, Samara State Technical University (Samara, Russia)
n.gavrilina83@mail.ru

Dozmorov Valery Alexandrovich

Postgraduate student of the Department of Russian History of V.I. Vernadsky Crimean Federal University, leading specialist of the department of methodological support and analysis of the results of the state final certification, Center for Evaluation and Monitoring of the Quality of Education (Simferopol, Russia)
Dozmorov-Valeriy@yandex.ru

Egorova Lyudmila Vladimirovna

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the English Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
lveg@yandex.ru

Zelezinskaya Natalya Stanislavovna

Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Department of Translation and Interpretation, Belarusian State University (Minsk, Belarus)
zelennew@tut.by

Ivanova Valentina Yakovlevna

Candidate of Philology, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Contemporary Russian Literature, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)
i_valya@mail.ru

Kotov Petr Pavlovich

Candidate of History, Associate Professor, Head of the National History Sector, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia)
kotovpetr55@mail.ru

Krivut Vitaly Ivanovich

Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Social and Humanitarian Disciplines, Baranovichi State University (Baranovichi, Belarus)
krivut@mail.ru

Markov Alexander Viktorovich

Doctor of Philology, Professor of the Department of Cinema and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)
markovius@gmail.com

Naumov Alexey Nikolaevich

Independent Researcher (Petrozavodsk, Russia)
kemljak@mail.ru

Nemchinov Anton Yurievich

Postgraduate Student Tyumen State Institute of Culture (Tyumen, Russia)
AnYuNemchinov@gmail.com

Nosova Tatyana Aleksandrovna

Candidate of History, Associate Professor of the Department of Social Work and Psychology, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russia)
tannos@mail.ru

Petrov Andrey Vasilyevich

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Language and Speech Culture of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
a.petrov@narfu.ru

Rumyantseva Anna Sergeevna

Candidate of Philology, Associate Professor of the English Department, Institute of Social and Humanitarian Sciences, Vologda State University (Vologda, Russia)
smile_like_annie@yahoo.com

Sablin Vasily Anatolyevich

Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of World History and International Politics, Vologda State University (Vologda, Russia)
sablin@inbox.ru

Stoletova Anna Sergeevna

Candidate of History, Associate Professor of the Department of National History, Institute of Social and Humanitarian Sciences, Vologda State University, Associate Professor of the Department of Philosophy and History, Vologda State Dairy Farming Academy named after N.V. Vereshchagin (Vologda, Russia)
Stoletowa-A-S@yandex.ru

Telepen Sergey Valeryevich

Candidate of History, Associate Professor of the Department of History and Social Sciences, Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin (Mozyr, Belarus)
telepen_serg@mail.ru

Tretyakova Irina Aleksandrovna

Postgraduate Student of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Institute of Social and Humanitarian Sciences, Vologda State University (Vologda, Russia)
ira.tretyackowa2018@yandex.ru

Cherkasov Valery Anatolyevich

Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Theory, Pedagogy and Methods of Primary Education and Fine Arts, Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)
Cherkasov.valeri@mail.ru

Cherkasova Marina Sergeevna

Doctor of History, Professor, Professor of the Department of the Theory and History of Culture and Ethnology, Vologda State University (Vologda, Russia)
mscherkasova@mail.ru

Научное издание

ВЕСТНИК ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия: Исторические и филологические науки
№ 3 (26) / 2022

Главный редактор В. А. Саблин

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-75973 от 13.06.2019 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Подписано в печать 31.10.2022 г. Выпуск в свет 18.11.2022 г. Формат 60 x 84/8
Уч.-изд. л. 14,5. Усл. печ. л. 15,0. Тираж 45 экз. Заказ № 746. Цена свободная

ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»
160000, Вологодская область, город Вологда, улица Ленина, дом 15

Отпечатано: ООО РА «Эпатаж»
160004, г. Вологда, ул. Ленинградская, 38
Тел.: (8172) 724-800, 70-25-77, e-mail: ra-epatazh@mail.ru